

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2021 № 1 (29)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
- Е. И. Горошко*, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
- Е. Г. Елина*, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
- В. И. Карасик*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
- Т. В. Ларина*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
- В. А. Маслова*, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
- Б. Ю. Норман*, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, Ph.D., проф. (Канберра, Австралия)
- В. В. Прозоров*, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
- В. А. Салимовский*, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
- О. Б. Сиротинина*, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
- А. П. Сквородников*, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
- Т. И. Стеклова*, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
- З. К. Темиргазина*, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
- Т. В. Шмелёва*, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanislaw Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Bert Peeters (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Alexandr P. Skovorodnikov (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

В. А. Маслова Витебск, Беларусь	Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики.....	6
В. В. Дементьев Саратов, Россия	Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как ... жанр речи?	12

Исследования отдельных жанров

Т. А. Янсон Тверь, Россия	Контактная экскурсия: речевой жанр vs коммуникативное событие.....	34
С. Б. Владимирова Томск, Россия	Судебное экспертное заключение как речевой жанр (на материале судебно-медицинской экспертизы).....	41
Н. В. Куркан Томск, Россия	Модель жанра «Руководство по эксплуатации»	49
Т. С. Боц Саратов, Россия	Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж».....	57

Жанры СМИ

М. А. Ширинкина Пермь, Россия	Форматы и жанры медиакоммуникации исполнительной власти.....	66
---	--	----

Интернет-жанры

А. В. Угро Владивосток, Россия	Трансформация жанра «воспоминание» в социальной сети Instagram.....	78
--	---	----

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Valentina A. Maslova** Vitebsk, Belarus Speech genre theory through the prism of modern linguistics..... 6
- Vadim V. Dementyev** Saratov, Russia An article on speech genres in the “Speech genres” journal as ... a speech genre? 12

Studies of Individual Genres

- Tatiana A. Yanson** Tver, Russia Contact excursion: Speech genre vs communicative event 34
- Sofya B. Vladimirova** Tomsk, Russia Judicial expert opinion as a speech genre (based on judicial medical expertise) 41
- Nataliya V. Kurkan** Tomsk, Russia A model of the operations manual speech genre in engineering communication 49
- Tatyana S. Bots** Saratov, Russia Violation of the cooperative principle as the manifestation of “communicative sabotage” speech genre 57

Genres of Mass Media

- Mariya A. Shirinkina** Perm, Russia Formats and genres of media communication of the executive power 66

Internet Genres

- Anna V. Ugro** Vladivostok, Russia Transformation of the genre “Memoirs” in social network instagram 78

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 6–11
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 6–11

Научная статья
УДК 81'1:81'38'42
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики

В. А. Маслова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры
дошкольного и начального образования, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Аннотация. В статье рассматривается статус теории речевых жанров (ТРЖ) и ее вклад в развитие современной лингвистики. В полемической статье профессора В. В. Дементьева утверждается, что ТРЖ отличается широта исследовательской проблематики, тесная связь с такими научными дисциплинами, как теория речевых актов, коллоквиалистика, дискурс-анализ, лингвоперсоналогия и другими науками, изучающими человека и его язык. Данный тезис не вызывает возражений с учетом того, что XXI век – век синкретизма и взаимопроникновения наук, что стало одной из основных черт всей постнеклассической науки. Данный подход обеспечивает целостную рефлексию об объекте изучения, в нашем случае – о языке. Он получил название **синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность**. В общих чертах эти термины синонимичны, ибо основаны на идее холизма всего сущего в мире. И в этом смысле ТРЖ идет в русле современной науки. Вызывает полное понимание тезис В. В. Дементьева о диффузности жанров. Диффузность можно считать важнейшей тенденцией не только науки, но и всей современной культуры. В статье это продемонстрировано на конкретных примерах.

Некоторые положения статьи В. В. Дементьева представляются нам дискуссионными: проблема всепроникаемости ТРЖ в лингвистику во всем ее объеме, что может породить опасную тенденцию – поглощение лингвистики теорией речевых жанров. Их интересы действительно часто пересекаются, но каждая из названных наук по-своему решает проблему общения личности в социальной среде, и у каждой из них – свой предмет и своя история. На сегодняшний день ТРЖ не может учесть многих процессов, происходящих в речи, но это сравнительно новая наука, у которой большое будущее.

Ключевые слова: лингвистика, теория речевых жанров, теория коммуникации, интернет-коммуникация
Для цитирования: Маслова В. А. Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 6–11. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

Speech genre theory through the prism of modern linguistics

Valentina A. Maslova, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk 210038,
Belarus

Abstract. The article deals with the status of the speech genres theory (SGT) and its contribution to the development of modern linguistics. In his polemical article Professor V. V. Demytyev argues that SGT is characterized by the wide range of research problems, a close connection with such academic domains as the theory of speech acts, colloquial studies, discourse analysis, linguistic personology and other areas that study a human and their language. This thesis does not raise objections, as the 21st century is considered to be the

century of syncretism and interpenetration of sciences, which has become one of the main features of the entire post-non-classical science. This approach provides a holistic reflection on the object of study, in this case, on the language. It is called syncretism, integrity, interdisciplinarity, polydisciplinarity, transdisciplinarity. In general, these terms are synonymous, because they are based on the idea of holism of everything in the world. In this sense, SGT is in line with modern science. The thesis of V. V. Demytyev on the diffusion of genres. Diffusion can be considered as the most important trend not only in science, but also in the entire modern culture, which is shown with the help of examples.

However, some statements of V. V. Demytyev's article seem debatable: the problem of the pervasiveness of SGT in linguistics in its entirety, which can give rise to a dangerous tendency – the absorption of linguistics by SGT. Their interests do often overlap, but each of the named areas solves the problem of personal communication in a social environment in its own way, and each of them has its own subject and its own history. Today SGT cannot take into account many of the processes occurring in discourse, but this is a relatively new science with a great future.

Keywords: linguistics, speech genres theory, theory of communication, Internet communication

For citation: Maslova V. A. Speech genre theory through the prism of modern linguistics. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 6–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Наступило время, когда ученые, наконец, поняли, что все в мире взаимосвязано, поскольку был открыт закон Всеединства. Грегг Брейден пишет: «Все вещи взаимосвязаны через Сознание. От самых отдаленных уголков открытого космоса, макрокосмоса, до самых потаенных уголков внутреннего пространства, микрокосмоса, и квантовой физики – все является отражением одного Сознания» [1: 151].

Поэтому в науку все активнее проникает идея единства всего сущего в мире, т. е. формируется целостный образ мира. Таковы понятие диссимилиации у лингвистов, микробиолога Л. Пастера и биогеохимика В. И. Вернадского, а также другие идеи В. Вернадского – идеи «скоростей» и «чудовищно уплотненного времени», которые нашли отражение в языке и творчестве, например, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Следовательно, современные знания разбросаны по различным областям многоликой науки. Но есть светлые личности, пытающиеся писать о мире с позиции синтеза. Такова точка зрения А. Ф. Лосева, стоящего на позиции философии цельного знания отечественной школы Всеединства. Таковы последние труды Ю. С. Степанова, показывающего синтез эстетического и филологического восприятия культуры. Он понимает метасинтез как Гипертекст в своем учении о Воображаемой Словесности – особом эстетическом пространстве творческого обитания человека в культуре [2].

1. Гуманитарные науки и тенденции их развития

Нам хотелось бы обсудить состояние гуманитарных наук. Эпоха глобализма, в которую

мы вступили, еще более усилила тенденцию к интеграции. С точки зрения глобалистского подхода гуманитарные знания (как и гуманитарное образование вообще) лишены в обществе. Глобализм не учитывает тех ценностей, которые входят в культурный код народа, откуда дегуманизация общества и национального образования. Но мы знаем, что отставание гуманитарных наук от технических и естественных может привести к гибели цивилизации вообще: «ядерный чемоданчик» может открыться в любой момент. Без правильного понимания Добра и Зла рушатся традиционные национальные ценности, потому что эти нравственные категории являются двумя противоположными началами мира, хотя их наполнение исторически изменчиво. Добро и зло – это не только вечная проблема, которую пытались решить в великих творениях духовной жизни человека (науке, философской мысли, религии, художественном творчестве), но и основа выбора человеком точки отсчета в обычной жизни. Потеря ориентации на Добро приведет человечество не только к физическому самоуничтожению, но даже если оно и выживет, то превратится в стадо. Сама способность различать добро и зло – дар Божий, но этому может научить гуманитарно ориентированное общество. Добро – это путеводная нить для всего мировоззрения.

Главная задача всех гуманитарных наук – понять, как цивилизационные достижения влияют на общество и сознание человека, и преодолеть негативные последствия современных вызовов. Отсюда необходимость проведения гуманитарной экспертизы нано-, био-, информационных научных проектов. Примеров, когда их отдаленное влияние не учитывалось, сколько угодно: слишком активное

внедрение химии в сельское хозяйство, быт и другие области человеческой жизнедеятельности негативно влияют на человеческий организм и окружающую природу. Поголовное внедрение информационных технологий в нашу жизнь, в том числе учебный процесс, привело к развитию клипового сознания молодежи со всеми вытекающими отсюда последствиями и т. д.

В этой связи проявилась тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания – одна из определяющих характеристик всей постнеклассической науки, что привело к объединению естественных и гуманитарных наук, математических и гуманитарных наук. Данный подход обеспечивает более или менее целостную рефлексию об объекте изучения. Он получил название **синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность**. Хотя некоторые ученые дифференцируют их (И. В. Измайлов, Л. П. Киященко), в общих чертах они синонимичны, ибо основаны на идее холизма всего сущего в мире.

В последние десятилетия открылись новые области познания, которые уже нельзя понять с позиции одной науки. Появились новые знания – мир просторов Космоса и мир атомов и их ядер, на что указывал еще В. И. Вернадский, один из основоположников антропокосмизма, в своей работе «Научная мысль как планетарное явление». Возникла квантовая медицина, исследующая механизмы регуляции самогенеза человека (В. С. Белокрыцкий и др.). Физик Н. А. Бульенков переоткрыл идею древних о воде как первооснове мира. Он показал, что вода является основой для конфигурационного строения сложных структур природы, в том числе и биологических. Появление супермалых и супербольших пространств для научного исследования потребовало изменения важнейших параметров научного мышления. Так возникло еще одно направление методологических поисков универсального описания – **теория тотальности** (90-е годы XX века) [3]. Ее представители считают, что и системное языкознание и синергетическое – взаимодополняющие сущности.

2. Синкретизм в лингвистике и ТРЖ

В последние десятилетия синкретизм (интегративность) становится ведущей мировоззренческой идеей всякого научного знания, в том числе знания о языке. Как справедливо заметил В. А. Звегинцев, «язык образует главный компонент той среды, вне которой невозможны все виды интеллектуальной и духовной деятельности человека» [4: 206]. Из сказанно-

го вытекает, что исследование языка – одно из приоритетных направлений человеческого знания вообще, поэтому устройством языка интересуются не только философы, но и физиологи, биологи и представители других наук. Этот процесс Е. С. Кубрякова назвала *лингвистической экспансией*.

Еще значительно раньше, великий Э. Сепир, обладавший широкой эрудицией, 135-летие со дня рождения которого недавно отмечалось, указал перспективы развития лингвистики. Благодаря его провидческим трудам, на современном этапе развития лингвистики наибольшую актуальность приобретают работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач. В отличие от Ф. де Соссюра, который отстаивал идеи «чистой» лингвистики без участия других наук в изучении языка, Э. Сепир смотрел в глубь языка и старался не утратить за частными вопросами целого [5]. По мнению А. Е. Кибрика, Э. Сепир «вошел в первую десятку фигур, наиболее значимых для мировой лингвистики XX века» [6: 1]. Одним из очень важных и привлекательных для современной лингвистики явилась его идея целостного видения языка во всем многообразии его структуры, функционирования, отношений с социумом и культурой.

Реализация данной идеи выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, активно используются при решении конкретных задач в одной области, во-вторых, необыкновенно расширяется исследовательская проблематика таких сложных феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Это обеспечивает многоаспектность подхода и одновременно допускает получение неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи. Такова по своей сути теория речевых жанров (ТРЖ).

Именно широту исследовательской проблематики отмечает В. В. Дементьев в своей важной теоретической статье, которая побуждает к дискуссии [7]. Жанр как многомерная и универсальная категория попадает в сферу исследовательских интересов различных научных направлений: литературоведения, фольклористики, журналистики, жанроведения (исследует жанры бытовой речи) и др. Вероятно, первой русской теорией жанров можно считать работу М. В. Ломоносова 1758 года «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». Традиционно основоположником данной области знания считается М. М. Бахтин, который называл жанр – «представителем творческой памяти», т. е. опорой для творчества.

В нашем понимании жанр выступает как категория, которая организует коммуникативную и творческую деятельность и создает наборы конвенциональных способов высказывания на каждую область деятельности.

И в этой связи полную солидарность вызывает ряд положений данной статьи. Так, В.В. Дементьев пишет: «развитие ТРЖ не было индифферентно по отношению к развитию лингвистики... В целом вполне правомерен взгляд и на появление, и на развитие ТРЖ как ответ на запросы и конкретные проблемные вопросы именно лингвистики» [7: 173]. ТРЖ действительно стремится к интеграции с целым рядом областей лингвистики, перечисленных В. В. Дементьевым: теория речевых актов, коллоквиалистика, дискурс-анализ, лингвоперсоналогия и другими науками, изучающими человека и его язык. Более того, целый ряд названных областей знания может быть рассмотрен как жанр: например, жанр речевого портрета, который исследуется в лингвоперсоналогии, разные виды речевых актов – тоже жанры. Несколько шире теория разговорной речи (коллоквиалистика) и дискурс-анализ, но и здесь жанр может функционировать как единица анализа.

Некоторые области знания, выделенные автором, жанроведение как способ представления речевой картины современности, жанр как средство типологического осмысления лингвокультур, жанр и интернет-коммуникация или игровая коммуникация, корпусная лингвистика – это лишь широкое исследовательское поле для теории речевых жанров, без которой названные отрасли лингвистики прекарасно обходятся. И тем не менее, ТРЖ обладает огромной эпистемологической потенциальностью.

Вызывает полное понимание тезис В. В. Дементьева о диффузности жанров. Диффузность можно считать тенденцией всей современной культуры, а не одной науки. Примером может служить картина Филонова «Симфония Шостаковича». Еще пример – опера «Евгений Онегин» в современной интерпретации Юрия Башмета, которая включает сцены из оперы П. И. Чайковского, они перемежаются чтением поэмы А. Пушкина. Это размытая модификация традиции, согласно которой в опере существуют речетативы наряду с ариями. Демонстрацией диффузности может служить возможность постановки балета по текстам русской прозы, например, «Анна Каренина» в постановке Кировского театра Петербурга. Диффузность дает прекрасные результаты: импрессионисты до физиологов и врачей открыли цветное зрение, а Ф. Достоевский поднял и даже частично решил ряд психологических проблем. Само понимание культуры, по А. Белому, это «целостность, органиче-

ское соединение многих сторон человеческой деятельности» [8: 531]. По мнению В. И. Постоваловой, такое симфоническое понимание культуры применимо к православному богослужению, в котором «музыка (пение), слово и живописный образ (икона) не воспринимаются изолированно, будучи подчинены единой, высокой, онтологической цели молитвенного Богообщения и обожения человека» [9: 61]. И в этом смысле диффузность ТРЖ, которая исследует язык в действии, – веяние времени.

В целом считая публикацию названной статьи своевременной и нужной, не хотелось бы согласиться с одной из главных мыслей автора, что ТРЖ – это «наше всё»: ТРЖ «представляет собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры языка..., ни функционирование языка..., ни истории языка, включая прогностику» [7: 173]. Остается только удивляться, как это удалось развиваться лингвистике до формирования ТРЖ?!

Но если серьезно, то, с одной стороны, всё со всем связано и в мире, и в языке. Так, формирование новых функциональных стилей в языке ведет к формированию новых жанров: бизнес-коммуникация дала не только новые слова (*акция, маркетинг, приватизация, биржа, демпинг, инвестиции* и др.), но и породила новые жанры – бизнес-презентация и др. В интернет-коммуникации на наших глазах формируются, например, жанр рецензии на книги в Интернете (такая рецензия в значительной степени есть презентация книги и ее реклама), жанр мема.

С другой стороны, лингвистам хорошо известно, что существует различие между словом в словаре и в сфере его функционирования. Например, слово *только* – по словарю – это наречие, союз и частица, оно имеет значение – «всего лишь». Но в его функционировании оно стимулирует целый поток новых значений и смыслов, если, например, его поочередно подставлять к каждому слову предложения *Он говорил ей, что любит ее*. Смысл фразы здесь, подобно ткани, сплетается из многих нитей, и дает каждый раз новую ситуацию. И с этой точки зрения у лингвистики и ТРЖ разные объекты и цели исследования – ТРЖ выявляет и исследует совокупности конвенциональных способов высказывания на каждую область деятельности, а лингвистика – всю сферу функционирования языка.

И здесь не должно возникнуть опасной тенденции – поглощения лингвистики теорией речевых жанров. Общим для них является деятельностный подход к коммуникации и языку в целом с его идеей единства коммуникативной и некоммунитивной человеческой

деятельности. Каждая из названных наук по-своему решает проблему общения личности в социальной среде, и у каждой из них – своя судьба.

Современная ТРЖ не может учесть многих процессов, происходящих в речи. Например, тот факт, что одна и та же фраза может служить разным целям, решать различные задачи. Так, фраза *старость не радость* может быть и упреком и оправданием, и утешением и отрицанием, и констатацией факта и кокетством и т. д.

В. В. Дементьев, пишет: «ТРЖ не совпадает с языком полностью» [7: 173]. Она и не должна совпадать. Язык многогранен, а ТРЖ описывает одну из его граней – это язык в действительности. Язык – сложный объект, понимание, определение и методы исследования которого основываются на разных его свойствах, признаках и функциях, т. е. на разных его гранях. И каждая из них – платформа разных научных направлений в лингвистике, одним из которых является ТРЖ.

В статье говорится, что РЖ – базовая единица членения языка, что также весьма сомнительно, т. к. речевой жанр не покрывает все вызовы языка. Если даже для современной лингвистики характерны приблизительные и упрощенные представления о сложной структуре и типологии семантических пространств, то в ТРЖ эти проблемы даже не затрагиваются.

Вывод

В XXI веке все гуманитарные науки стали другими, ибо к ним жизнь предъявила новые требования: прежде всего, это более высокий уровень синтеза гуманитарных наук, их интегративности не только между собой или внутри одной науки, но и с естественными науками и даже математикой. Нам не сле-

дует забывать слова В. А. Звегинцева, что «язык есть не нечто постороннее по отношению к человеку, что можно изучать лишь как некий «памятник» эпохи, направления или художественного творчества отдельных людей, а часть самого человека в такой же мере, в какой частью человека является его способность ходить на двух ногах в вертикальном положении, создавать орудия труда, мыслить понятиями и пр.» [4: 19]. Известно, что отцы квантовой физики Нильс Бор, Гейзенберг, Шрёдингер утверждали, что необходимо учитывать сознание как физическую величину, влияющую на все процессы. Было высказано предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т. е. ноосферы как его части и многое другое, что пока просто непонятно, ибо сокрыто.

В заключение хотелось бы применить идеи перенесения знаний из одной области науки в другую: из теории множеств в математику – в лингвистику. Согласно данной теории, пространство может быть задано многими геометриями, но все они равны, предпочтительной геометрии нет. Научное пространство в лингвистике также задается разными теориями – от когнитивной лингвистики и лингвокультурологии до теории речевых жанров и коллоквиалистики. Все они вносят свой вклад в развитие лингвистики и позволяют исполниться совету В. И. Вернадского вести исследования по проблемам, а не по наукам. Поскольку ТРЖ – сравнительно молодая наука, но у нее большое будущее, поэтому дискуссии о путях ее развития совершенно необходимы. А обобщающая теоретическая статья В. В. Дементьева дает богатую пищу для размышления, только, думается, более точным было бы название «Что получило жанроведение от современной лингвистики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брейден Г., Лаубер Л. Квантовая формула любви. М.: ЭКСМО, 2012. 351 с.
2. Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 167 с.
3. Кизима В. В. Тоталлология (философия обновления). Киев: ПАРАПАН, 2004. 272 с.
4. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
6. Кибрик А. Е. Сепир и современное языкознание // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 1–33.
7. Дементьев В. В. Что дало современное жанроведение современной лингвистике // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

8. Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон, 1999. 560 с.

9. Постовалова В. И. Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю. С. Степанова) // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 48–63.

REFERENCES

1. Brejden G., Lauber L. *Kvantovaja formula ljubvi* [Quantum formula of love]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 351 p. (in Russian).
2. Stepanov Ju. S. *Mysl'jashhij trostnik. Kniga o "Voobrazhaemoj slovesnosti"* [Thinking reed. Book about "Imaginary Literature"]. Kaluga, Eidos Publ., 2010. 167 p. (in Russian).
3. Kizima V. V. *Totallogija (filosofija obnovlenija)* [Totalology (philosophy of renewal)]. Kiev, PARAPAN Publ., 2004. 272 p. (in Russian).

-
4. Zvegincev V. A. *Jazyk i lingvisticheskaia teorija* [Language and linguistic theory]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 248 p. (in Russian).
5. Sepir Je. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., 1993. 656 p. (in Russian).
6. Kibrik A. E. Sepir i sovremennoe jazykoznanie [Sapir and modern linguistics]. In: *Je. Sepir: Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [E. Sapir. Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 1–33 (in Russian).
7. Dementyev V. V. What gave modern genre studies to modern linguistics. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian).
8. Belyj A. *Dusha samosoznajushhaja* [Self-conscious soul]. Moscow, Kanon Publ., 1999. 560 p. (in Russian).
9. Postovalova V. I. Symbol and reality (semiotic views and experiments of Yu. S. Stepanov). *Criticism and semiotics*, 2012, iss. 17, pp. 48–63 (in Russian).
-

Поступила в редакцию 14.09.2020 / После рецензирования 12.10.2020 / Принята 23.10.2020

Received 14.09.2020 / Revised 12.10.2020 / Accepted: 23.10.2020

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>

Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как ... жанр речи?

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В статье проверяется гипотеза, согласно которой за время существования теории речевых жанров и журнала / сборника «Жанры речи» сложились некоторые структурные – языковые, стилистические, текстовые – закономерности в «среднестатистической» статье по речевым жанрам (а именно: статье в журнале / сборнике «Жанры речи»). Предпринимается попытка проанализировать статьи по жанрам речи, опубликованные в журнале / сборнике «Жанры речи», со структурной (собственно речежанровой) точки зрения, по компьютерным моделям пермской жанрово-стилистической школы, Дж. Свейлза, Й. Мизута, Н. Колие, С. Теуфель и др.

Предлагаемый анализ принципиально не тематический (не с точки зрения, «о чем» статьи: каким проблемам жанровой организации речи или каким конкретно жанрам речи посвящены) и не научно-эвристический (не оценивается научная качественность, проблемность, актуальность статей, их вклад в науку). Анализируются способы введения данных положений и результатов в науку: наиболее регулярно используемые приемы и структурные закономерности, общие для статей по РЖ, например: какими единицами и категориями языка и речи оперируют при анализе авторы (от конкретных лексических, морфологических, синтаксических единиц до типов речевых актов), на работы каких направлений лингвистики (и не только) опираются в качестве теоретической базы (включая конкретные школы и конкретных авторов, а также частотность обращения к ним), как формулируют новое – прежде всего, стараются ли «вписать» его в существующий научный контекст, традиции (и какие), как обо всем этом говорят (язык, особенно термины, включая новые, формулировки принципиальных положений и методики, заголовков, включая заголовки отдельных параграфов, стиль (прежде всего отступления от собственно научного стиля), способ повествования (описания / рассуждения), композиция (членение статьи), специальные риторические приемы и т. д.).

Подробнее рассматриваются пункты: внутреннее цитирование; термины и заголовки статей; оценка (оценочные характеристики статей, уместные в контентных, вертикальных и т. п. речежанровых типологизациях) в журнале / сборнике «Жанры речи».

Ключевые слова: журнал / сборник «Жанры речи», структурный / речежанровый анализ, компьютерная модель, термины, заголовки, оценка

Для цитирования: Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как ... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>

An Article on speech genres in the “Speech genres” journal as ... a speech genre?

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>,

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article tests the hypothesis that in the history of the speech genres theory and the journal/collection of articles “Speech Genres”, some structural – linguistic, stylistic, textual – patterns have developed in the

“average” article on speech genres (namely: an article in the journal / collection of articles “Speech Genres”). The author attempts to analyze articles on speech genres published in the journal / collection of articles “Speech Genres” from a structural (oriented on the nature of a speech genre) point of view, according to computer models offered by Perm genre-stylistic school, J. Swales, Y. Mizuta, N. Collier, S. Teufel, etc.

The proposed analysis is intentionally of not thematic character (not from the point of view of “what” the articles are about: what problems of the genre organization of speech or what specific genres of speech the articles are devoted to) and not scientific-heuristic (academic quality, problemativeness, academic relevance of articles, their contribution to science are not evaluated). The focus is on the methods of introducing these provisions and results into science: the most regularly used techniques and structural patterns common to the articles on speech genres, for example: what units and categories of language and speech the authors operate in the analysis (from specific lexical, morphological, syntactic units to types of speech acts), on the works of which areas of linguistics (and not only) they rely as a theoretical basis (including specific schools and specific authors, as well as the frequency of references to them), how the new information is formulated – first of all, whether they are trying to “fit” it into the existing academic context, traditions (and which ones), the way they present all this (language, especially terms, including new ones, formulations of fundamental provisions and methods, headings, including the headings of individual paragraphs, style (first of all, deviations from the proper academic style), the way of narration (descriptions / reasoning), composition (segmentation of the article), special rhetorical techniques, etc.).

The following points are considered in more detail: internal citation; terms and headings of articles; evaluation (evaluative characteristics of articles that are relevant in content, vertical, etc. speech genres typologies) in the journal / collection of articles “Speech Genres”.

Keywords: journal / collection of articles “Speech Genres”, structural/speech genre analysis, computer model, terms, headings, evaluation

For citation: Demytyev V. V. An Article on speech genres in the “Speech genres” journal as ... a speech genre? *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Нынешний этап развития теории речевых жанров (далее – ТРЖ), вероятно, может быть охарактеризован как «время собирать камни» (такие прогнозы на ближайшее будущее жанроведения давал незадолго до своей смерти К. Ф. Седов¹ и, думается, как во многих своих суждениях, был прав), или, говоря более прозаично, время подвести некоторые промежуточные итоги и попытаться дать некоторую претендующую на объективность (статистическую, систематизаторскую, наукометрическую

или какую-то еще) оценку успехам и неудачам в изучении РЖ за все время существования ТРЖ (т. е., приблизительно, 30–35 лет). Это поможет и объективнее оценить сделанное, и даже, возможно, предсказать некоторые направления будущих поисков – как и предостеречь от некоторых бесперспективных или тупиковых шагов.

Представляется, что для этой цели полезно проанализировать статьи по жанрам речи,

¹ Собственно, прогнозов было несколько, и они менялись. Очень показательны, что научная судьба К. Ф. Седова во многом совпала с судьбой ТРЖ 1990-х – начала 2000-х гг. В 90-е гг. XX в., наряду с самыми радужными надеждами и первыми новаторскими исследованиями, очень авторитетно и заметно звучали предостережения из стана «консерваторов» (например, М. Ю. Федосюка, отчасти Т. В. Шмелевой), что до единой общеобъяснительной теории еще очень далеко (и не надо торопиться), а надо быть готовым к началу очень продолжительного периода – сбору конкретных материалов для будущей (когда-то в отдаленном будущем) энциклопедии речевых жанров. Тогда же высказывались (в т.ч. К. Ф. Седовым) противоположные точки зрения – о периоде «разбрасывания камней», предшествующем будущему собиранию этих самых камней (говоря прозаически, обосновывалась правомерность дедукции, которая в данном случае может и даже должна идти впереди индукции). Вот цитата из работы К. Ф. Седова 1999 г.: «В современном жанроведении, недавно возникшем и интенсивно развивающемся ныне направлении антропологической лингвистики, существует достаточно много типологий речевых жанров. Однако эта отрасль языковедения сейчас находится в той стадии своего развития, когда еще рано подводить итоги, рано «собирать камни». Потому (разрядка моя. – В. Д.) мы предлагаем свою типологию жанровых форм разговорной речи, осознавая, впрочем, ее дискуссионный характер» [1: 92]. Впрочем, что значит «собирать камни», для какого занятия, по мнению К. Ф. Седова, время еще не пришло в ТРЖ в 1990-е гг.? В этом смысле – систематизировать различные, желательны многообразные модели и концепции, разрабатывать дедуктивную теорию. Вот что К. Ф. Седов писал уже в начале нового века о развитии «УА-науки» – по сути, речеведения (важнейшей частью которого является теория речевых жанров): «Отечественная УА в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время “собирать камни”, время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений – гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т. п. – в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль» [2: 105].

опубликованные в журнале / сборнике «Жанры речи».

Польза такого анализа несомненна, и, верим, он когда-то будет осуществлен – полноценный научный аналитический обзор, обсуждающий вклад «Жанров речи» в развитие научных концепций и ввод в научный обиход обработанного материала².

Однако сейчас мы хотим предложить другой тип анализа статей по жанрам речи, опубликованных в журнале / сборнике «Жанры речи», лишь отчасти пересекающийся с обзором, – структурный, который, с некоторыми оговорками, может быть определен как собственно речежанровый.

В отличие от традиционного анализа работ, находящего выражение в аналитических обзорах, предлагаемый анализ принципиально не тематический (не с точки зрения, «о чем» статьи: каким проблемам жанровой организации речи или – в более узком смысле – каким конкретно жанрам речи посвящены: жанрам устного общения, литературы, политики, рекламы, медицины и т. п.) и не научно-эвристический (не оценивается научная качественность, проблемность, актуальность статей, их вклад в науку). Речь пойдет скорее о способах введения данных положений и результатов в науку: наиболее регулярно используемых приемах и структурных закономерностях, которые, как правило, помещаются на периферию названных аналитических обзоров, рассматриваются в них (как и в обзорах научных работ в целом: по психолингвистике, диалектологии, изучению концептов и т. д.) лишь отчасти. Это представляется несправедливым: направление лингвистики / филологии, посвященное типичным текстовым структурам, т. е. жанрам речи, несомненно заслуживает более детального структурного же, т. е. речежанрового, анализа.

К объектам такого анализа относятся структурные закономерности, общие для статей по РЖ, например: какими единицами и категориями языка и речи оперируют при анализе авторы (от конкретных лексических, морфологических, синтаксических единиц до типов речевых актов), на работы каких направлений лингвистики (и не только) опираются в качестве теоретической базы (включая конкретные школы и конкретных авторов, а также частотность обращения к ним), как формулируют новое – прежде всего, стараются ли «вписать» его в существующий научный контекст, традиции (и какие) и, наконец, как обо

всем этом говорят (язык, особенно термины (включая новые), принципы формулирования принципиальных положений и методики, заголовков (включая заголовки отдельных параграфов), стиль (прежде всего отступления от собственно научного стиля), способ повествования (описания / рассуждения), композиция (членение статьи), специальные риторические приемы и т. д.).

Наша гипотеза, которая позволяет искать структурные закономерности в данном материале, состоит в том, что за время существования ТРЖ (и время существования журнала / сборника «Жанры речи») сложились некоторые структурные – языковые, стилистические, текстовые – закономерности в «среднестатистической» статье по речевым жанрам (а именно: статье в журнале / сборнике «Жанры речи»). Конечно, одно исследование не позволит вполне убедительно проверить эту гипотезу, тем более – доказать (или опровергнуть), что статья в журнале / сборнике «Жанры речи» «сама является речевым жанром»: это требует, в частности, сравнения результатов исследования статьи по жанрам речи в «Жанрах речи» с результатами такого же структурного анализа других научных статей по ТРЖ и не по ней, который в основном тоже еще только предстоит осуществить (это сформулировано в виде несколько парадоксального вопроса во второй части заглавия настоящей статьи), однако во многих отношениях результаты такого анализа представляются полезными для ТРЖ.

Насколько нам известно, в теоретическом плане данная задача еще не решалась, несмотря на несомненные успехи именно структурного жанроведения (см. ниже). Зато в практическом плане результатов гораздо больше, и они заслуживают осмысления – имеем в виду **прикладную наукометрию**, проникновение которой в науку (и влияние на нее) стали в последние десятилетия очень значительными, привели, по мнению многих ученых, к настоящей «цифровой революции», «диктатуре индексаций». Развитие (скорее даже разрастание) систем индексации (таких как Scopus, WoS, DOAJ, ERIH Plus, РИНЦ и т. д.) и одновременно рост их влияния, ужесточение требований к оформлению статей и монографий и обязательности данных требований для авторов можно отнести к наиболее заметным и значительным тенденциям научной жизни начала XXI в.

²Отчасти такие аналитические обзоры уже были; причем некоторые из них были написаны автором этой статьи: [3–8]. Однако такого обзора, который полностью отвечал бы сформулированным высоким требованиям – раскрыл бы весь вклад «Жанров речи» в развитие научных концепций – еще не было. Отметим также Международные конференции по РЖ: Одиннадцатые Шмелёвские чтения (ИРЯ РАН), Саратовскую «Жанры речи и “Жанры речи”», посвященную 20-летию журнала / сборника «Жанры речи» (см. наши обзоры этих конференций [9–10]).

Собственно, именно практические результаты и делают актуальным теоретическое осмысление, и создают базу для такого осмысления. Подчеркиваем именно речевое содержание и данного теоретического осмысления (его вписанность в ТРЖ), и практических результатов (хотя об этом редко говорят в прикладной наукометрии).

Речевое содержание цифровизации в сфере науки (точнее – огромной деятельности в данной сфере, затронувшей не только редакции периодических и неперидических изданий, но и буквально всех авторов – «обычных ученых»), как представляется, составляют два круга явлений:

- 1) утверждаются и упорядочиваются структурные требования к статьям и монографиям, индексируемым в системах (Scopus, WoS, РИНЦ и т. п.), а тем самым – увеличиваются наши знания о том, что представляет собой статья со стороны своей структуры (т. е. знания о жанре статьи);
- 2) требования систем индексации (Scopus, WoS, РИНЦ) приводят к тому, что тексты статей меняются, их «пишут по-другому», а иногда переделывают после соответствующих рекомендаций от редакций журналов и издательств.

Фактически перед нами новый способ ответить на вопрос, «что такое типичная / настоящая / хорошая научная статья» (со структурной точки зрения), причем следующий логический шаг отсюда – вопрос, «что обязательно должно быть в Х, чтобы этот самый Х отвечал высокому званию «статья»».

Сам факт, что статья включена в систему РИНЦ, говорит о том, что выполнен целый ряд требований – среди них есть, вероятно, совсем не речевые и не речевые (регистрация автора в РИНЦ с присвоением индивидуального номера, подписанный и зарегистрированный договор; прикрепленные pdf-файлы), но есть и текстовые и речевые, например, наличие резюме / аннотации (плюс требования к их содержанию, объему и композиции) и ключевых слов на русском и английском языках, рубрикация (например, выделение особых параграфов: постановка проблемы, история вопроса, методика, основная часть, выводы и т. д.), наличие определенным образом упорядоченной библиографии (часто тоже на русском и английском языках (лагинизированной)) и др. требования, например, доля самоцитирования, и подоб.

Иными словами, можно представить вертикальную шкалу оценки научных статей в РИНЦ (через чисто количественные показатели, такие как количество цитирований, индекс Хирша) как степень соответствия доминантам жанра (жанра научной статьи, монографии, диссертации или некоего жанра научного дискурса в целом), т. е. характеристику полевою (место по отношению к ядру-периферии соответствующего поля – а это возможно и даже обязательно при полевом представлении жанра), прототипную, а тем самым – горизонтальную речевую.

Если перед нами не вертикальная шкала, а поле, все пункты, выделяемые в РИНЦ, – это признаки, которым должна соответствовать статья, чтобы быть

отнесена к РЖ научной статьи. Самые большие количественные показатели по этим наукометрическим (а по сути речевым) пунктам являются показателями того, насколько близок к ядру жанра окажется тот или иной текст, в какой степени его можно считать каноническим / образцовым экземпляром жанра. (Подробнее см.: [11].)

Думается, что сегодня мы можем хотя бы в начальном виде выполнить поставленную задачу – осуществить полноценный структурный (речевый) анализ статей в журнале / сборнике «Жанры речи» по речевой методике с привлечением количественного (количественного, статистического) метода:

- 1) занимаясь жанрами, что-то уже сделав и, безусловно, желая быть полезными будущим исследователям-жанроведам, а для этого – как-то осмыслить накопленный опыт;
- 2) имея в качестве объекта осмысления / материала определенный немаленький объем текстов статей по ТРЖ: архивы всех номеров журнала / выпусков сборника «Жанры речи»;
- 3) (сеем надеяться), неплохо зная основные современные концепции ТРЖ, располагая разработанной речевой методикой для а) жанроведческих исследований (имеется в виду общий опыт анализа «чего-то» как речевого жанра); б) анализа научных текстов (стиля, дискурса / дискурсов, статей) – в связи с РЖ или без такой связи.

Структурный и параметрический (фактически речевый) анализ научной статьи предложен и успешно апробирован в рамках **Пермской жанрово-стилистической школы**. Так, М. П. Котюровой разработана модель, хорошо работающая на разных текстах, относящихся к одному жанру – научной статье, каковой анализ (в виде основы, которая, конечно, может и должна быть дополнена и расширена), как представляется, должен лежать в основе и нашего анализа; главным же дополнением к нему нам видится сопоставление статей (соответственно – выпусков сборника / номеров журнала разных периодов и лет), результатом которого стала бы начальная типологизация статей на речевой основе.

Рассматривая стандартную структуру научной статьи, М. П. Котюрова отмечает: «Ясно, что дать метакогнитивную характеристику знания можно по-разному: сначала представить научно-познавательное окружение «главного героя» – рассматриваемой темы, проблемы, гипотезы и т. д.; сразу приступить к изложению вопроса по существу, логически развивая его в тексте статьи; привлечь внимание читателя риторическим приемом; увлечь читателя внутренним диалогом (авторской диалогической мыслью) и т. д.» [12: 211].

Конкретно М. П. Котюрова рассматривает соотношение объектности (научное знание как таковое) и субъектности (прежде всего, оценка информации), которая чаще всего выражается в тексте через «дискурсивный конвой» (этим термином Т. М. Николаева

М. П. Котюрова называет части текста статьи, которые сопровождают знание, излагаемое в основной части статьи). Данные структурные характеристики текста научной статьи М. П. Котюрова предлагает рассматривать через особенности **вводных абзацев / зачинов / начал статей** (сообщение читателю нового, причем завершеного знания «по существу» или лишь «нащупывание» неясного самому автору знания и т. д. – всего исследовательница выделяет **шесть структурных типов таких начал статей**) [Там же].

Модель Котюровой пересекается с **жанрово-риторической моделью создания исследовательского пространства (Create a Research Space) Дж. Свейлза**, разработанной им по отношению к вводной части научной статьи и предполагающей совершение риторических действий, каждое из которых состоит из нескольких элементов. Этими действиями автор научной публикации эксплицирует свой речевой замысел:

Действие 1. Описание эпистемического контекста предпринимаемого исследования.

- 1.1. Указание на актуальность темы и / или
- 1.2. Обобщение темы исследования (экспликация связи темы с более общей проблематикой) и / или
- 1.3. Сообщение о других исследованиях в данной области знания.

Действие 2. Определение поисковой «ниши». Существует «открытая ниша» предпринимаемого исследования, которую необходимо заполнить новым знанием. Есть четыре способа характеристики этой «ниши»:

- 2.1. критика (указание на недостатки),
- 2.2. указание на явный пробел в исследовании,
- 2.3. постановка вопроса,
- 2.4. экспликация связи с исследовательской традицией.

Действие 3. Заполнение «ниши» собственным знанием:

- 3.1. Определение цели (ей).
- 3.2. Общая характеристика исследования.
- 3.3. Ожидаемые результаты исследования.
- 3.4. Описание структуры статьи [13: 140–145].

С этих позиций был предложен **новый подход к автоматическому реферированию научных публикаций** [14]. Его суть заключается в том, что предложения для текста аннотации формулируются с учетом их места в риторической организации вводной части научной статьи.

В соответствии с данными представлениями были созданы схемы аннотации, основывающиеся на изучении риторических действий *Введения*, с установкой на выделение предложений и в других разделах научной статьи (ср. схему С. Теуфель и др. [15], образованную семью категориями: Предыстория, Сообщение об утверждениях других исследователей,

Оригинальные утверждения автора, Цель, Структура, Основание и Контраст, а также схемы Й. Мизута и Н. Колье [14] и др. [16, 17].

Опираясь на эти структурные модели, а также достижения Пермской жанрово-стилистической школы, **В. А. Салимовский** со своими соавторами выделяет **параметры структуры научного текста** (что важно – они доступны **компьютерному анализу**, т. е. могут быть выделены, распознаны и статистически систематизированы компьютерными программами), соответствующие параметрам / этапам научного мышления: этапы осмысления проблемной ситуации, постановки проблемы, выдвижения гипотезы, ее верификации, установления закона. Более детальная, с уточнениями специально для использования в компьютерном анализе, разработка проблематики моделирования научно-познавательного процесса включает этапы 1) возникновения проблемной ситуации, 2) подготовительный, 3) поисковый, 4) верификационный, 5) логической реконструкции порождающей структуры, 6) развития полученного результата, 7) композиционный. Поисковый этап, в свою очередь, описывается как последовательность фаз и стадий. Наиболее детализированные схемы процесса познания охватывают десятки типовых познавательных действий.

По данной модели В. А. Салимовским с соавторами проанализирован ряд речевых жанров (или жанроподобных явлений): «описание нового для науки явления», «классификационный текст», «сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа», «постановочный теоретический текст», «экспликация научного понятия», «верификационный текст (проверка теории экспериментальным методом)», а также «сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа» [18].

Следует отметить также первые попытки анализировать с этой точки зрения статьи «Жанры речи», например, в статье **Т. И. Стекловой** анализируются *аннотации* в «Жанрах речи» (№ 1, 2018) на предмет наличия и формы *изъяснительных конструкций* [19].

*

Перейдем к рассмотрению конкретных проблем в связи с речевжанровой структурой статей в «Жанрах речи».

• Наиболее очевидное членение имеет хронологический и научно-организационный характер: «Жанры речи» как **сборник** (1997–2012, восемь (или девять – см. ниже) выпусков) и как **международный журнал** (с 2014 по настоящее время – на данный момент вышло 18 номеров).

Более дробное членение: три периода издания **сборника** и два периода издания **журнала**, а именно:

I период – выпуски сборника 1 (1997), 2 (1999), 3 (2002) (на этом этапе они были нетематическими),

³Сборник «Прямая и непрякая коммуникация» 2003 г. и был не чем иным, как очередным – тогда четвертым – выпуском серийного сборника «Жанры речи». Оба сборника объединяли и практически полностью совпадающие

II период – тематические выпуски сборника 4 (Жанр и концепт) (2005), 5 (Жанр и культура) (2007), а также сборник «Прямая и непрякая коммуникация» (2003)³,

III период – тематические выпуски сборника 6 (Жанр и язык) (2009), 7 (Жанр и личность) (2011), 8 (Жанр и творчество) (2012),

IV период – неВАКовский журнал (два номера в год) (2014–2017),

V период – ВАКовский журнал (четыре номера в год) (2018, точнее – со второго номера 2017 по настоящее время).

Данное членение позволяет точнее выделить, например, периоды, когда было особенно много теоретических работ, и периоды, когда на ТРЖ особенно сильно (односторонне или нет) влияли другие дисциплины: теория речевых актов, коллоквиалистика, психоллингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика (конечно, здесь «чистоту» сравнения затрудняет то, что некоторые тематические выпуски сборника были специально посвящены связи ТРЖ с лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой и т. п.).

Целесообразность выделения внутри «журнального» периода каких-то более коротких периодов (условные **IV** и **V** периоды) вы-

зывает у нас сомнения, однако доводы в пользу данного решения есть: например, отделить период, начиная с момента, когда журнал получил ВАКовский статус (повторяем, с № 2 за 2017): это сразу резко отразилось на количестве поступающих статей – а соответственно и количестве отвергнутых. С другой стороны, по всем значимым параметрам (темы, требования к оформлению) разницы между ВАКовскими и не ВАКовскими статьями почти нет. Единственное отличие – статьи теперь должны соответствовать одной из четырех заявленных ВАКовских специальностей (10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)), но, насколько я помню, мы еще ни одному автору на этом основании не отказали. Но, как известно, анализировать настоящее или минимально отдаленное прошлое всегда труднее, чем более отдаленное, – поэтому это членение в основном остается за пределами настоящей статьи.

Итак, редакционная статистика (без выделения более коротких периодов внутри «журнального» периода) (табл. 1)⁴.

Таблица 1 / Table 1

Редакционная статистика журнала / сборника «Жанры речи»
Editorial statistics of the journal / collection “Speech genres”

Количество	Сборник			Журнал IV и V периоды
	I период	II период	III период	
Статьи	73	89	88	109
Печ. листы	46,71	75,38	74,04	117,32
Словоупотребления	246 057	396 137	389 403	623 997
Знаки	1 868 400	3 015 245	2 961 640	4 692 670
Статьи по общим вопросам ТРЖ (≈ дедуктивных)	29	31	24	37
Статьи по отдельным РЖ	44	58	64	61

составы редакционных коллегий, и круг авторов (включая иностранцев, чьи переводы публиковались в обоих: как тут не вспомнить А. Вежбицкую!). Назвать его так нам тогда помешало только то, что до этого выпуски сборника «Жанры речи» (1997, 1999 и 2002) не были посвящены какой-то более узкой проблеме теории речевых жанров. Ирония состоит в том, что уже начиная со следующего выпуска (2005) все выпуски сборника «Жанры речи» стали тематическими («Жанр и концепт», «Жанр и культура», «Жанр и язык», «Жанр и языковая личность», «Жанр и творчество»). С другой стороны, больше половины объема сборника «Прямая и непрякая коммуникация» 2003 г. занимает именно раздел «Виды и жанры непрякой коммуникации». Так что логика в том, чтобы сделать сборник «Прямая и непрякая коммуникация» выпуском сборника «Жанры речи» – «Жанр и непрякая коммуникация» – безусловно была; а о том, что мы тогда так не сделали, я до сих пор иногда жалею.

⁴ Не дублируем информации о журнале, которая содержится в открытом доступе в Интернете в российских и международных базах, где журнал индексируется:

- eLibrary.Ru / РИНЦ (https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=32235),
- КиберЛенинка (<https://cyberleninka.ru/journal/n/zhanry-rechi?i=1062046>),
- RSCI (https://www.elibrary.ru/projects/rsci/rsci_press2020.pdf),
- DOAJ (<https://doaj.org/toc/2311--0759>),
- ERIH Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/periodical/info?id=498712>).

После некоторого колебания мы решили включить в статистику и статьи, имеющие мало отношения к собственно жанрам (их было мало, но они были, особенно в первых выпусках сборника, например «*Частотный словарь Четвероевангелия*» или «*Перевод старокитайской лирики: реальность или фантом?*»); но исключить переводы, опубликованные впервые в других изданиях – иногда весьма давно: в 1980-х и даже 1970-х гг. (их было 28); при этом оставить оригинальные работы иностранных авторов, написанные по-русски для «Жанров речи», например С. Дённингхаус, М. Еленевской, Э. Лассан, А. Соломоника.

Необходимое замечание о литературоведческих статьях в «Жанрах речи»: с одной стороны, их изначально было мало (только в последние несколько лет количество и доля их несколько выросли – что, конечно, может только приветствоваться); с другой – литературоведческие представления о структуре (художественного) текста довольно сильно отличаются от таковых в лингвистике, как и принятые в литературоведении формулировки. Вероятно, правильно было бы рассматривать их отдельно, но, во-первых, статьи, написанные литературоведами в русле ТРЖ (а не собственно литературоведения) все же не так сильно отличаются от статей, написанных в русле ТРЖ лингвистами (ср., например, статьи авторов-литературоведов, написанные ими для «Жанров речи»: В. В. Прозорова, В. Ю. Михайлина, И. Ю. Ивановиной, Н. В. Новиковой, О. В. Тимашовой, – и их же работы собственно литературоведческие); во-вторых, именно потому что литературоведческих статей (пока) мало, их анализ совместно с лингвистическими в любом случае не даст сильных отклонений от общей картины.

• Следующий безусловно важный пункт – **цитирование** – уже прямо пересекается с данными прикладной наукометрии – и многие данные могут быть взяты непосредственно из соответствующих систем (конечно, осмысление этих данных, прежде всего статистических, – не проблема прикладной наукометрии и должно быть выполнено нами, а не компьютером). (Повторим, что, например, РИНЦ предоставляет очень много специализированной и специфической информации о цитировании, соответствующих индексах и т. д., речезанровое значение которой пока не вполне ясно.)

Рассмотрим подробнее одно из возможных направлений учета цитирования в «Жанрах речи», отсутствующего в РИНЦ, но значимого для нашего исследования: **за I период** всего в списках литературы было **1126** работ (не учитывая повторяющиеся работы и не счита-

тая списков литературы в переводах), из них на иноязычные – **194**; цитированных работ же (тоже не учитывая повторяющиеся работы) – **863**; при этом наиболее частотные работы в списках литературы (если для ссылки была взята одна и та же работа из разных публикаций / источников, мы объединили такие ссылки):

- Арутюнова Н. Д. Жанры общения – **5 раз**;
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров – **29 раз** (!);
- Вежицкая А. Речевые жанры – **14 раз**;
- Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего – **6 раз**;
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов – **5 раз**;
- Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи – **6 раз**;
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры – **6 раз**;
- Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров – **8 раз**;
- Долинин К. А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина – **5 раз**;
- Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения – **5 раз**;
- Карасик В. И. Язык социального статуса – **5 раз**;
- Китайгородская М. В., Розанова Н. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект – **6 раз**;
- Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра – **5 раз**;
- Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения – **5 раз**;
- Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» – **6 раз**;
- Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров – **8 раз**;
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра – **13 раз**;

Повторяем, это данные только за **I период**. Сопоставить эти показатели с частотностью этих же работ в другие периоды журнала / сборника «Жанры речи» планируется в будущем.

• Количество не ссылок, а **упоминаний** в тексте имен исследователей (рассчитывалось простым поиском автоматически) (табл. 2).

• Следующие две структурные характеристики, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее, также не охватываются современной наукометрией (в частности РИНЦ), но по ним были написаны бакалаврские выпускные квалификационные работы под руководством автора настоящей статьи, в которых по описанным здесь методикам был осуществлен начальный анализ, прежде всего количественный, **терминов** и **заголовков статей** в журнале / сборнике «Жанры речи»:

Таблица 2 / Table 2

Количество упоминаний имен исследователей в журнале / сборнике «Жанры речи»
The number of mentions of researchers' names in the journal / collection "Speech genres"

Исследователь	Сборник			Журнал
	I период	II период	III период	
М. М. Бахтин	488	259	235	311
А. Вежбицкая	95	100	48	68
Н. Д. Арутюнова	60	55	27	51
Т. В. Шмелева	116	38	54	66
М. Ю. Федосюк	105	16	21	24
К. Ф. Седов	90	62	332*	99
В. Е. Гольдин	58	39	13	51
В. А. Салимовский	15	12	17	20
Н. В. Орлова	20	15	23	12
О. Б. Сиротинина	30	22	25	38
В. И. Карасик	31	81	117	138
В. В. Дементьев	127	153	172	231
В. М. Алпатов	13	10	24	48

*Из них 189 приходится на выпуск 8, посвященный памяти К. Ф. Седова.

Белянина Виктория. *Типы и динамика терминов в статьях журнала / сборника «Жанры речи» (1997–2019): компьютерный анализ* (Саратов, 2020); **Колесникова Анастасия.** *Индуктивные и дедуктивные заголовки научных статей сборника и журнала «Жанры речи»: структура и функционирование* (Саратов, 2020). Поэтому есть возможность привести здесь результаты их анализа – конечно, не все, а только самые интересные.

I. Анализ терминов

Задачами исследования были: 1) провести компьютерный (статистический и контекстуальный) анализ речевых жанров, лингвистической и общенаучной терминологии в журнале / сборнике «Жанры речи»; 2) охарактеризовать динамику употребления терминов в журнале / сборнике «Жанры речи» в связи с периодами развития теории речевых жанров (анализ был даже более дробным, чем по пяти периодам: по отдельным выпускам и годам).

Решение данных задач позволяет уточнить ряд более общих вопросов: 1) складывается ли, используется чаще и системнее специальная речевая терминология; 2) отражаются ли на использовании терминов в журнале / сборнике «Жанры речи» научные периоды / парадигмы: 1990-е – речеактовая / текстовая, 2000-е – когнитивная, и т. д.?

Статистический и контекстуальный анализы проводились при помощи компьютерной программы конкорданса AntConc 3.5.8 2019, которая позволяет составлять частотный словарь, выявлять ключевые

слова на основе использования в нескольких корпусах, сравнивать контексты употребления, частоту отдельных словоформ и отслеживать динамику употребления слов в используемых корпусах.

Учитывались не только начальная форма слова (термина), но и все возможные его словоформы, а также производные от терминов-существительных термины-прилагательные.

При проведении статистического анализа не учитывались: переводы статей, заголовки статей, списки использованной литературы.

Речевая терминология

Приводятся статистические данные тех терминов, контексты которых указывали на их принадлежность ТРЖ. Например, термин *композиция* употребляется в журнале в разных значениях, однако в исследовании учитывались только контексты, в которых отражено понимание данного термина в концепции М. М. Бахтина.

Анализировались следующие речевые термины: *генристика, жанроведение, жанровед, жанрообразование / жанрообразующий, анкета РЖ, модель РЖ, паспорт РЖ, жанроид, субжанр, внутрижанровой, речевая категория, композиция РЖ / композиционный, гипержанр / гипержанровый, интернет-жанр, жанроведческий, первичные РЖ, вторичные РЖ, коммуникативное прошлое, коммуникативное будущее, языковое воплощение, речевой жанр / жанр речи, тематическое содержание (тема, тематика), стиль РЖ, жанрология / генология, жанровая организация, жанровая категория, ТРЖ (теория речевых жанров), а также РА (речевой акт), ТРА (теория речевых актов).*

Так, сравнительный статистический анализ терминов *жанроведение, жанрология, генристика* и *генология* показал, что самым малочастотным из них является термин *жанрология* (всего 12 упоминаний

за все выпуски). На графике видно, что термин непоследовательно употребляется в нескольких выпусках. Термин *генология* употребляется немного чаще (34 раза) (рис. 1).

Диаграмма показывает неравномерное заполнение термина *жанроведение* со скачкообразными значениями. Установлено также, что наиболее частотными словами, встречающимися с термином *жанроведение* являются: *виртуальный* (27), *современный* (15), *цифровой* (10), *прагматический* (9), *лингвистический* (5). Частотные показатели термина *генристика* часто приближаются к нулю за исключением повышения употребления в 2009–2012 (III период, когда вышли выпуски «Жанр и язык», «Жанр и личность», «Жанр и творчество»). В выпусках «Жанр и личность» и «Жанр и творчество» частота обращения к термину заметно растет, а в дальнейшем сильно снижается.

Для сравнения: *ТРА* (*теория речевых актов*) в общей сложности встречается 155 раз (из них аббревиатура – 40). Сравним с термином *теория речевых жанров* (*ТРЖ*), который употребляется 295 раз (из них аббревиатура – 90). Очевидно, что термин ТРЖ будет чаще использоваться в журнале по жанроведению, однако стоит обратить внимание на довольно высокую частоту употребления и термина ТРА, что является признаком частого обращения к идеям ТРА и заинтересованности жанроведов в изучении речевых актов.

Из приведенной динамики использования терминов ТРА и ТРЖ (были исследованы количественные данные как аббревиатур, так и полных форм) можно заметить, что максимальная частота употребления обоих терминов наблюдается в 2002 г. (рис. 2), однако в основном в статье Сабине Дённингхаус «Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингви-

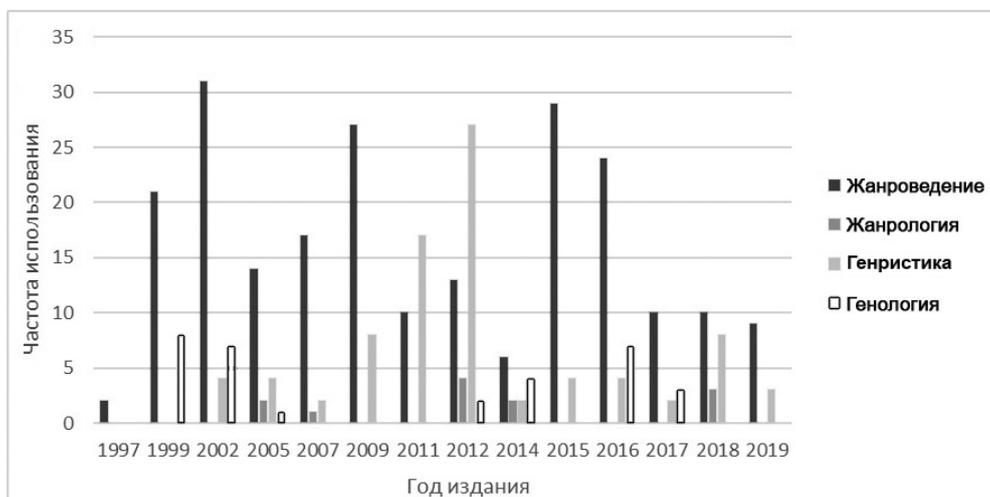

Рис. 1. Динамика использования терминов по годам издания

Fig. 1. Dynamics of the term use arranged by the years of publication

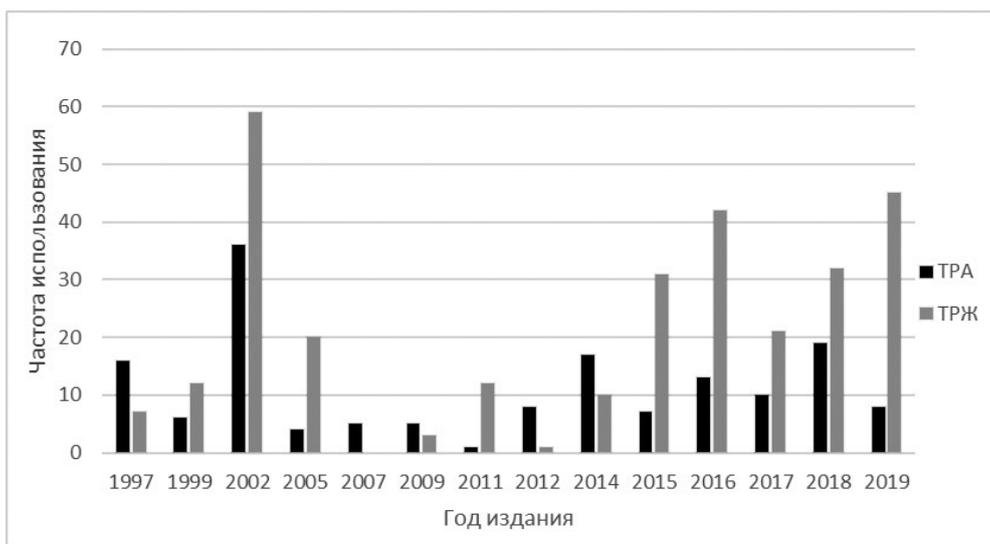

Рис. 2. Динамика использования терминов по годам издания

Fig. 2. Dynamics of the term use arranged by the years of publication

стики». График показывает равномерное заполнение термина ТРА и неравномерное заполнение термина ТРЖ. С 2005 по 2014 (II и III периоды развития журнала) наблюдается спад употребления термина ТРЖ, что интересно, именно в эти годы выпуски были тематическими. В 2014–2016 (IV период) и 2017–2019 (V период) наблюдается тенденция к повышению.

Достаточно высокочастотным оказался термин *РА* (*речевой акт*), который встретился 752 раза (рис. 3). График динамики показывает неравномерное заполнение термина, наблюдается тенденция к понижению с 1999 по 2012, затем резкое возрастание в 2014 и 2015 гг.

Термин *речевой жанр* употребляется 2703 раза, а термин *жанр речи* – 164 раза, аббревиатура *РЖ* была употреблена 1539 раз (рис. 4).

Для обозначения понятия, применяемого в значении модели описания РЖ, используются три термина – *модель*, *анкета* и *паспорт*. *Паспорт* употреблялся всего 7 раз за все выпуски, причем в контексте имелся в виду как *паспорт РЖ* Т. В. Шмелевой, так и *паспорт РЖ* Т. В. Анисимовой. *Модель* использовалась 176 раз, а *анкета* – 28 раз.

Термин *жанрообразование* (*жанрообразующий*) был употреблен 164 раза. Чаще всего в сочетании с *признак* (83 раза), также употребляется в сочетании с *момент* (5), *параметр* (7), *фактор* (7).

Жанроид встречается всего 9 раз, термин крайне малоупотребительный, и выявить какой-либо тенденции в его употреблении не удалось.

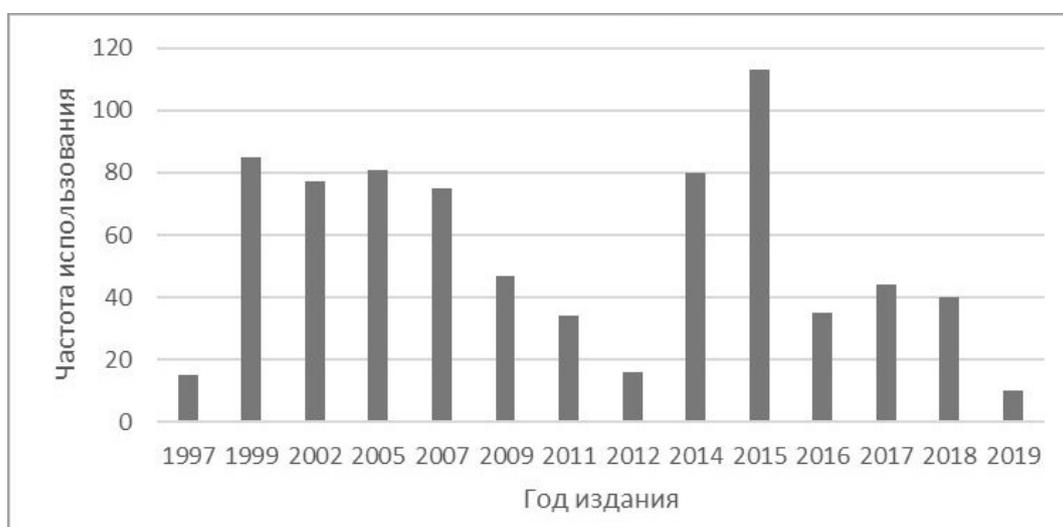

Рис. 3. Динамика использования термина *речевой акт* (РА) по годам издания

Fig. 3. Dynamics of the term *speech act* (SA) use by year of publication

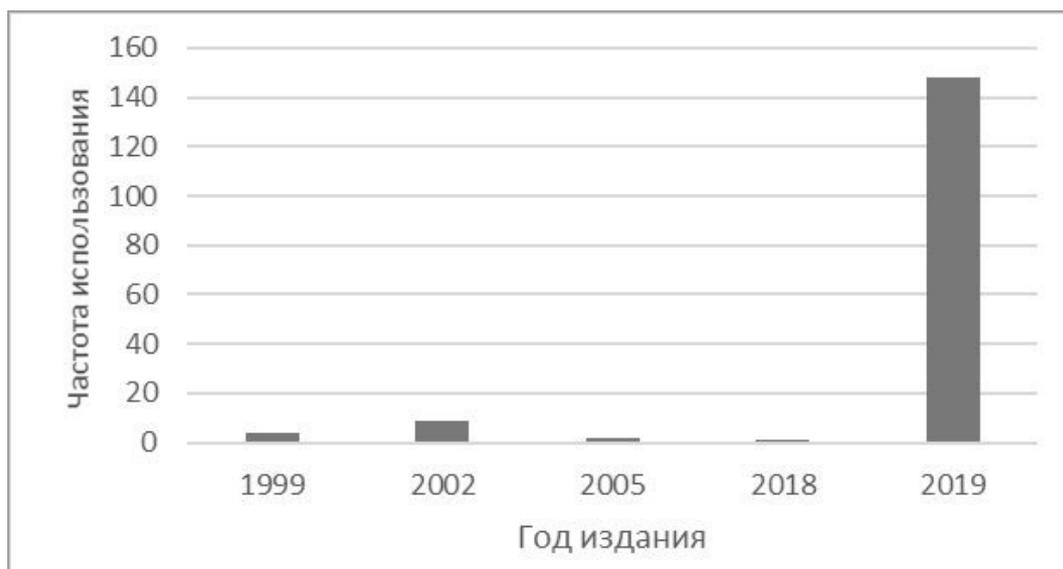

Рис. 4. Динамика использования термина *жанр речи* по годам издания

Fig. 4. Dynamics of the term *speech genre* use by year of publication

Термин *субжанр* встретился 161 раз. На диаграмме (рис. 5) видно в целом неравномерное распределение термина, но явная (равномерная) тенденция к повышению до 2007. Затем наблюдаются скачкообразные показатели.

Термин *первичные РЖ* был использован 289 раз, *вторичные РЖ* – 362. Частота их употребления достигает пика в 1999 г.

Термин *гипержанр* (149 раз) достаточно употребительный, достиг пика в употреблении в 2019 году.

Интернет-жанр употреблен 112 раз, что примечательно, в основном во множественном числе. *Интернет-жанр* – новый термин, который начал употребляться лишь с 2011 г. (рис. 6). График показывает равномерное заполнение термина с возрастом использования в 2015 и 2019 гг.

Термины *коммуникативное прошлое* (60) и *коммуникативное будущее* (76) (или фактор / образ прошлого и будущего) нельзя назвать высокочастот-

ными, однако исследователи все же периодически ссылаются на данные параметры анкеты РЖ. Наблюдается тенденция к возрастанию в последние годы издания (2015–2019).

Термин *языковое воплощение* – еще один параметр анкеты РЖ – употребляется немного чаще (91 раз). Наблюдается равномерное заполнение термина, за исключением возрастания частоты использования в первый и последние годы издания и снижения употребления в 2016 и 2017 гг. Также наблюдается тенденция к понижению в период 1997–2005 и тенденция к повышению в период 2007–2015 гг.

Термин *речежанровый* (308 раз) встречается часто со словами *вторичность* (15), *идентичность* (21) (жанровую идентичность считают одним из признаков РЖ), *картина современности* (7), *компетенция* (44). Данный термин впервые встречается в 2002 г. (в статье В. В. Дементьева «Коммуникативная

Рис. 5. Динамика использования термина *субжанр* по годам издания

Fig. 5. Dynamics of the term *subgenre* use by year of publication

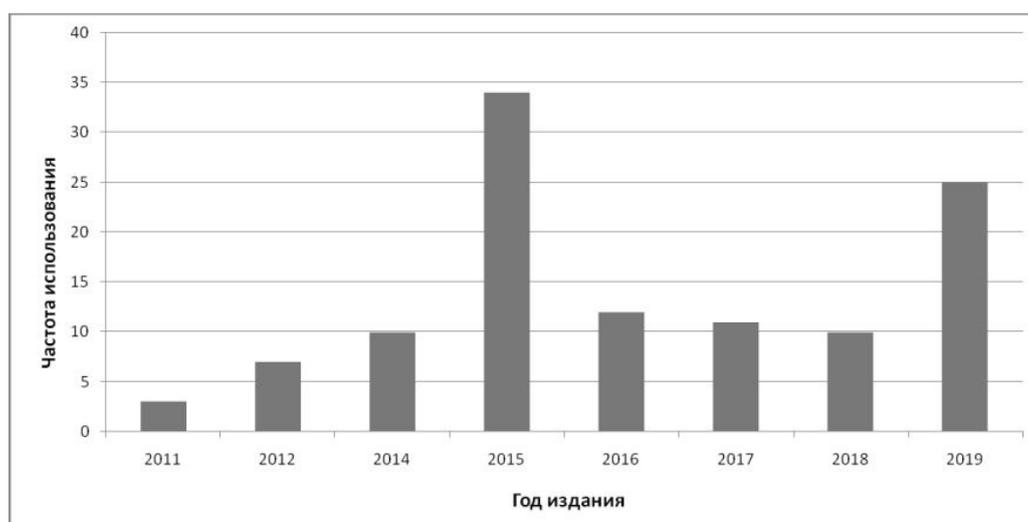

Рис. 6. Динамика использования термина *интернет-жанр* по годам издания

Fig. 6. Dynamics of the term *internet genre* use by year of publication

генристика: речевые жанры как средство формализации социального воздействия»), и употребляется далее на протяжении всех выпусков. Наблюдается тенденция к повышению в период 2002–2011. В последующие годы частота употребления термина колеблется, но существенно не снижается.

Самым употребительным термином по отношению к другим в группе речевых терминов является *речевой жанр (жанр речи, РЖ)* – 48,98%. Следующими по частоте употребления являются *РА (речевой акт)* – 8,36%, *вторичные РЖ* – 4,02%, *речевая жанровый* – 3,94% (табл. 3).

Лингвистическая терминология

Рассматривались следующие лингвистические термины: *иллокуция / иллокутивный, тональность, дискурс / дискурсивный, лексический, прагматика / прагматический, лингвистика / лингвистический,*

семантика / семантический, разговорный, невербальный, вербальный, текст, коммуникация / коммуникативный, высказывание, лексема, синтаксис, метафора, письменный, устный, диалог, экспрессия / экспрессивность, диктум / диктумное (событийное) содержание.

Дадим подробную характеристику употребления двух из них – *иллокуция / иллокутивный* и *дискурс / дискурсивный*; для остальных ограничимся общей статистикой (табл. 4).

Термин *иллокуция / иллокутивный* встретился 330 раз за все выпуски. Анализ контекстов с *иллокутивный* показал, что термин употребляется чаще всего в сочетании со словами: *сила* (48), *цель* (39), *акт* (24), *функция* (23).

На диаграмме, отражающей динамику использования термина *иллокуция / иллокутивный*, видно, что частота его использования резко возрастает в 2015 г.,

Таблица 3 / Table 3

Количество употреблений речевых терминов в выпусках журнала / сборника «Жанры речи» (1997–2019)
The number of uses of speech genre terms in the issues of the journal / collection of articles “Speech Genres” (1997–2019)

Термин	Частота использования	
	абсолютная, раз	относительная, %
Речевой жанр (жанр речи, РЖ)	4406	48,98
РА (речевой акт)	752	8,36
Вторичные РЖ	362	4,02
Речевая жанровый	354	3,94
Композиция РЖ / композиционный	303	3,37
ТРЖ (теория речевых жанров)	292	3,25
Первичные РЖ	289	3,21
Стиль РЖ	284	3,16
Тематическое содержание (тема, тематика)	272	3,02
Жанроведение	223	2,48
Модель РЖ	176	1,96
Жанрообразование / жанрообразующий	164	1,82
Субжанр	161	1,79
ТРА (теория речевых актов)	155	1,72
Гипержанр / гипержанровый	149	1,66
Интернет-жанр	112	1,24
Языковое воплощение	91	1,01
Генристика	86	0,96
Внутрижанровой	66	0,73
Жанроведческий	58	0,64
Анкета РЖ	43	0,48
Коммуникативное прошлое	37	0,41
Жанровая организация	36	0,40
Генология	34	0,38
Жанровед	31	0,34
Коммуникативное будущее	24	0,27
Жанрология	12	0,13
Жанроид	9	0,10
Жанровая категория	8	0,09
Паспорт РЖ	7	0,08

а затем наблюдается тенденция к понижению до 2019 (рис. 7). В целом наблюдается неравномерное заполнение термина.

Анализ динамики употребления термина *дискурс / дискурсивный* (рис. 8) показывает равномерное заполнение термина с тенденцией к повышению

Таблица 4 / Table 4

Количество употреблений лингвистических терминов в выпусках журнала / сборника «Жанры речи» (1997–2019)

The number of uses of linguistic terms in the issues of the journal / collection of articles “Speech Genres” (1997–2019)

Термин	Частота использования	
	абсолютная, раз	относительная, %
Речевой жанр (жанр речи, РЖ)	4406	48,98
Коммуникация / коммуникативный	7250	24,92
Текст	5920	20,35
Дискурс / дискурсивный	2698	9,27
Высказывание	1977	6,80
Лингвистика / лингвистический	1775	6,10
Семантика / семантический	1328	4,56
Диалог	1275	4,38
Лексика / лексический	976	3,35
Метафора	708	2,43
Прагматика / прагматический	698	2,40
Устный	669	2,30
Письменный	562	1,93
Разговорный	551	1,89
Вербальный	546	1,88
Синтаксис / синтаксический	390	1,34
Тональность	384	1,32
Лексема	384	1,32
Иллокуция / иллокутивный	330	1,13
Экспрессия / экспрессивность	317	1,09
Невербальный	263	0,90
Диктум / Диктумное (Событийное) содержание	93	0,32

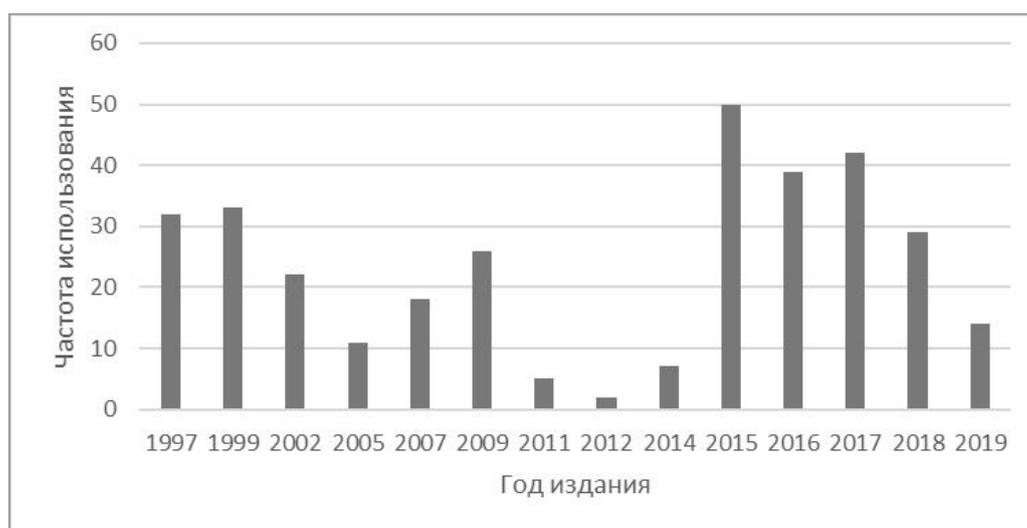
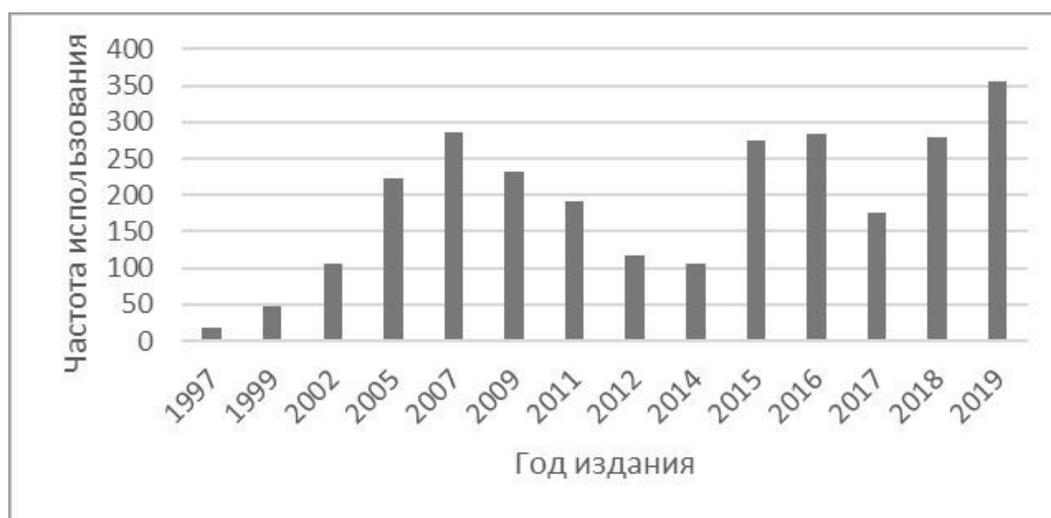

Рис. 7. Динамика использования термина *иллокуция / иллокутивный* по годам издания

Fig. 7. Dynamics of the term *illocutionary / illocutionary* use by year of publication

Рис. 8. Динамика использования термина *дискурс / дискурсивный* по годам изданияFig. 8. Dynamics of the term *discourse / discursive* use by year of publication

в периоды 1997–2007 и 2017–2019 и тенденцией к понижению в период 2007–2014.

Как показывает динамика использования терминов, выпуски 2012–2014 характеризуются снижением частоты употребления многих лингвистических терминов. К терминам, динамика которых показывает неравномерное заполнение термина, относятся *тональность, метафора, лексема, диктум и экспрессия / экспрессивный*, динамика остальных лингвистических терминов показала равномерное заполнение термина. В целом лингвистическая терминология занимает центральное место в структуре научного дискурса сборника / журнала «Жанры речи», которая с высокими количественными показателями употребляется в каждом выпуске.

Общенаучная терминология

Рассматривались следующие общенаучные термины: *система, социальный, когнитивный, анализ, тенденция, концепция, характеристика, национальный, аспект, признак, художественный, проблема, единица, структура, типология, парадигма, развитие, традиция / традиционный, категория, фрейм / фреймовый, семиотика / семиотический*.

Так же, как в предыдущем разделе, дадим подробную характеристику употреблению двух из них – *когнитивный* и *художественный*; для остальных ограничимся общей статистикой (табл. 5).

Когнитивный достигает пика в употреблении в 2005 году (рис. 9): в тематическом выпуске 2005 года «Жанр и концепт» жанры изучаются, прежде всего, с точки зрения когнитивной лингвистики. В остальном мы видим равномерное заполнение термина. Частотные сочетания с термином *когнитивный*: *лингвистика* (65), *генристика* (27), *единица* (19), *признак* (29), *система* (16), *структура* (30).

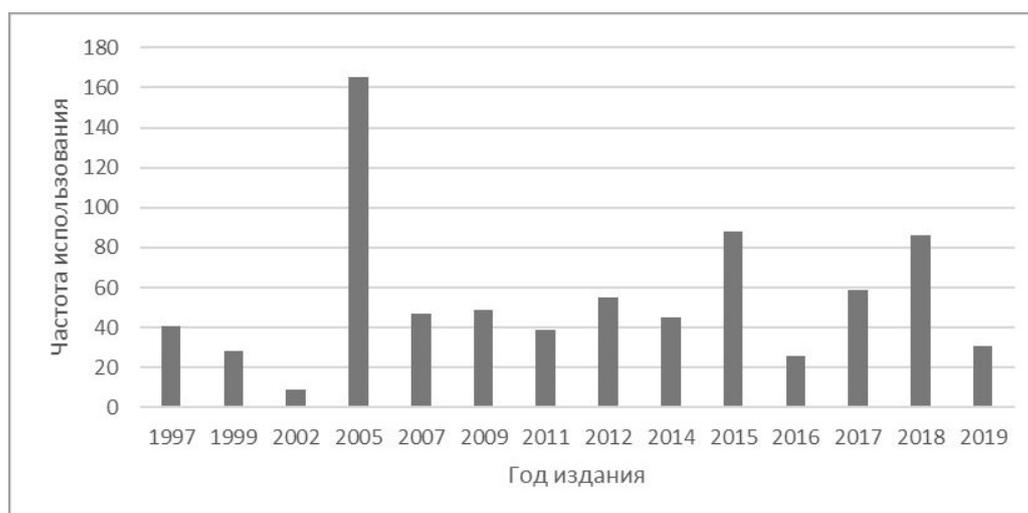
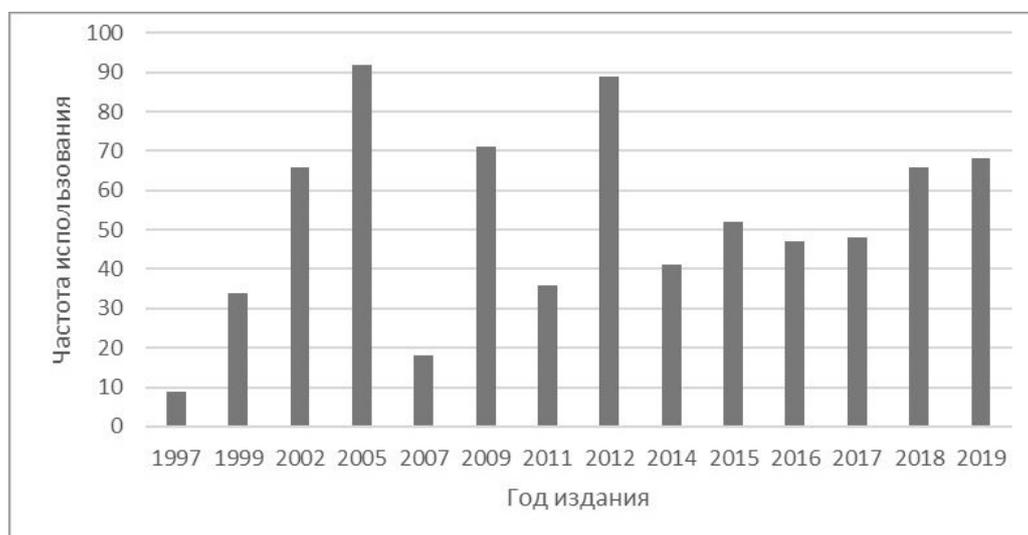
Динамика употребления термина *художественный* (рис. 10) показывает неравномерное заполнение термина с тенденцией к повышению частоты в период 1997–2005. Наблюдается всплеск частоты употребления в 2005 (выпуск «Жанр и концепт»)

Таблица 5 / Table 5

Количество употреблений общенаучных терминов в выпусках сборника / журнала «Жанры речи» (1997–2019)

The number of uses of general scientific terms in the issues of the journal / collection of articles “Speech Genres” (1997–2019)

Термин	Частота использования	
	абсолютная, раз	относительная, %
Речевой жанр (жанр речи, РЖ)	4406	48,98
Система	1856	9,66
Структура	1817	9,45
Социальный	1734	9,02
Анализ	1722	8,96
Проблема	1365	7,10
Признак	1218	6,34
Категория	1057	5,50
Традиция / традиционный	965	5,02
Характеристика	957	4,98
Единица	957	4,98
Аспект	913	4,75
Развитие	817	4,25
Когнитивный	768	4,00
Художественный	737	3,83
Концепция	457	2,38
Типология	443	2,30
Национальный	437	2,27
Тенденция	300	1,56
Парадигма	263	1,37
Семиотика / семиотический	232	1,21
Фрейм / фреймовый	205	1,07

Рис. 9. Динамика использования термина *когнитивный* по годам изданияFig. 9. Dynamics of the term *cognitive* use by year of publicationРис. 10. Динамика использования термина *художественный* по годам изданияFig. 10. Dynamics of the term *art* use by year of publication

и в 2012 (выпуск «Жанр и творчество»). Чаще всего *художественный* употребляется в сочетании с: *дискурс* (19), *жанр* (21), *литература* (79), *произведение* (62), *речь* (20), *текст* (101).

Анализ общей динамики употребления наиболее показательных речевых, лингвистических и общенаучных терминов по периодам развития сборника / журнала «Жанры речи» показывает, что наибольшую часть составляют лингвистические термины, доля употребления общенаучных терминов почти не меняется во всех периодах и составляет примерно четверть от общей доли употребления исследуемых терминов, а речевая группа терминов на протяжении всех периодов остается самой малочисленной (хотя, конечно, исключительно важной).

Анализ динамики терминов привел к выявлению, прежде всего, двух типов заполнения терминов – равномерного и неравномерного (скачкообразного). Наиболее равномерными оказались: *ТРА*, *речевой жанр*, *Интернет-жанр*, *коммуникативное прошлое*, *коммуникативное будущее*, *дискурс / дискурсивный*, *лексика / лексический*, *письменный*, *текст*, *коммуникация / коммуникативный*, *высказывание*, *прагматика / прагматический*, *лингвистика / лингвистический*, *диалог*, *когнитивный*, *тенденция*, *система*, *аспект*, *структура*, *традиция / традиционный*. Наиболее неравномерными оказались: *субжанр*, *ТРЖ*, *речевой акт*, *внутрижанровый*, *гипержанр*, *речевых жанровый*, *иллюция / иллюциативный*, *тональность*, *художественный*, *типология*, *семиотика / семиотический*, *концепция*, *парадигма*, *категория*.

II. Анализ заголовков

Задачами исследования были: выявить системность в реализации одного из двух методов изложения (дедуктивного по принципу «от частного – к общему»; индуктивного: «от общего – к частному») в заголовках статей журнала / сборника «Жанры речи», их связь с основным текстом статей и лингвистическими факторами (период, объем статьи); выявить долю дедуктивных и индуктивных заголовков для отдельных периодов выхода журнала / сборника «Жанры речи», как в целом, так и для разделов сборника / журнала, к которым относятся статьи; выявить связь дедуктивного или индуктивного типа заголовка со структурными особенностями основного текста статьи. Таким образом, выясняются как аспекты конкретной лингвистической структуры (по количеству слов в заголовке; состоящие из простых предложений и словосочетаний типа «*Английская загадка*»), так и более общих риторических структур (дедуктивные, индуктивные).

Примеры:

- дедуктивный: «*Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности*», «*Диалог как важнейший жанр речи для студентов-медиков*»;
- индуктивный: «*Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса*», «*Динамика ритуализованных жанров в политическом дискурсе*»;
- не определено: «*Письмо-упрек*».

Было рассмотрено 270 заголовков статей сборника «Жанры речи» 1997–2012 гг., а также 181 заголовочная конструкция статей журнала «Жанры речи» 2014–2019 гг.

Поскольку основные принципы дедуктивного и индуктивного построения текста («от частного – к общему» и «от общего – к частному») могут также быть определены как «от фактов – к обобщениям» и «от обобщений – к фактам», вначале определяется, что подразумевается под «фактами» и «обобщениями» в заголовках.

«**Факты**» могут представлять собой отдельные понятия, характеристику материала или метода:

- понятие: «*Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности*», «*Аксиологическая генеристика: аспекты проблемы “оценка и жанр”*»;

- материал: «*Язык и стиль “Русской правды”*», «*Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации*»;

- метод: «*Характеристика рекламного дискурса (экспериментальное исследование)*», «*Контрастивное изучение моделей речевого поведения*».

«**Обобщения**» в основном представляют собой определение научного направления, реже – понятий и методов:

- научное направление: «*Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи*», «*Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го*»;

- понятие: «*Этикетные речевые жанры: опыт описания (на примере описания жанра поздравления)*», «*Жанр обзываний: тело как бранный инвентарь (немецко-русские языковые параллели)*»;

- метод: «*Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области*».

При делении заголовков на индуктивные и дедуктивные также учитывались следующие формальные показатели: наличие / отсутствие союза, связывающего части заголовка («*Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка*», «*Коммуникативные девиации и условия успешности речевого жанра*»), знаки препинания между частями заголовка: двоеточие («*Жанр разговорника: между текстом и языком*»), точка («*Языкознание. Речеведение. Генеристика*») (табл. 6).

Зависимость длины и структуры заголовка от длины научной статьи

Для выявления этой зависимости, во-первых, было осуществлено сравнение количества знаков (учитывая пробелы) в заголовках и количества знаков в основном тексте научной статьи (в процессе исследования были исключены из анализа аннотации и ключевые слова, но принималась во внимание рубрикация, при ее наличии). (Ср. известную гипотезу, что наиболее объемные научные тексты имеют краткие заголовки, а работы, посвященные отдельным проблемам науки и их элементам – длинные (В. С. Мартынов)). Были выделены: тексты с максимальным количеством знаков и тексты с минимальным количеством знаков, а также заголовки с минимальным количеством знаков и заголовки с максимальным значением. В целом для сборника «Жанры речи» и для журнала «Жанры речи» количество статей с максимальным числом знаков – 144, с минимальным – 254, при этом длинные заголовки были выявлены у 167 статей, а короткие – у 231.

Анализ показал, что обратной зависимостью обладают как тексты с наибольшими количественными

Таблица 6 / Table 6

Сравнение реализации способов изложения в сборнике и в журнале «Жанры речи», %
Comparison of implementation of the ways of presenting in the journal / collection of articles “Speech Genres”, %

Заголовки статей	Способ изложения		
	индуктивный	дедуктивный	не определен
Сборника «Жанры речи»	41	57	2
Журнала «Жанры речи»	44	52	4

показателями, так и с наименьшими. Тем не менее, количество заголовков с минимальным количеством знаков (а именно 101), относящихся к статьям с наименьшим количеством знаков, больше, чем количество заголовков, обладающих обратным количественным соотношением с показателями текстов.

Зависимость способа изложения, реализуемого в заголовке, от его длины и материала исследования

Проверялась гипотеза, что в тех конструкциях, которые имеют максимальные количественные показатели символов, информация будет реализована от общего к частному, а при минимальном количестве знаков в заглавии – от частного к общему. Данные исследования дедуктивного способа изложения в заголовочных конструкциях отдельно по сборнику (1997–2012 гг.), отдельно по журналу (2014–2019 гг.) и по всему материалу представлены на рис. 11.

Заголовки, обладающие длиной более среднего показателя количества знаков, являются преимущественно дедуктивными (67–74%). При этом данный способ изложения был реализован в менее чем 50% коротких заглавий научных статей. Эти данные подтверждают гипотезу, что для представления информации от общего к частному в заголовочной конструкции требуется объем заголовка больше среднего.

Структура заголовочных конструкций и наличие рубрикации в основном тексте научной статьи

66 статей сборника имеют рубрикации, при этом только 20 из них (30%) являются индуктивными.

Это дает право утверждать, что в статьях, заголовки которых являются дедуктивными, более вероятно наличие рубрикации, чем в статьях с индуктивным способом изложения в заглавии.

Реализация методов изложения в заголовках научных статей из разных разделов сборника и журнала «Жанры речи» показана в табл. 7 и 8.

Таким образом, тип изложения, реализуемый в заголовках, не обнаруживает прямой зависимости от раздела сборника или журнала, в котором была опубликована эта научная работа. Научная статья может относиться как к общим проблемам речевых жанров («*Вербальная дуэль: история и игровой компонент*»), так и к исследованиям отдельных жанров («*Речевые жанры комического*») и при этом являться дедуктивной.

Динамика (сопоставительный анализ) дедуктивных и индуктивных заголовков в целом менее показательна, чем связь дедуктивных и индуктивных заголовков с делением статей журнала / сборника на два основных раздела – «Общие проблемы ТРЖ» и «Исследования отдельных жанров»: кажется очевидным, что к первому тяготеют прежде всего дедуктивные, ко второму – индуктивные заголовки.

Конкретный анализ показал, что данная гипотеза в целом подтверждается, однако только для первых двух выпусков сборника (отчасти – третьего), но не для выпусков сборника 4–8 (и не для сборника «Прямая и непрямая коммуникация»); при этом уже для первого номера журнала данное соответствие в целом вновь выдерживается.

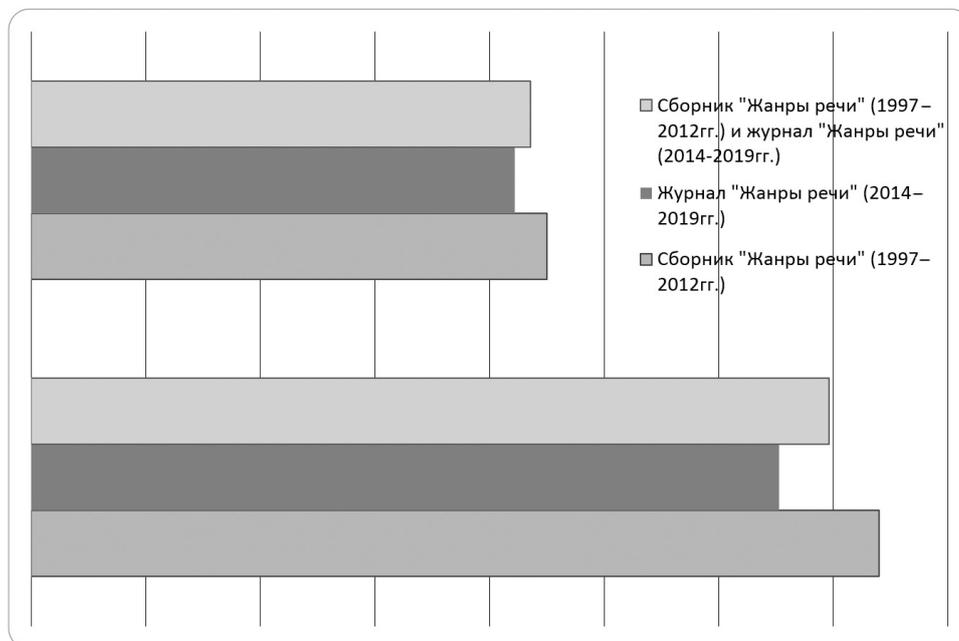

Рис. 11. Реализация дедуктивного способа изложения в заголовках с разными количественными показателями знаков

Fig. 11. Implementation of a deductive way of presentation in headings with different quantitative indicators of signs

Таблица 7 / Table 7

Распределение индуктивных и дедуктивных заголовков в статьях разных категорий
Distribution of inductive and deductive headings in the articles of different categories

Материал исследования	ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ		ОТДЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ	
	Индуктивные	Дедуктивные	Индуктивные	Дедуктивные
СБОРНИК «ЖАНРЫ РЕЧИ» (1997–2012 гг.)	51	49	38	62
ЖУРНАЛ «ЖАНРЫ РЕЧИ» (2014–2019 гг.)	42	53	46	53

Таблица 8 / Table 8

Количество индуктивных и дедуктивных заголовков статей сборника «Жанры речи» (1997–2012 гг.) и журнала «Жанры речи» (2014–2019 гг.) в разных категориях выпусков в разные годы
The number of inductive and deductive headings of articles in the collection of articles “Speech Genres” (1997–2012) and the journal “Speech Genres” (2014–2019) in different categories of issues over the years

Год выпуска	ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ		ОТДЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ	
	Индуктивные	Дедуктивные	Индуктивные	Дедуктивные
1997	44	56	64	36
1999	80	20	53	33
2002	44	44	53	41
2003	55	45	40	60
2005	45	55	47	53
2007	56	44	33	67
2009	30	70	42	58
2011	78	22	13	81
2012	13	88	24	76
2014	50	50	55	36
2015	43	57	70	30
2016	14	71	22	78
2017	57	43	42	53
2018	44	44	59	37
2019	50	50	56	44

По всей видимости, дело в тематическом характере выпусков сборника 4–8 (как и, естественно, сборника «Прямая и непрякая коммуникация»).

(Добавим, что посвящение выпуска 8 памяти К. Ф. Седова не изменило принципиально этого соотношения, как можно было бы ожидать: например, в выпуске 7 доля дедуктивных заголовков в разделе «Исследования отдельных жанров» еще выше, чем в выпуске 8.)

*

Остальные проблемы в основном лишь ставятся нами; их решение – дело будущего. Наверное, нет необходимости добавлять, что список проблем, называемых нами, не претендует на полноту и наверняка может быть дополнен:

- Какие (языковые, речевые, коммуникативные, невербальные) единицы выступают

в статьях **центральными единицами анализа**; объем / уровень данных единиц (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, текстовый); языковой и речевой (референциальный, ситуативный) их статус. Для текстовых единиц – используются ли корпуса (НКРЯ и подоб.); для устной речи – берется ли аутентичный разговорный материал.

Характеристик, так сказать, «тематически-речежанровых»: какой конкретно РЖ описывается: письменные или устные, художественные РЖ, – как мы уже говорили, наш структурный анализ не затрагивает; но нельзя не отметить несколько закономерностей: чем ниже уровень рассматриваемой в статье единицы, тем более вероятен статистический анализ (а также наличие таблиц и диаграмм); статьи, в которых анализируются единицы раз-

ных уровней, как правило, больше по объему и содержат внутреннее членение – параграфы и подпараграфы.

• В какой степени та или иная **статья вписана в «речежанровый»** (или другой) **контекст**: конечно, «рассчитать» это было бы трудно, но хотя бы можно проверить, например, представлены ли в списке литературы собственно жанроведческие работы (и какова их доля) или только общелингвистические, общелингвистические и общенаучные (еще показательнее было бы выяснить, какая часть объема статьи отводится на пересказ положений этих теоретических работ (конечно, имеем в виду пересказ не формальный, а реальный, не распознаваемый антиплагиатом)).

В том числе:

КАК статья вводится в этот самый «необходимый жанроведческий контекст»: какая доля статей начинается с определения РЖ (и расшифровки аббревиатуры РЖ); связи жанров речи с языком («приводные ремни от истории общества к истории языка», «речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык», по М. М. Бахтину, и т. п.); деления единиц коммуникации (ситуаций) на компоненты, обычно с акцентированием какого-то одного как значимого для РЖ (например автора и его замысла); отличий жанра / высказывания от базовых единиц языка (прежде всего – предложения) и от базовых единиц речи (прежде всего речевого акта); основ типологии РЖ (обычно первичные-вторичные РЖ);

В том числе:

• Есть ли **общая оценка этих теоретических положений ТРЖ**, их места в науке и личное отношение автора к ним (параметр из модели М. П. Котуровой);

• **наличие дискуссии**, сравнение разных точек зрения, в том числе: а) в рамках теоретических положений одной ТРЖ, б) в сравнении с научными (лингвистическими) положениями не ТРЖ, в) по какой-то лингвистической проблеме, где анализ / материал какого-то одного жанра (реже – двух-трех) выступал бы лишь в качестве иллюстративного примера или «фона»; а) общетеоретических работ, где РЖ и ТРЖ лишь часть более общей картины;

• (теоретических) работ по какой-то другой теории, но в связи с ТРЖ;

• по одному жанру (реже – двум-трем в составе некоторой группы или в противопоставлении друг другу);

• по какому-то одному явлению – не собственно жанру, но близкому к нему (речевому акту, стратегии, категории), с выходом на РЖ (или без такого выхода – крайне редко);

• высказывается ли вообще личное отношение автора (авторское «Я», идентификация себя как ученого и своего места в научном

мире, какие-то детали творческой биографии, отношение к ТРЖ и т. д.).

• **Собственно оценка**, вполне понятно, затруднена: многие вещи вообще трудно или невозможно оценить объективно: качество собственно исследований, эвристичность, эпистемологичность, количество нового, ценного, чем обогатили ТРЖ (и, повторяем, оценка не является целью речежанрового исследования: могут быть приведены только те оценочные характеристики статей в «Жанрах речи», которые уместны в какой-либо (контентивной, вертикальной) речежанровой типологизации (см. о таких подходах: [20])).

По нашему мнению, может представлять интерес сопоставление статей по РЖ на основании:

используется ли в статьях:

I. дедуктивный подход: 1_а) задаются основные постулаты, 2_а) исходя из них исследуется материал (=апробируется модель). Это хороший путь, при условии гармоничного соотношения (1_а) и (2_а), но в современной науке есть опасность слишком большого зазора, лакуны между (1_а) и (2_а), которую иногда хочется «перепрыгнуть», каковое «перепрыгивание», конечно же, ненаучно и порочно – на это справедливо указывает В. М. Алпатов [21]);

II. индуктивный: 1_б) идем от материала, 2_б) осторожно делаем выводы, некоторые из которых, возможно, будут иметь речежанровую значимость. Это тоже хороший подход – опять-таки при условии гармоничного соотношения (1_б) и (2_б) (хотя, вероятно, сама гармония здесь несколько иная, чем в случае I); опасность же состоит в том, что реальных речежанровых выводов из такого анализа такого материала едва ли наберется достаточно для полноценной теории;

III. наконец, плохой подход – но распространенный: представляющий собой неоправданную контаминацию I и II, а именно: осуществляется как будто бы индуктивный анализ по типу II, но при этом по сути дедуктивно (даже скорее бездоказательно, волюнтаристски) принимается, что данное исследование осуществляется в рамках какого-то РЖ или какого-то компонента РЖ (например, образ автора или адресата по анкете Шмелевой).

При этом, в сущности, постулаты (1_б) нередко принимаются «просто так» (например, чтобы попасть в тематический журнал или на конференцию), в результате выводы (2_б) не обогащают и не могут обогатить речежанровую теорию.

• Вероятно, следовало бы рассмотреть еще один план / пласт материала: **отвергнутые** статьи – и причины, по которым они были отвергнуты редакцией журнала (кстати, среди таких причин могла быть и недостаточная про-

работанность тех моментов, которые мы здесь выделяем в качестве параметров структурного анализа и сопоставления). Сделать это не невозможно, но мы воздерживаемся от такого комментария по этическим причинам.

В этой связи следует упомянуть еще один возможный объект исследования – **рецензии** на статьи, поступившие в журнал. У сборника такого правила (и объекта) не было, а у журнала с 2014 г. стало применяться обязательное двойное анонимное рецензирование, таким образом, на все статьи, опубликованные в журнале, есть рецензии, – конечно, более или менее подробные и критические. Это, безусловно, очень интересный и показательный материал, но в силу его очень большой специфики здесь не рассматриваем, выразим только уверенность в том, что это хорошая тема для отдельного будущего исследования.

Выводы

Не хотелось бы, чтобы эта статья (сознаем ее не столько оригинальность и возможную полезность, сколько спорность) заканчивалась оценочными суждениями (спорность которых всегда наибольшая). Сама постановка некоторых вопросов была весьма дискуссионной, если не сказать провокативной, в особенности же решение о распределении конкретных статей по выделяемым «типам».

Не хотелось бы заканчивать и чисто статистическими данными, поскольку без соответствующего теоретического осмысления не вполне ясно, как к ним относиться (опять таки, как их оценить).

Вопрос, который нас, конечно, больше всего интересует, – как, в каких направлениях развивается (надеемся – эволюционирует) жанроведение? И как это отражено в журнале / сборнике «Жанры речи»?

(Как уже было сказано, содержательную сторону этого вопроса мы не рассматривали, оставив эту задачу аналитическим обзорам.)

Частью этого общего вопроса является тот вопрос, которому посвящена наша статья: как видоизменяется (речежанровая?) структура статей в «Жанрах речи»?

Можно ли говорить, что структура статей в «Жанрах речи» становится более четкой, сложившейся, стандартной, воспроизводимой (становится «более речежанровой»?)

Видимо, можно считать доказанным, что статья про жанры речи в «Жанрах речи» приобретает моменты стереотипизации формы. Но именно это, как в других случаях, когда формальные требования к статье становятся особенно значимы в научном сообществе (ср. нашу статью «Трансформации научных жанров в контексте стратегий наукометрии» [11]), содержит опасность: статьи содержательно тривиальные, но полностью отвечающие этим формальным требованиям, получают преимущества в отборе для публикации. Смеем надеяться, в нашем журнале этого не происходило. Но вероятность появления определенных застойных явлений сохраняется, и об этом тоже хотелось бы предупредить (ср. периоды в новейшей истории, когда ТРЖ утрачивала популярность у ученых, авторов диссертаций).

Как мы сами оцениваем результаты проведенного анализа? Сразу подчеркнем, что ВСЕ результаты считаем начальными. Нам видится несколько результатов, имеющих определенную ценность для коллег. Во-первых, это определенное подведение итогов деятельности журнала / сборника «Жанры речи» (встающее в один ряд с конференциями по РЖ: «Одиннадцатые Шмелёвские чтения», «Жанры речи и «Жанры речи»» [9–10]. Во-вторых (этот результат, конечно, имеет более относительный характер), – жанроведения в целом. Следует подчеркнуть практический характер этого результата: будущим авторам статей по РЖ, особенно начинающим, небесполезно знать, какую структуру имели статьи их предшественников. В-третьих, надеемся, предложенная методика речежанрового анализа научной статьи по РЖ будет использована при анализе, более широком и более глубоком, чем наш, этих же и других статей по РЖ. В-четвертых, возможно, наш анализ заинтересует специалистов по общим вопросам научной речи и ее жанров, научного стиля и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов К. Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. С. 86–99.
2. Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 105–110.
3. Дементьев В. В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи (к выходу первого выпуска сборника «Жанры речи») // Вопросы стили-

стики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 21–33.

4. Дементьев В. В. Традиции изучения жанров русской разговорной речи в саратовской лингвистике // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 83–96.

5. Дементьев В. В. Из истории Саратовской школы изучения речевых жанров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 67–76.

6. Дементьев В. В. Изучение отдельных речевых жанров: Обзор работ в современной русистике //

Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. Н. Тагил: НТГСПА, 2009 (сер. «Язык и дискурс», вып. 1). 428 с. С. 219–273.

7. Салимовский В. А. Жанры речи: Рецензия на первый выпуск сборника «Жанры речи» // *Stylistyka VIII*. Opole, 1999. С. 343–350.

8. Паришина О. Н. Рецензия: Жанры речи: Вып. 6. Жанр и язык / Сб. науч. статей. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009 // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл: ОГИИК, ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. Вып. 7. С. 55–73.

9. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Международная конференция Одиннадцатые Шмелёвские чтения по речевым жанрам (Москва, 23–25 февраля 2015 г.) // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 159–162.

10. Дементьев В. В. О международной научной конференции «Жанры речи и “Жанры речи”» (размышления главного редактора) // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 157–161. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-157-161>

11. Дементьев В. В. Трансформации научных жанров в контексте стратегий наукометрии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 2. С. 272–282.

12. Котурова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 210–215. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215>

13. Swales J. *Research Genres: Explorations and Applications*. Cambridge University Press, 2004. 314 p.

14. Mizuta Y., Collier N. Zone identification in biology articles as a basis for information extraction // *Proceedings of the International Joint Workshop on Natural Language Processing in Biomedicine and its Applications*. Geneva, Switzerland, 2004. P. 29–35.

15. Teufel S., Carletta J., Viens M. An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles // *Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 8–12 June 1999. University of Bergen, Norway, 1999. P. 110–117.

16. Contractor D., Guo Y., Korhonen A. Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles // *Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012)*, Mumbai, India, 2012. P. 663–678.

17. Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I. Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications // *Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining*. Denver, Colorado, 2015. Association for Computational Linguistics. P. 1–11.

18. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 86–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

19. Стеклова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 278–286. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286>

20. Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвоарциссиме» // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 1 (39). С. 11–16.

21. Аллатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 9–15.

REFERENCES

1. Sedov K. F. Speech genres in the formation of discursive thought of linguistic person. In: *Russkij jazyk v kontekste kul'tury* [Russian language in a cultural context]. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 1999, pp. 86–99 (in Russian).

2. Sedov K. F. Principles of construction of modern domestic psycholinguistics. *Questions of Psycholinguistics*, 2007, no. 5, pp. 105–110 (in Russian).

3. Dementyev V. V. “Textocentric” and “genrecentric” study of speech (for the release of the first issue of the collection “Genres of speech”). *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1998, iss. 27, pp. 21–33 (in Russian).

4. Dementyev V. V. Traditions of studying genres of Russian colloquial speech in Saratov linguistics. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2003, iss. 3, pp. 83–96 (in Russian).

5. Dementyev V. V. From the history of the Saratov school of studying speech genres. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Filologiya. Journalism*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 67–76 (in Russian).

6. Dementyev V. V. Study of individual speech genres: Review of works in modern Russian studies. *Diskurs, kontsept, zhanr: kollektivnaya monografiya, отв. ред. М. Ю. Олешков. (Seriya “Yazyk i diskurs”, vyp. 1)* [M. Yu. Oleshkov, ed. Discourse, concept, genre: collective monograph (“Language and Discourse” series, iss. 1)]. Nizhnyy Tagil, NTGSPA, 2009, pp. 219–273 (in Russian).

7. Salimovskiy V. A. Genres of speech: Review of the first issue of the collection “Genres of Speech”. *Stylistyka VIII*. Opole, 1999, pp. 343–350 (in Russian).

8. Parshina O. N. Review: Genres of speech: vol. 6. Genre and language: coll. sci. arts. Saratov: Publishing Center “Science”, 2009. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyonom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourse]. Oryol, OGIK, ООО ПФ “Оперативная полиграфия”, 2009, iss. 7, pp. 55–73 (in Russian).

9. Dementyev V. V., Stepanova N. B. International conference Eleventh Shmelev Readings on speech genres (Moscow, 23–25 February 2015). *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 159–162 (in Russian).

10. Dementyev V. V. About the international scientific conference “Genres of speech and “Genres of speech”” (thoughts of the editor-in-chief). *Speech Genres*, 2018, no. 2(18), pp. 157–161. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-157-161> (in Russian).

11. Dementyev V. V. Transformation of scientific genres in the context of scientometric strategies. *Communicative research*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 272–282 (in Russian).

12. Kotyurova M. P. Russian scientific text: where to start the article? *Speech Genres*, 2017, no. 2 (22), pp. 210–215. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215> (in Russian).

13. Swales J. *Research Genres: Explorations and Applications*. Cambridge University Press, 2004. 314 p.

14. Mizuta Y., Collier N. Zone identification in biology articles as a basis for information extraction. *Proceedings of the International Joint Workshop on Natural Language*

Processing in Biomedicine and its Applications. Geneva, Switzerland, 2004, pp. 29–35.

15. Teufel S., Carletta J., Viens M. An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles. *Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 8–12 June 1999*. University of Bergen, Norway, 1999, pp. 110–117.

16. Contractor D., Guo Y., Korhonen A. Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles. *Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012)*. Mumbai, India, 2012, pp. 663–678.

17. Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I. Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications. *Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining*. Denver, Colorado, 2015. Association for Computational Linguistics, pp. 1–11.

18. Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovsky V. A. Speech Genres as an Object of Computer Analysis (Based on Academic Texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104> (in Russian).

19. Steksova T. I. Explanatory constructions in scientific discourse: genre preferences. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 278–286. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286> (in Russian).

20. Dementyev V. V. On valuation and absolutism in linguistic research: on the discussion between A. D. Shmelev and A. V. Pavlova, and M. V. Bezrodny on “linguonarcissism”. *Politicheskaja lingvistika*, 2012, iss. 1 (39), pp. 11–16 (in Russian).

21. Alpatov V. M. About two “childhood diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 9–15 (in Russian).

Поступила в редакцию 31.08.2020 / После рецензирования 05.10.2020 / Принята 29.10.2020

Received 31.08.2020 / Revised 05.10.2020 / Accepted 29.10.2020

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 34–40
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 34–40

Научная статья

УДК 81'27'42

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-34-40>

Контактная экскурсия: речевой жанр vs коммуникативное событие

Т. А. Янсон

Тверской государственный университет, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Янсон Татьяна Александровна, аспирант кафедры теории языка и перевода, tanjuschik@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0481-0751>

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска точек соприкосновения двух лингвистических теорий: теории речевых жанров и теории речевых актов. В качестве материала используется контактная экскурсия. С позиции жанроведения контактная экскурсия представляет собой речевой жанр, который может быть описан с помощью предложенной Т. В. Шмелевой «анкеты речевого жанра», включающей в себя коммуникативную цель жанра, концепцию автора, концепцию адресата, диктумное содержание, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего и языковое воплощение. С точки зрения функционально-структурной классификации контактная экскурсия представляет собой сложный жанр, или гипержанр, в структуре которого выделяются простые жанры. В рамках акционального или деятельностного подхода, основой для которого служит теория речевых актов, контактная экскурсия может быть рассмотрена как коммуникативное событие и описана с помощью речевых стратегий и тактик, представляющих собой одно или несколько речевых действий, что восходит к понятию речевого акта. В качестве основы, «примиряющей» и объединяющей обе теории, выступает коммуникативный стиль.

Ключевые слова: контактная экскурсия, коммуникация, речевой жанр, коммуникативное событие, речевая стратегия, речевая тактика, тактический ход, коммуникативный стиль

Для цитирования: Янсон Т. А. Контактная экскурсия : речевой жанр vs коммуникативное событие // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 34–40. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-34-40>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-34-40>

Contact excursion: Speech genre vs communicative event

Tatiana A. Yanson, tanjuschik@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0481-0751>

Tver State University, 33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between two linguistic theories: a speech genre theory and a speech act theory. The research is based on the genre of a contact excursion. From the point of view of genre studies a contact excursion is a speech genre and it can be described using the “speech genre questionnaire” proposed by T. V. Shmeleva, which includes the communicative goal of the genre, the concept of the author, the concept of the addressee, the dictum content, the image of the communicative past, the image of the communicative future, and the language embodiment. From the point of view of functional and structural classification, a contact excursion is a complex genre or a hypergenre, consisting of a number of simple genres. Within the framework of the actional or the activity approach, which is based on the speech act theory, a contact excursion can be considered as a communicative event and described using speech strategies and tactics which represent one or more speech actions, which traces to the concept of a speech act. The notion of the communicative style serves as the basis to reconcile and combine both theories.

Keywords: contact excursion, communication, speech genre, communicative event, speech strategy, speech tactic, tactical move, communicative style

For citation: Yanson T. A. Contact excursion : Speech genre vs communicative event. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 34–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-34-40>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Построение моделей речевого общения и выделение составляющих его структурных единиц – одна из важнейших лингвистических проблем, связанных с оптимизацией общения. Названная проблема решается в рамках различных теорий. Например, одним из актуальных направлений в лингвистике является жанроведение (или генристика). Другая теория, направленная на моделирование речевого взаимодействия коммуникантов – теория речевых актов. Каждая из этих теорий имеет свои неоспоримые достоинства и одновременно не лишена некоторых недостатков.

Целью настоящей публикации является установление соотношения понятий *речевой жанр* и *коммуникативное событие* на примере контактной экскурсии.

Дадим общую характеристику контактной экскурсии. Контактная экскурсия отличается от других жанров экскурсионного дискурса, таких, например, как аудио- и видеозапись, виртуальная экскурсия и путеводитель. Как отмечает М. В. Лиханов, жанр контактной экскурсии противопоставляется другим жанрам на основании использования разных каналов связи. По его мнению, он является ядерным для дискурса, так как только в нем происходит непосредственное взаимодействие коммуникантов, которое не опосредуется разными носителями / каналами связи (устная коммуникация vs видео, аудио и напечатанный текст). Жанр контактной экскурсии занимает центральное положение в дискурсе, поскольку выступает основой для выделения других жанров, которые являются более ограниченными из-за разорванности коммуникации и отсутствия возможности для более активного участия адресата в коммуникации [1: 13]. О выделении экскурсии как жанра пишут и другие авторы. Так, Ю. В. Слезко в своей статье «Феноменологическое пространство туристического дискурса» [2: 155–162] отмечает, что основную долю экскурсии как жанра занимает экскурсионный рассказ, который подчинен показу, помимо этого имеет место общение экскурсантов и экскурсовода. Экскурсия, по ее мнению, относится к жанрам публичного общения, т. к. присутствует массовый адресат, и к риторическим жанрам, предполагающим наличие «осознанных умений и навыков в области языкового оформления высказывания в соответствии с ситуацией общения, сходных с принципами построения художественных текстов (эстетики словесного творчества)» [2: 157]. Н. В. Филатова, исследуя жанровое пространство туристического дискурса, выделяет экскурсию (включая общение экскурсанта и экскурсовода) в отдельный жанр наряду с такими жанрами, как диалог с продавцом услуги (офисный или

внеофисный диалог между представителем турфирмы и клиентом), диалог с представителем принимающей стороны (между клиентом / сопровождающим группы и служащим гостиницы / шофером экскурсионного автобуса), видеопутеводитель – обзорно-географический документальный фильм, аудиогид (устная разновидность опосредованного общения), путеводитель и др. [3: 78–79]. П. Н. Донец в своей статье «Экскурсия по городу как жанр дискурса» [4: 278–284] рассматривает экскурсию как четко отграничиваемый самостоятельный жанр дискурса. Автор отмечает, что для него характерна достаточно сложная структура речевого и неречевого взаимодействия между коммуникантами, и выделяет следующие факторы жанра: коммуникант, деятельность, мотивация, интенция, ситуация, тезаурус, код, тема, текст, канал [4: 278–279].

Для описания жанра контактной экскурсии с позиций генристики воспользуемся предложенной Т. В. Шмелевой «анкетой речевого жанра», включающей в себя семь пунктов, или «жанрообразующих признаков»: коммуникативная цель жанра, концепция автора, концепция адресата, диктумное содержание, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего и языковое воплощение [5: 90].

В соответствии с ее классификацией, жанр контактной экскурсии можно отнести к информативно-оценочному, *целью* которого является сообщение экскурсантам информации по теме экскурсии (*Следующим объектом нашего показа будет Путевой дворец*), а также формирование положительного целевого образа объектов показа (*Путевой дворец является одним из величайших памятников архитектуры*) [цит. по: 1: 15]. Роль автора в данном случае принадлежит экскурсоводу (*С вами сегодня работает сертифицированный экскурсовод Мария, следуйте за мной к следующему объекту нашей экскурсии, сейчас я вам расскажу о ...*), находящемуся в «сильной коммуникативной позиции» (термин И. А. Стернина см.: [6: 90]) в рамках экскурсии. Как отмечает М. В. Лиханов, адресант-экскурсовод является коммуникативным лидером, выполняющим функции медиатора, «сопровождающего» и «направляющего» процесс наглядного познания экскурсантом окружающего мира. Адресант выступает под дискурсивной маской эксперта, разбирающегося в предмете речи, и проецирует определенную картину мира адресату. Экскурсовод моделирует восприятие реальности адресатом, адаптирует текст под непосредственную аудиторию и транслирует его. Ввиду своего статуса экскурсовод «наделен властью», во-первых, транслировать информацию (*Я рас-*

скажу, какие исторические события связаны с этим городом.), а во-вторых, давать некоторую оценку этой информации (*Алексей является высококвалифицированным водителем, человеком с большим опытом работы в этой сфере*) [1: 16]. В качестве адресата выступает один экскурсант или туристическая группа (*уважаемые гости, дорогие друзья, ребята ...*). Хотя адресат находится в подчиненной коммуникативной позиции, его роль не является пассивной. По мнению Т. В. Демидовой, как адресат, так и адресант принимают непосредственное «живое» участие в процессе коммуникации в рамках экскурсии [7: 94]. Экскурсант, согласно Л. Е. Бахваловой, как активный участник экскурсионного диалога регулирует своим коммуникативным поведением процесс продуцирования экскурсионного текста в режиме реальной экскурсии [8: 199]. Диктумное содержание жанра контактной экскурсии определяется содержанием экскурсии (*обзорные и тематические: исторические, литературные, природоведческие и др.*), количеством и составом участников (*индивидуальные и групповые, местные жители, иностранные туристы, взрослые, школьники и др.*), местом проведения (*городские, загородные, производственные, музейные и др.*), способом передвижения (*пешеходные и транспортные*), продолжительностью (*от 1 акад. часа (45 мин.) до 1 суток*), формой проведения (*экскурсия-консультация, экскурсия-демонстрация, экскурсия-урок и др.*) [9: 38–42]. К «фактору коммуникативного прошлого», или «инициальным речевым жанрам», Т. В. Шмелева относит не только многообразные ситуативные факторы, но и собственно разные речевые жанры, более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию или начинающие общение [5: 94]. Для жанра контактной экскурсии, по мнению Н. В. Филатовой, в качестве инициального жанра может выступать жанр туристического «проспекта, каталога, статьи, брошюры» или «веб-страница» туристического бюро [3: 79], где будущий экскурсант может узнать о существовании экскурсии. Или, например, «диалог с продавцом услуги» или «диалог с представителем принимающей стороны» [3: 79]. Будущий адресат таким образом получает информацию о выбранной экскурсии и обсуждает время и место ее проведения. «Фактор коммуникативного прошлого», или «реактивные жанры», по мнению Т. В. Шмелевой, следуют за данным высказыванием и могут появиться только после определенных речевых жанров. Все они являются реакциями на другие жанры [5: 94]. По отношению к контактной экскурсии таким жанром может являться жанр

«электронного письма» [3: 79], адресованного представителям туристического бюро и содержащего отзыв экскурсанта об экскурсии, которую он посетил. По словам Т. В. Шмелевой, языковое воплощение представляет спектр возможностей, включающих лексические и грамматические ресурсы жанра [5: 96]. Для жанра контактной экскурсии характерна клишированность (*Сегодня я ваш экскурсовод. Тема нашей экскурсии следующая «.....» Во время нашей экскурсии мы посетим ..., ..., Наша экскурсия подошла к концу, спасибо за внимание, буду рада ответить на ваши вопросы*) [1: 16]. Согласно Л. Е. Бахваловой, в качестве неотъемлемой части жанра можно отметить использование вводных слов и вводных конструкций, регулирующих процесс структурирования и восприятия информации (*Итак, наконец, таким образом, следовательно*), речевых элементов, направленных на активизацию внимания туристов (*Обратите внимание на ... Вы видите. Перед вами*), а также элементов ретроспекции (*Как я уже говорила. Я уже упоминала о том, что ... В начале нашей экскурсии я рассказывала о том, что ...*) [8: 201]. Обширный круг тем и сфер, обслуживаемых жанром, обуславливает разнообразие как единиц литературного языка, так и терминологии (*аттик, балясины, изразец, зодчество, «Холодная война» и др.*), историзмов (*князь, боярин, кольчуга, верста, лучина и др.*), этнографизмов (*панёва, мазанка, чалыпка и др.*), экзотизмов (*сакура, авеню, бундестаг, конклав и др.*) и т. д.

Контактную экскурсию можно охарактеризовать с точки зрения функционально-структурной классификации. В основании такой классификации находится противопоставление типа структуры жанра, в рамках которой реализуется его цель. При такой классификации учеными выделяется бинарная: простой–сложный, первичный–вторичный, примарный–секундарный (М. М. Бахтин, М. Н. Кожина, А. Г. Баранов, Ст. Гайда, М. Ю. Федосюк и др.) и трехместная оппозиция, противопоставляющая «субжанр»–«жанр»–«гипержанр» / «макрожанр» (К. Ф. Седов, О. А. Казакова, Ф. Л. Косицкая). В рамках данных типологий жанр контактной экскурсии рассматривается как сложный жанр, в структуре которого выделяются простые жанры, или гипержанр, представляющий собой жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации и объединяющее в своем составе несколько жанров [10: 33]. М. В. Лиханов выделяет в жанре контактной экскурсии такие жанры, как «приветствие», «экскурсионная инструкция», «информационное сообщение», «экскурсионная метка», «прощание» и др. [1: 17]. Данные жанры существуют и отдель-

но от жанра экскурсии, обслуживая разные сферы человеческой деятельности, но для реализации информирующей и презентационной целей экскурсии трансформируются, соединяются и упорядочиваются, формируя жанровое единство и превращаясь в итоге в отдельный и цельный жанр [1: 17].

С позиции данного подхода мы обращаемся в определенной степени к хронометражу текста индивидуализированной экскурсии в туристическом дискурсе. По мнению Л. Е. Бахваловой, даже на предтекстовом этапе и в письменных экскурсионных текстах «будущий» экскурсант выступает в роли гипотетического идеального обобщенного адресата и является соавтором экскурсионного текста [8: 204]. В ситуации же непосредственного устного экскурсионного общения экскурсия представляет собой взаимодействие адресанта (экскурсовода) и адресата (экскурсанта), то есть процесс или событие, в котором имеет место развитие коммуникации (зачастую спонтанное). В данном случае речь идет об экскурсии как коммуникативном событии, которое является самым масштабным структурным сегментом языкового общения или единицей макроуровня дискурса с точки зрения теории речевых актов. Примерами таких событий, по мнению М. Л. Макарова, могут быть урок в школе, заседание суда, деловое совещание, беседа и т. п. [11: 187]. Экскурсовод в процессе экскурсии «приспосабливается» к коммуникативным возможностям реального адресата, «придает тексту те структурно-динамические формы, которые в наибольшей степени (для данной ситуации и данных участников) способны реализовать их индивидуальные и совместные намерения» [12: 125]. Л. Е. Бахвалова считает, что заложенная в потенциальном («индивидуальном») варианте экскурсионного текста модель взаимоотношений адресанта-экскурсовода и экскурсанта может меняться при смене адресата «идеального» адресата «реальным» (в живом непосредственном экскурсионном общении) [8: 199]. На это обращает внимание и П. Н. Донец, который отмечает полиадресованность экскурсии, в связи с чем заготовленный текст подвергается значительным изменениям в зависимости от состава группы [4: 281]. При этом в силу того что акциональные единицы, традиционно выделяемые в рамках теории речевых актов, слабо учитывают контекст и являются в определенной степени механистичными для анализа процесса реальной коммуникации, для дальнейшего структурирования дискурса нами приняты другие единицы: *речевая стратегия*, *речевая тактика* и *тактический ход* [см.: 13: 253].

Под *стратегией* мы понимаем линию речевого поведения субъекта общения в условиях социального взаимодействия или план коммуникации, направленный на достижение коммуникативной цели и решение задачи общения. Каждая стратегия реализуется с помощью целого комплекса *речевых тактик*, представляющих собой одно или несколько речевых действий, посредством которых говорящий решает конкретную коммуникативную задачу. Их выбор описывается в акциональных единицах – *тактических ходах*, представляющих собой вербальное выражение речевых тактик [14: 206]. Для моделирования коммуникативного события экскурсии важным с точки зрения коммуникативных вкладов его участников мы воспользовались понятием *коммуникативный стиль*, представляющий собой доминирующую манеру общения экскурсовода, которая проявляется в большинстве коммуникативных ситуаций в рамках экскурсии. Данное понятие абстрактное, поэтому его изучение и анализ включают в себя описание типичных речевых стратегий и тактик, с помощью которых оно реализуется.

В настоящее время существует несколько типологий коммуникативных стилей, в основе которых лежат различные критерии. Нами была предложена классификация, включающая 4 коммуникативных стиля экскурсовода: информационный, доминирующий, паритетный, конформистский. Классифицирующими основаниями выступают психологический тип личности экскурсовода, макроинтенция экскурсионной деятельности и функции речи [15: 115–120]. Говоря о целях экскурсионного общения, мы не должны забывать об основных интенциональных направленностях экскурсии, которые исходят из самого определения данного понятия и которым должен следовать экскурсовод. Б. В. Емельянов считает, что экскурсия может совершаться с целью отдыха или иметь следующие возможные функции: учебную, научную, общеобразовательную, культурно-просветительскую, культурно-воспитательную [9: 20]. При этом экскурсовод как коммуникативная личность преследует определённые индивидуальные цели общения и оказывает с их учетом речевое воздействие на адресата в ходе взаимодействия.

Соотношение коммуникативных стилей, макроинтенций экскурсионной деятельности, функций речи и ядерных речевых тактик представлено в табл. 1.

В качестве примера приведем несколько речевых тактик (далее – РТ) экскурсовода и способов их речевого воплощения в разных коммуникативных стилях (табл. 2, 3).

Текстовый материал, представленный в табл. 2 и 3, безусловно, не является исчер-

пывающим примером акционального анализа, поскольку в данном случае мы не обращаемся к полной версии контактной экскурсии. Вводя понятие коммуникативного стиля, мы хотим подчеркнуть его потенциальную продуктивность для изучения дискурсивных фрагментов, соответствующих речевым жанрам. Предлагаемый подход направлен на выявление специфики коммуникации в рамках одного жанра, той специфики, которая обусловлена личностными особенностями субъектов общения. Эти особенности укрупненно могут быть маркированы различными коммуникативными стилями. Для исследования специфики данного рода, мы полагаем, целесообразно

обращаться к динамическим единицам (речевой стратегии и речевой тактике). Основной классификации названных динамических единиц является интенциональность, которая, по нашей мысли, может быть признана «пусковым механизмом» коммуникации.

Таким образом, теория речевых жанров и теория речевых актов позволяют рассматривать контактную экскурсию, с одной стороны, как жанр, а с другой стороны, как коммуникативное событие. Первый подход даёт возможность анализировать вербальную наличность и выявлять специфические лексико-грамматические особенности жанра, однако слабо учитывает фактор коммуникативной

Таблица 1 / Table 1

Макроинтенции и функции речи экскурсовода как основания типологии коммуникативных стилей экскурсовода. Соотношение коммуникативных стилей экскурсовода с ядерными речевыми тактиками

Macro intentions and speech functions of the tour guide as the basis of the typology of communication styles of the tour guide. The correlation of the tour guide's communicative styles with dominant speech tactics

Коммуникативный стиль экскурсовода	Макроинтенция	Функция речи (по Виноградову)	Ядерные речевые тактики
Информационный	Информирование	Сообщение	Сообщение необходимой информации, констатация фактов
Доминирующий	Самопрезентация и самоутверждение	Воздействие	Доминирование, самопрезентация, требование, просьба, разрешение
Паритетный	«Диалог с экскурсантом»	Общение	Побуждение, приглашение
Конформистский	Клиентоцентричность	Сообщение + общение	Речевые тактики обратной связи

Таблица 2 / Table 2

РТ приглашения

Speech tactic (ST) of the invitation

Коммуникативный стиль	Речевая тактика приглашения
Информационный	РТ констатации фактов <i>Характеристика:</i> сообщение информации о дальнейших действиях <i>Пример:</i> Сейчас мы ИДЁМ к следующему объекту нашей экскурсии
Доминирующий	РТ требовательного приглашения <i>Характеристика:</i> призыв к дальнейшим действиям, выраженный категоричным императивом <i>Пример:</i> СЛЕДУЙТЕ за мной к следующему объекту нашей экскурсии. Мы ДОЛЖНЫ (НАДО, НЕОБХОДИМО, НУЖНО, СЛЕДУЕТ) посетить
Паритетный	РТ деликатного приглашения <i>Характеристика:</i> побуждение к совместным действиям <i>Пример:</i> ДАВАЙТЕ пройдем к следующему объекту нашей экскурсии
Конформистский	РТ запрашивающего приглашения <i>Характеристика:</i> побуждение к дальнейшим действиям с учетом интересов туристов <i>Пример:</i> ВСЕ, КОМУ ИНТЕРЕСНО, могут подойти вместе со мной к следующему объекту нашей экскурсии

Таблица 3 / Table 3

РТ отказа (реакция на просьбу / предложение туристов, не входящие в планы экскурсии)
Speech tactic (ST) of the refusal (reaction to the request / the offer of the tourists which are not included in the plans of the excursion)

Коммуникативный стиль	Речевая тактика отказа
Информационный	РТ игнорирования <i>Характеристика:</i> сообщение необходимой информации, не предполагающей объяснения причины отказа. <i>Пример:</i> Сейчас мы ИДЁМ в музей
Доминирующий	РТ категоричного отказа <i>Характеристика:</i> отказ, не предполагающий объяснения или компромиссного решения. <i>Пример:</i> Это НЕ ВХОДИТ в нашу программу. Сейчас мы ДОЛЖНЫ идти в музей
Паритетный	РТ отложенного отказа <i>Характеристика:</i> отказ, предполагающий обсуждение позже. <i>Пример:</i> ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ это после посещения музея, если будем укладываться в график ...
Конформистский	РТ компромиссного отказа <i>Характеристика:</i> поиск компромиссного решения. <i>Пример:</i> ХОТЯ это не входит в планы нашей экскурсии, желающие могут вместо посещения музея выбрать другой маршрут по своему усмотрению

процессуальности и динамический характер коммуникации в процессе непосредственного взаимодействия экскурсовода с экскурсантами во время экскурсии. Акциональный или деятельностный подход, в основе которого лежит теория речевых актов, является функционально ориентированным. Он позволяет учитывать перлокутивный эффект и рассматривать экскурсию как коммуникативное событие, в котором имеет место развитие коммуникации (зачастую спонтанное). Оно может быть описано с помощью акциональных единиц, а именно речевых стратегий и тактик, через которые реализуется коммуникативный стиль, представляющий собой типичную / типовую манеру речевых действий экскурсовода. Единицы данного рода представляют собою

ценный материал для собственно лингвистического изучения. Как отмечает С. В. Мкртычян в своей статье «Об альянсе стиля и жанра» [16: 40–47], коммуникативный стиль является абстрактной категорией (свойством коммуникативной деятельности), которая реализуется и конкретизируется посредством речевого жанра, обладающего когнитивно-коммуникативными характеристиками [16: 45]. Иными словами, понятие коммуникативного стиля может рассматриваться как в определённой степени «примиряющее» и объединяющее обе лингвистические теории. Предлагаемый подход соответствует продуктивной современной тенденции интегративности научного знания в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лиханов М. В. Речевой жанр экскурсионной метки: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2019. 28 с.
2. Слезко Ю. В. Феноменологическое пространство туристического дискурса // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 15. С. 155–162.
3. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестн. Моск. гос. гуманит. ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 76–82.
4. Донец П. Н. Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 278–284.
5. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
6. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 252 с.
7. Демидова Т. В. Фактор адресата как компонент дискурсивной деятельности при «порождении» экскурсионного текста // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. Вып. 5. С. 92–96.
8. Бахвалова Л. Е. Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор – адресат» // Ярослав. пед. вестн. 2011. № 2, т. 1. С. 199–204.
9. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. М.: Советский спорт, 2007. 216 с.
10. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
12. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 304 с.

13. Янсон Т. А. Единицы структурирования устного туристического дискурса (терминологический аспект) // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2019. № 4 (62). Сер. Филология. С. 251–256.

14. Мкртычян С. В. Стилистика устного делового дискурса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 316 с.

15. Мкртычян С. В., Янсон Т. А. Основания моделирования коммуникативного стиля экскурсовода в туристическом дискурсе // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2019. № 2 (61). Сер. Филология. С. 115–120.

16. Мкртычян С. В. Об альянсе стиля и жанра // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 40–47.

REFERENCES

1. Lihanov M. V. *Rechevoy zhanr ekskursionnoy metki: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Speech genre of the excursion label: communicative and pragmatic aspect]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2019. 28 p. (in Russian).

2. Slezko Yu. V. Phenomenological space of tourist discourse. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 15, pp. 155–162 (in Russian).

3. Filatova N. W. Genre space of tourist discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholohova, Filologicheskie nauki*, 2012, no. 2, pp. 76–82 (in Russian).

4. Donets P. N. The city excursion as a genre of discourse, *Zhanry rechi: sb. nauch. st., vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres: coll. sci. arts., iss. 6, Genre and Language]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2009, pp. 278–284 (in Russian).

5. Shmeleva T. V. The model of the speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st., vyp. 1* [Speech Genres: coll. of sci. arts., iss. 1]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1997, pp. 88–99 (in Russian).

6. Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2001. 252 p. (in Russian).

7. Demidova T. V. The addressee factor as a component of discursive activity by “generating” an excursion text. *Problemy azykovoy kartiny mira na sovremennom etape* [The Problems of the language picture of the world at the present stage]. Nizhii Novgorod, Izd-vo NGPU, 2006, iss. 5, pp. 92–96 (in Russian).

8. Bahvalova L. E. The Comparative Analysis of the Excursionist’s Speech in Conditions “Author-Recipient”. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 2, no. 1, pp. 199–204 (in Russian).

9. Emelyanov B. V. *Ekskursovedenie* [Tourist guidance]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2007. 216 p. (in Russian).

10. Demytyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragmaticheskiy aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the “Speech genres” theory]. Saratov, Izd-vo Sarat. ped. in-ta, 1998. 107 p. (in Russian).

11. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [The foundations of the discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).

12. Dotsenko E. L. *Psihologiya manipulyatsii: fenomeny, mehanizmy i zaschita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, and protection]. Moscow, Rech Publ., 2003. 304 p. (in Russian).

13. Yanson T. A. The Units of oral tourist discourse structuring (terminological aspect). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no. 4 (62), pp. 251–256 (in Russian).

14. Mkrtychian S. V. *Stilistika ustnogo delovogo diskursa* [Stylistics of verbal business discourse: monograph]. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet Publ., 2011. 316 p. (in Russian).

15. Mkrtychian S. V., Yanson T. A. The Base of the modelling of communicative style of the tour guide in tourist discourse. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no. 2 (61), pp. 115–120 (in Russian).

16. Mkrtychian S. V. On style-genre partnership. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 40–47 (in Russian).

Поступила в редакцию 28.02.2020 / После рецензирования 28.04.2020 / Принята 23.06.2020

Received 28.02.2020 / Revised 28.04.2020 / Accepted 23.06.2020

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 41–48
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 41–48

Научная статья
УДК 811.161.1'276.6:340.66
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-41-48>

Судебное экспертное заключение как речевой жанр (на материале судебно-медицинской экспертизы)

С. Б. Владимирова

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, 634003, г. Томск,
пл. Соляная, д. 2

Владимирова Софья Борисовна, аспирант Томского политехнического университета;
ассистент кафедры русского языка и специальных дисциплин Томского государственного
архитектурно-строительного университета, sophie77@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9932-3293>

Аннотация. Статья посвящена построению модели жанра «судебное экспертное заключение» на материале судебно-медицинского экспертного заключения. Под судебным экспертным заключением понимаются представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Данный текст функционирует одновременно в двух областях знания: в юриспруденции, как документ, и в определенной области науки, соотносящейся с областью экспертных знаний, в данном случае в медицине. Для построения модели жанра судебного экспертного заключения выбрана модель речевого жанра, предложенная Т. В. Шмелёвой, как наиболее полная и позволяющая охватить не только языковые, но и коммуникативные параметры. Согласно данной модели описаны композиционно-речевые особенности исследуемого жанра, его дифференциальные признаки (образ автора, адресата, образ прошлого и будущего, диктумное содержание, а также, в качестве дополнительного параметра – образ объекта экспертизы), коммуникативные цели и специфика языкового воплощения. Проведенный анализ позволяет представить судебное экспертное заключение как информативный реактивный речевой жанр с перфектной перспективой диктума. Языковое воплощение данного речевого жанра является частично клишированным, языковые средства выбираются в соответствии с текстуальными традициями оформления официальных документов и выражения профессионального знания. В качестве основных особенностей языкового воплощения жанра выделены следующие: сочетание официально-делового, научного и разговорного стилей речи; частое обращение к медицинской терминологии, сокращениям и аббревиатурам; использование бессубъектных предложений и предложений с пассивными конструкциями, эллиптических предложений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, судебное экспертное заключение, жанр, речевой жанр, модель речевого жанра

Для цитирования: Владимирова С. Б. Судебное экспертное заключение как речевой жанр (на материале судебно-медицинской экспертизы) // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 41–48. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-41-48>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-41-48>

Judicial expert opinion as a speech genre (based on judicial medical expertise)

Sofya B. Vladimirova, sophie77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9932-3293>

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering,
2 Solyanaya sq., Tomsk 634003, Russia

Abstract. The article describes the model of the genre of “judicial expert opinion” and considers a medical expert opinion as its example. A judicial expert opinion is defined as a written text including the research

and conclusions on the issues posed to the expert by the person conducting the criminal proceedings, or by the defense or prosecution. This text functions simultaneously in two branches: in jurisprudence, as a document, and in a certain field of science that is related to the field of expert knowledge, in this case in medicine. To build a genre model of the judicial expert opinion, the author uses the speech genre model proposed by T. V. Shmeleva. This model seems most consistent and allows to cover not only linguistic, but also communicative parameters. According to this model, the article describes the compositional and speech features of the reviewed genre, its differential features (the image of the author, addressee, image of the past and the future, dictum content, and the image of the object of examination as an additional parameter), communicative goals and aspects of its linguistic embodiment. The analysis allows to present a judicial expert opinion as an informative reactive speech genre with a perfect perspective of dictum. The linguistic embodiment of this speech genre is partially clichéd, the linguistic means are selected in accordance with the textual traditions of formalizing official documents and expressing professional knowledge. The main features of the language embodiment of the genre are the following: a combination of official, academic and colloquial speech styles; frequent use of medical terminology, abbreviations; zero subject sentences and passive constructions, elliptical sentences.

Keywords: judicial examination, judicial-medical examination, judicial expert opinion, genre, speech genre, model of the speech genre

For citation: Vladimirova S. B. Judicial expert opinion as a speech genre (based on judicial medical expertise). *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 41–48 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-41-48>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительно растущий интерес современной лингвистики и смежных с ней областей к документным текстам и, в частности, к текстам юридического и судебного дискурсов, в числе других факторов обусловлен развитием судебно-лингвистической экспертизы как самостоятельного вида судебной экспертизы, который возник в 90-х гг. прошлого века. Большое количество исследований посвящено теоретическим (см., например, [1, 2]) и практическим [3, 4] аспектам судебно-лингвистической экспертизы. Однако судебное экспертное заключение как конечный продукт деятельности эксперта, как текст, обладающий, несомненно, композиционно-речевыми особенностями, до недавнего времени оставалось вне поля зрения лингвистики. В общем виде жанровые характеристики текста судебного экспертного заключения были рассмотрены Е. В. Баталовой [5].

Согласно ч. 1 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, под заключением судебного эксперта (судебным экспертным заключением) понимаются «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» [6]. Информация, содержащаяся в нем, регламентируется ст. 204 УПК РФ [Там же] и ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7], однако это касается лишь формальных сведений, перечисленных во вводной части заключения (независимо от вида экспертизы).

«Тело» заключения, его исследовательская часть, а также выводы не имеют жесткой регламентации со стороны действующего законодательства, их структура разнится в зависимости от вида экспертизы и подхода, выбранного конкретным экспертом. Таким образом, заключение эксперта – это документный текст, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. Данный текст вынужденно функционирует одновременно в двух областях знания: в юриспруденции, как документ, и в определенной области науки, соотносящейся с областью экспертных знаний (лингвистикой для судебно-лингвистической экспертизы, экономикой для судебно-экономической экспертизы и т. д.).

Поскольку **целью** данного исследования является построение модели речевого жанра «судебное экспертное заключение» и выявление специфики основных жанрообразующих параметров, нам представляется обоснованным выбрать для анализа такой вид экспертизы, где заключения достаточно единообразны и «устойчивы» в плане композиции и речевого воплощения. Таковой, в частности, является судебно-медицинская экспертиза, которая в России имеет более чем столетнюю историю [8]. За это время судебно-медицинское заключение приобрело четкую единообразную структуру и композицию, обусловленную не только требованиями действующего законодательства, но и коммуникативными потребностями адресата и адресанта.

Материал и модель анализа

Материал исследования составили 20 заключений судебно-медицинской экспертизы общим объемом более 100 страниц. Данные

заклучения были взяты из раздела «Консультационный центр» Форума судебных медиков России [9], где пользователями размещаются тексты судебно-медицинских заключений с предварительно удалёнными персональными данными. Цитируемые далее фрагменты судебно-медицинских заключений приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации оригинального текста, места удалённых персональных данных (имён, названий учреждений и т. д.) приводятся как «...».

Для построения модели жанра судебного экспертного заключения нами была выбрана модель речевого жанра, предложенная Т. В. Шмелёвой, как наиболее полная и позволяющая охватить не только языковые, но и коммуникативные параметры. Для построения модели речевого жанра Т. В. Шмелёва рекомендует обратить внимание на следующие основные параметры: коммуникативную цель; образ автора (информацию о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект речевого жанра); образ адресата; образ прошлого; образ будущего; параметр диктумного содержания; особенности языкового воплощения [10: 90]. В качестве дополнительного параметра для анализа данного жанра нам кажется целесообразным выделить образ объекта экспертизы, поскольку этот объект во многом предопределяет содержательную часть заключения и, таким образом, оказывает влияние на другие параметры.

Результаты анализа

1. Коммуникативная цель

По своей коммуникативной цели судебно-медицинское заключение является информативным речевым жанром как в классификации Т. В. Шмелёвой [10: 89], так и в классификации В. В. Дементьева [11: 36], поскольку цель любого экспертного заключения, вне зависимости от вида экспертизы, состоит в предъявлении предварительно запрошенной информации.

Коммуникативная цель реализуется во вводной части заключения, где перед экспертом ставятся вопросы, и в выводах, где эксперт приводит ответы на них; исследовательская же часть заключения служит промежуточным звеном и документирует ход исследования, – в частности, для того чтобы эксперт мог в дальнейшем пояснить, на основании чего им был сделан тот или иной вывод, или другой эксперт мог подтвердить или опровергнуть правильность выводов коллеги.

На уровне языкового воплощения коммуникативная цель реализуется в «диалоге», связывающем вводную часть и выводы заключения. Например:

«Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. *«Какие телесные повреждения причинены пострадавшему?»*
2. *«Какова степень тяжести вреда здоровью?»*

«ВЫВОДЫ:

На основании проведенного исследования, принимая во внимание имеющиеся в распоряжении эксперта обстоятельства дела, прихожу к следующим выводам:

1. *... при поступлении 20 марта 2017 года в ... обнаружено телесное повреждение в виде закрытого косовертикального внутрисуставного метадиафазного перелома наружного мыщелка левой большеберцовой кости со смещением отломков.*

2. *Телесное повреждение в виде закрытого косовертикального внутрисуставного метадиафазного перелома наружного мыщелка левой большеберцовой кости со смещением отломков у ... не было опасным для жизни, однако повлекло за собой значительную стойкую утрату общей трудоспособности свыше 1/3 (более 30%) и по этому признаку квалифицируется как тяжкий вред здоровью».*

Таким образом, коммуникативная цель автора реализуется в выводах: он дает полные и обоснованные ответы на поставленные перед ним вопросы, завершая коммуникативный эпизод.

2. Образ автора образ адресата, образ объекта экспертизы

По утверждению К. А. Долинина, типовой образ адресанта задается контекстной ситуацией и предполагает речевую (жанровую) роль, поведение в рамках которой регулируется жанровыми, социально установленными предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров [12: 9]. В нашем случае типовые образы автора и адресата охарактеризованы прежде всего наличием определенного социального статуса и уровня профессиональной компетенции, позволяющего проводить и назначать судебную экспертизу.

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, перечислены в ст. 13 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в том же законе (ст. 8) указывается, что «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» [7].

Следовательно, одной из основных характеристик, определяющих образ автора в рамках исследуемого жанра, является его личная

незаинтересованность и абстрагированность и от объекта экспертизы, и от её результатов, что накладывает определенный отпечаток на языковое воплощение жанра. В пределах исследовательской части заключения автор не эксплицируется обычными грамматическими средствами: не используется не только личное местоимение «я», но и «мы», также не используются формы глаголов 1-го или 2-го лица. Преимущественно используются пассивные конструкции: *«Осмотр проводился в кабинете № 3», «Каких-либо повреждений или их следов по анализируемому случаю не выявлено», «Причина смерти временно не установлена».*

С другой стороны, эксперт несёт персональную ответственность за достоверность изложенной в заключении информации, и данное обстоятельство также находит свое отражение в образе автора, который проявляет себя во вводной части и выводах. Вводная часть заключения содержит данные об эксперте: его ФИО, образование, включая специальность, стаж работы, место работы и должность, при наличии – ученая степень и другие звания; кроме того, эксперт заверяет личной подписью свою осведомленность о правах и обязанностях, предусмотренных ст. 57 УПК РФ [6], об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ [13], а также сделанные им на основании исследования выводы.

«В помещении отделения экспертизы телесных повреждений № 1 Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы (Бюро судмедэкспертизы)

Государственный судебно-медицинский эксперт Бюро судмедэкспертизы – ... врач – судебно-медицинский эксперт, образование высшее медицинское, специальность «судебно-медицинская экспертиза», стаж работы по специальности 3 года, вторая квалификационная категория.

произвел судебно-медицинскую экспертизу

ер-ну ...

... года рождения (35 лет)

Права эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, разъяснены; об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ предупрежден» – далее подпись эксперта.

Выводы к экспертному заключению предваряются клишированной формулой, которая эксплицирует автора с помощью глагола 1-го лица: *«На основании ... (формулировка «оснований» разнится в зависимости от специфики конкретной экспертизы. – прим. авт.)*

прихожу к следующим выводам». Выводы подкрепляются личной подписью эксперта. Образ автора представлен в документе как образ профессионала, обладающего не только достаточными компетенциями, но также специфическими правами и обязанностями, напрямую связанными с его профессиональной деятельностью, личной ответственностью перед законом за содержание написанного им текста.

Образ адресата представлен лицом или органом, назначившим экспертизу, то есть соотносится с профессиональной компетенцией. Это может быть следователь, судья, дознаватель, прокурор и другие уполномоченные лица. Во вводной части заключения эксперт также указывает личные данные адресата (как правило, ФИО, место работы, должность и/или воинское звание): *«На основании постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы следователя СО ОМВД России по Тверскому району города Москвы младшего лейтенанта юстиции ... (уголовное дело №...) от «21» марта 2017 г.».*

Опираясь на тезис Н. И. Формановской о том, что адресант прогнозирует в адресате определенный образ, ориентируясь на который, он использует общий фонд знаний, общую апперцепционную базу, выбирает тематический пласт [14: 49], можно сделать вывод о том, что автор (адресант) прогнозирует минимум два образа адресата, в соответствии с разделением на формальную (вводная часть и выводы) и исследовательскую композиционные части заключения. У формальной части есть непосредственный адресат (лицо, назначившее экспертизу), который в заключении получает ответы на поставленные им вопросы.

Исследовательская часть представляет собой текст, изобилующий специальной медицинской лексикой, терминами и аббревиатурами, не поясняющимися непосредственно в тексте (*«МСКТ головного мозга – признаки САК по намету мозжечка», «ЗВЯ справа, слева выполнить невозможно. НБС справа, слева. ВБС справа, слева»*). Обширная часть текста исследовательской части может быть понята любым человеком, имеющим наивные представления об анатомии: *«Мягкие ткани в окружности левого глаза, левой щеки и нижней челюсти слева резко припухшие. Ощупывание скулы и нижней челюсти болезненно»* или *«Рот приоткрыт, язык за линией зубов. Слизистая губ, десен, полости рта бледная. Зубы целые, без повреждений»*, однако верная интерпретация указанных в исследовании данных и соотношение их с выводами остается делом исключительно адресата, имеющего соответствующую профессиональную компетенцию.

В качестве дополнительного адресата исследовательской части, следовательно, может быть рассмотрен другой врач-судмедэксперт, проводящий повторную экспертизу, – этот же дополнительный адресат способен не только дать расшифровку терминов и аббревиатур, не поясненных в тексте, но и интерпретировать полученную информацию, подтвердив либо опровергнув правильность выводов.

Образ адресата как компетентного специалиста подтверждают случаи размещения текстов заключений на специализированных ресурсах сети Интернет с целью получить от других экспертов мнения по поводу правильности сделанных в заключении выводов. Популярность подобных обсуждений свидетельствует, во-первых, о невозможности полной самостоятельной интерпретации экспертного заключения человеком, не имеющим специализированных знаний; во-вторых, о возможности интерпретации экспертного заключения другим экспертом, такое знание имеющим (причем исключительно на основании прочитанного им текста исследовательской части заключения – как уже было сказано выше, исследовательская часть документирует ход исследования, что необходимо с учетом специфики исследуемого объекта: так, например, повреждения на теле человека имеют свойство видоизменяться с течением времени вплоть до полного исчезновения). Таким образом, образ адресата также представлен профессиональными компетенциями. Непосредственный адресат обладает правом не только назначать экспертизу, но и использовать её результаты в рамках расследования или судебного заседания; дополнительный адресат обладает схожей с автором компетенцией в области медицины и способен не только на интерпретацию текста, но и на аргументированное выражение согласия или несогласия с представленными в нем выводами в рамках проведения повторной экспертизы. Исходя из вышеизложенного, может ли быть в качестве адресата, даже потенциального, рассмотрено лицо, в отношении которого проведена экспертиза, или его законные представители (если речь идёт об экспертизе трупа)? Очевидно, что нет, несмотря на то что подэкспертное лицо и/или его законные представители имеют личную заинтересованность (а не только профессиональную, как автор и адресат) в результатах исследования, и на то, что текст экспертного заключения им предоставляется.

Образ объекта экспертизы. Объект экспертизы, когда им является живой человек, является важным актантом коммуникативного события (текст такой экспертизы содержит специально маркированную информацию, по-

лученную экспертом в ходе опроса: *«Жалобы: на головную боль периодического характера, шум в голове, ухудшение зрения на оба глаза», «Со слов: что ... неизвестный мужчина ударял по лицу 1–2 раза, я упал, ударился затылком»*), однако его «присутствие» в исследовательской части низведено до минимума с помощью характерных синтаксических приемов, таких как:

- использование бессубъектных предложений (*«Обращался в ПК 27.05.2018 г. от госпитализации отказался»; «...18 г. около 14.55, со слов сотрудников «03», пострадал в ДТП (был водителем автомобиля); «Травму получил в 01.00 в результате ДТП»*);
- использование в качестве субъектов и объектов наименований частей тела и органов человека, происходящих в человеческом теле процессов, а также медицинских приспособлений (*«Живот участвует в акте дыхания»; «Гипсовая шина не беспокоит»; «Перистальтика кишечника выслушивается»; «Головные боли не усилились»*).

Образ объекта экспертизы, таким образом, в заключении представлен в основном описанием динамики его физического состояния и обстоятельств, на эту динамику влияющих.

3. Образ прошлого и образ будущего

Следующие конститутивные параметры речевого жанра связаны с его местом в цепи речевого сообщения, которое разыгрывается по определенному «сценарию».

Образ прошлого, или эпизод общения, предшествующий рассматриваемому, представлен постановлением о назначении экспертизы. По классификации Т. В. Шмелевой заключение эксперта является «реактивным» жанром, для которого «инициальным» является постановление или определение суда о назначении экспертизы. Жанр судебного экспертного заключения, безусловно, вторичен, как, по определению В. В. Дементьева, «тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный речевой жанр» [15: 12], где первичным также является постановление или определение суда о назначении экспертизы. Это находит языковое воплощение во вводной части: *«На основании постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы ... произвел судебно-медицинскую экспертизу»*.

Образ будущего, или последующий эпизод общения, в заключении не предполагается, поскольку оно логично завершает коммуникативное событие: вопросы заданы в постановлении – ответы получены в заключении. Однако на практике нередки случаи, когда

эксперт поясняет свои выводы непосредственному адресату или вызывается в суд для дачи пояснения по тексту данного им заключения, если у представителей суда возникают вопросы, связанные с формулировками заключения или же с отсутствием у них специальных знаний.

4. Диктумное содержание жанра

Диктумное содержание жанра – сам акт проведения экспертизы, процесс, разнящийся по своей природе в зависимости от вида экспертизы; в случае с судебно-медицинской экспертизой – это медицинское исследование, установленный набор манипуляций, совершаемых врачом-судебно-медицинским экспертом над живым человеком или телом с целью ответить на вопросы, поставленные на разрешение. Диктумное содержание также несёт в себе указание на события прошлого, прямо или косвенно послужившие причиной причинения вреда здоровью или смерти (например, авария, драка и т. д.), поэтому заключение эксперта является жанром с перфективной перспективой диктума. В своем роде заключение эксперта – это и есть оценка им прошлого диктумного события и его последствий для конкретного человека (подэкспертного), некоторых параметров этих последствий, причем оценка не субъективная, а выполненная в соответствии с требованиями законодательства. В исследовательской части представлены, таким образом, событийные пропозиции, репрезентирующие состояние объекта, отдельных органов и частей тела («Сознание ясное», «Селезенка не увеличена», «Кости мозгового и лицевого черепа, хрящи носа и ушных раковин на ощупь целые»). В «Выводах» чаще задействованы казуальные логические пропозиции: «По имеющимся данным высказаться об индивидуальных свойствах травмирующего предмета не представляется возможным», «Возможность образования повреждений, указанных в п. 2 «а» – закрытая черепно-мозговая травма, в результате однократного падения с высоты собственного роста исключается, о чем свидетельствует количество и локализация установленных повреждений».

Включенность диктумного события в личную сферу автора и адресата минимальна. При этом важным актантом диктумного события, наряду с экспертом, является подэкспертный – он в любом случае выполняет пассивную роль, однако является непосредственным объектом, в отношении которого назначена экспертиза и написано экспертное заключение, и в его личную сферу диктумные события, несомненно, включены непосредственным образом.

5. Языковое воплощение

Установив основные параметры жанра, рассмотрим его с точки зрения языковых средств и лингвистической характеристики отдельных композиционных частей [16: 67] и выделим некоторые языковые особенности жанра судебно-медицинского экспертного заключения. По характеру языкового воплощения заключение судебного эксперта является клишированным речевым жанром, структура которого во многом определена заранее и достаточно устойчива. Так, стандартное судебное экспертное заключение имеет три части – вводную, исследовательскую и выводы, причем первая и третья части стандартизированы, а структура второй разнится в зависимости от того, является объектом экспертизы живой человек или же труп (в первом случае присутствуют разделы «данные обследования», «данные медицинских документов», во втором – «наружное исследование» и «внутреннее исследование»).

Вводная часть, включающая в себя формальные данные (согласно требованиям ст. 204 УПК РФ [6] и ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7]), является образцом официально-делового стиля, набором клишированных фраз, где заменяются лишь даты, личные данные участников, названия учреждений и номера документов.

Исследовательская часть наиболее близка к научному стилю: вместо клишированных фраз официально-делового стиля используется терминология (в данном случае медицинская) и указания на ход и методы исследования («При внутреннем исследовании использовались методы: разрез мягких тканей передней поверхности туловища – методом основного разреза; извлечение и исследование внутренних органов – по методу Лютеля; полость черепа – вскрыта циркулярным распилом; исследование головного мозга – по методу Фишера; исследования сердца по методу Абрикосова»), но в то же время текст исследовательской части имеет черты разговорного стиля речи, такие как использование неполных, эллиптических предложений («02.10.2018 года – жалобы на боль в шейном отделе позвоночника»; «Гинеколог – патологии нет»). Последнее, вероятно, является следствием дословной записи устной речи либо недостаточного количества времени на оформление текста.

Раздел «Выводы» соединяет в себе признаки официально-делового и научного стилей: каждый вывод, во-первых, формально соответствует поставленному во вводной части вопросу, во-вторых, опирается на данные

исследовательской части. При оформлении выводов используются конструкции, характерные как для научного, так и для официально-делового стиля: «**В связи с изложенным в пунктах 14 и 15, для объективного ответа на вопросы №№ 22, 23, 24 оснований не имеется**», «**Учитывая данные медицинской документации, ... можно полагать, что повреждение причинено ..., что не противоречит сроку, указанному в определении**». Таким образом, судебное экспертное заключение можно определить как жанр смешанного (официально-делового и научного) стиля, что обусловлено двойственностью его природы: оно является одновременно документным текстом и текстом научного исследования, где второе обусловлено первым и композиционно встроено в него. Вкрапления же разговорного стиля говорят о недостаточном количестве времени, отведенном на порождение данного текста, и о способности потенциальных адресатов эксплицировать заложенный автором текста смысл из сокращенных конструкций.

Выводы

Анализ, проведенный на материале судебно-медицинских заключений, позволил представить судебное экспертное заключение как устоявшийся речевой жанр, имеющий специфическое языковое воплощение, отвечающее его двойственной природе, и четкую структуру, частично регламентированную законодатель-

ством. На основе модели речевого жанра Т. В. Шмелёвой жанр судебного экспертного заключения может быть охарактеризован как информативный жанр с четко обозначенными образами автора и адресата, представленными их профессиональной компетенцией. Судебное экспертное заключение является реактивным речевым жанром, не предполагающим образа будущего; диктумное содержание речевого жанра определено уже произошедшими событиями, т. е. перспектива диктума перфектна; подэкспертное лицо является важным актантом диктума и коммуникативного события, однако не является адресатом готового документного текста; языковое воплощение речевого жанра частично клишировано, языковые средства выбираются в соответствии с текстуальными традициями оформления официальных документов и выражения профессионального знания в области медицины; структура и композиция обусловлены строгими требованиями данного жанра, частично содержание заключения определено законодательством. Основными особенностями языкового воплощения данного речевого жанра являются: сочетание официально-делового, научного и разговорного стилей речи; частое обращение к медицинской терминологии, сокращениям и аббревиатурам; использование бессубъектных предложений и предложений с пассивными конструкциями, эллиптических предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг Е. Б. Судебно-лингвистическая экспертиза: трёхязычный дискурс // Вестник ЧелГУ. 2011. № 33. С. 31–33.
2. Кусов Г. В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
3. Шахматова Т. С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, № 5. С. 26–29.
4. Милютин М. Г., Чиркова Н. И. Слово дурак и его производные как предмет судебной лингвистической экспертизы // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2013. № 2. С. 173–177.
5. Баталова Е. В. К вопросу о жанровых характеристиках текста экспертного заключения // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сб. науч. ст. Вып. 3. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 11–15.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.01.2020).
7. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 25.11.2019).

8. Официальный сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России». URL: <http://www.rc-sme.ru/About/historical.php> (дата обращения: 26.11.2019).
9. Форум судебных медиков России. URL: <http://www.sudmed.ru/> (дата обращения: 25.11.2019).
10. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
11. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 34–44.
12. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. С. 7–13.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.01.2020).
14. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

15. Деметьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 9–26.
16. Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium. 1995. № 12. С. 64–70.

REFERENCES

1. Berg E. B. Forensic Linguistic Expertise : Trilingual Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 33, pp. 31–33 (in Russian).
2. Kusov G. V. General and particular problems of methodology of judicial linguistic expertise. *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 5, pp. 217–224 (in Russian).
3. Shakhmatova T. S. Speech act of indirect threat in forensic linguistic expertise. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Seria Gumanitarnye Nauki*, 2015, vol. 157, no. 5, pp. 26–29 (in Russian).
4. Milutina M. G., Chirkova N. I. The word fool and its derivatives as subject of forensic linguistic enquiry. *The Bulletin of Udmurt State University. Series History and Philology*, 2013, iss. 2, pp. 173–177 (in Russian).
5. Batalova E. V. To the issue of genre characteristics the text of expert testimony. *Aktual'nye problemy lingvistik: vzgliad molodykh issledovatelei : sb. nauch. st.* [Actual problems of linguistics : a young researchers view : coll. of sci. arts]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2018, pp. 11–15 (in Russian).
6. *Russian Federation Criminal Procedure Code. The current edition with Comments as of 27.12.2019*. Available at: <http://upkodeksrf.ru/ch-1/rzd-3/gl-10/st-80-upk-rf> (accessed 05 January 2020) (in Russian).
7. *Federal Act on state forensic expert activity in Russian Federation. The current edition of 31.05.2001*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (accessed 25 November 2019) (in Russian).
8. *Official site of the Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Forensic Medical Examination Ministry of Health of Russian Federation"*. Available at: <http://www.rc-sme.ru/About/historical.php> (accessed 25 November 2019) (in Russian).
9. *Forensic Forum*. Available at: <http://www.sudmed.ru/> (accessed 25 November 2019) (in Russian).
10. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).
11. Dement'ev V. V. Phatic and informative communicative ideas and communicative intentions : problems of communicative competence and typology of speech genres. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 34–44 (in Russian).
12. Dolinin K. A. Speech genres as a means of social interaction organization. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1999, iss. 3, pp. 7–13 (in Russian).
13. *Criminal Code of the Russian Federation. The current edition of 27.12.2019*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 05 January 2020) (in Russian).
14. Formanovskaia N. I. *Kommunikativno-pragmatic-heskie aspekty edinits obshcheniia* [Communicative-pragmatic aspects of communication units]. Moscow, Institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina Publ., 1998. 291 p. (in Russian).
15. Dementyev V. V. Intertextual aspect of speech genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 9–26 (in Russian).
16. Matveeva T. V. To linguistic theory of the genre. *Collegium*, 1995, no. 12, pp. 64–70 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.01.2020 / После рецензирования 19.02.2020 / Принята 12.03.2020
 Received 09.01.2020 / Revised 19.02.2020 / Accepted 12.03.2020

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 49–56
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 49–56

Научная статья
УДК 811.161.1'373'42
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-49-56>

Модель жанра «Руководство по эксплуатации»

Н. В. Куркан

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, 634050,
г. Томск, пр. Ленина, д. 30

Куркан Наталия Владимировна, аспирант отделения русского языка, kurkan@tpu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0523-1337>

Аннотация. В статье рассмотрены жанрообразующие параметры руководства по эксплуатации с целью представления модели исследуемого жанра инженерного дискурса. Как дискурсивная деятельность инженерная коммуникация начинает привлекать внимание лингвистов в силу своего динамичного развития, определяемого стремительными изменениями технологий, общества, промышленности и, как следствие, постоянным взаимодействием и обменом информацией между участниками инженерного сообщества. Несмотря на значительное количество исследований жанрового пространства отдельных институциональных дискурсов, проблема жанровой структуры инженерного дискурса, представляющего собой перспективное направление коммуникативной лингвистики, остаётся важной в силу ряда причин. Основная из этих причин – недостаточная изученность самого инженерного дискурса в частности и профессиональной коммуникации в целом. Поскольку дискурс находит свое воплощение в определенных жанрах, а жанры, в свою очередь, всегда находятся в поле того или иного дискурса, автор выдвигает предположение, что инженерный дискурс наряду с периферийными жанрами, характерными и для других дискурсов, обладает в первую очередь самостоятельными ядерными жанрами, выражающими собственные ценности, стратегии, информацию.

Эмпирическую базу исследования составили тексты руководств по эксплуатации на оборудование российских предприятий-производителей. На основании анализа лексической организации текстов определены основные характеристики и особенности языкового воплощения руководства по эксплуатации как жанра инженерной коммуникации. Также сделано заключение о соответствии жанра руководства по эксплуатации основной цели инженерной коммуникации. Особенности исследуемого жанра определены требованиями профессионального дискурса и коммуникативной ситуации. Практическая значимость исследования определяется перспективой использования результатов при разработке лекционных курсов по профессиональной коммуникации, когнитивной лингвистике, когнитивному терминоведению.

Ключевые слова: речевые жанры, профессиональная коммуникация, инженерный дискурс, дискурсивные практики

Для цитирования: Куркан Н. В. Модель жанра «Руководство по эксплуатации» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 49–56. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-49-56>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-49-56>

A model of the operations manual speech genre in engineering communication

Nataliya V. Kurkan, kurkan@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0523-1337>

National Research Tomsk Polytechnic University, 30 Lenin Av., Tomsk 634050, Russia

Abstract. The article addresses basic genre parameters of the operations manual and aims to develop its genre model within engineering discourse. Engineering communication is becoming a subject of a special focus for linguists due to its rapid development driven by dynamic changes in technology, society and industry, which results in continuous exchange of information between the members of the engineering society. Despite the significant

number of studies in the field of certain institutional discourses, the genre structure of engineering discourse, one of the promising fields of communicative linguistics, is still a research challenge due to insufficient studies of the engineering discourse as well as the professional communication in general. Since discourse is embodied in certain genres, and genres, in turn, are always included into a certain discourse field, the author proposes the idea that the engineering discourse provides a number of core genres which reflect the values, strategies and information of engineering communication. The research is based on the texts of operations manuals for the equipment produced by Russian manufacturers.

The analysis of genre parameters and lexical aspects has revealed a number of key characteristics of the operations manual as well as its peculiar linguistic presentation as of a specific genre of engineering communication. The analysis proves that the operation manual genre meets the primary goal of professional communication in the engineering field. The peculiar characteristics of the studied genre are determined by the professional communicative purposes and the situation. The results of the research may be used in university lectures on professional communication, cognitive linguistics and cognitive terminology studies.

Keywords: speech genres, professional communication, engineering discourse, discourse practices

For citation: Kurkan N. V. A model of the operations manual speech genre in engineering communication. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 49–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-49-56>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Каждая разновидность профессионального дискурса отличается определенной системой жанров, которые выступают средствами организации и формализации социального взаимодействия в рамках профессиональной области. Проблема жанровой дифференциации профессиональных дискурсов является весьма важной для современной теории профессиональной коммуникации. Решение этой проблемы затруднено недостаточной точностью самого понятия «жанр», отсутствием общепринятого определения профессиональной коммуникации, а также «исчерпывающего списка профессиональных ситуаций, требующих специального речевого оформления, неопределенностью подходов к выделению типов и разновидностей профессиональных дискурсов» [1: 33].

Главное отличие профессиональной коммуникации от других разновидностей коммуникации состоит в том, что она изначально включена в контекст профессиональной деятельности. Согласно Е. И. Головановой, профессиональная коммуникация – это такая разновидность общения, которая характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения [1: 33]. Поэтому характеристики профессиональной коммуникации определяются содержанием самой профессиональной деятельности как таковой. А поскольку жанры являются средством организации коммуникации, то жанры профессиональной коммуникации направлены на достижение цели общения в профессиональной сфере и подчинены задачам самой профессиональной деятельности (создание, сохранение, обработка и трансляция информации, организация взаимодействия в про-

цессе деятельности, оценка деятельности для повышения ее эффективности, поддержание кооперативных и корпоративных характеристик деятельности). К жанрам, которые наиболее полно соответствуют реализации цели инженерной коммуникации, исследуемой авторами данной работы, относится руководство по эксплуатации (или инструкция по эксплуатации). Речевой жанр инструкции исследовался в работах некоторых лингвистов с точки зрения организационной структуры [2], как официально-деловой текст [3]. Рассматривался социолингвистический аспект инструктивных текстов [4], однако как жанр инженерной коммуникации инструкции описаны не были.

Методология и метод, материал исследования

В современном жанроведении предлагаются различные интенциональные типологии, предполагающие разделение жанров на группы в зависимости от коммуникативной цели/интенции. Однако они не всегда способны отразить всё многообразие жанров. Исследователями предлагаются различные «анкеты», в них вычленяются те или иные жанрообразующие признаки, главными из которых большинством исследователей признаются коммуникативная цель, образ говорящего, образ адресата, тема речи, языковое воплощение [5–9].

Осуществляя речеведческий подход к изучению речевого жанра (РЖ), Т. В. Шмелева предлагает использовать модель, особенностью которой исследователь считает движение «от автора, его замыслов и предварительных условий общения к способам языкового воплощения РЖ, в которых для адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация» [9: 91]. Этот

подход в значительной степени опирается на мысль М. М. Бахтина о том, что речевые жанры есть типовые модели построения речевого целого [6: 163]. Главное место в предложенной модели занимает коммуникативная цель, признак, противопоставляющий четыре типа РЖ (информативные, императивные, этикетные, оценочные), «каждый из которых объединяет довольно большое количество жанров, различающихся внутри названных типов по другим жанрообразующим признакам» [9: 91–92], которые включают образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания, композиционную структуру и языковое воплощение как лексические и грамматические ресурсы жанра. Названные критерии были исследованы М. М. Бахтиным как конститутивные признаки высказывания [6: 199]. Т. В. Шмелева указывает на то, что первые «шесть параметров относятся к реальностям действительности и общения, тогда как параметр языкового воплощения прямо выводит РЖ в пространство языка с его сложнейшей дифференциацией языковых средств по требованиям речи» [9: 97].

В настоящей работе данная модель была избрана в качестве опорной при рассмотрении жанрообразующих параметров такого традиционного для области инженерной коммуникации текста как руководство по эксплуатации.

Эмпирический материал исследования составили 20 текстов руководств по эксплуатации на оборудование российских производителей: 10 руководств составлены для эксплуатации различного вида оборудования (строительного, отопительного, измерительного) на предприятиях, 10 руководств по эксплуатации для рядовых потребителей. Общий объём исследуемого материала – 418 страниц (*Частотомеры АКТАКОМ серии АСН-832Х, РЭ; Котел водогрейный жаротрубный КВ-М-4–115Н, Инструкция по эксплуатации и техническому обслуживанию Триммер-кусторез, модель: БТ-8926Д, БТ-8933Д; Перфораторы ручные электрические, П-24/700ЭР-2, руководство по эксплуатации и под.*).

«Руководство по эксплуатации» (РЭ) определяется как документ нормативно-технического характера, который является частью пакета документации, прилагаемой к товарам, содержащим в себе сведения о конструктивных особенностях продукции, ее составных частях, принципе действия и требованиях по безопасности во время эксплуатации, ремонту и обслуживанию [10].

Результаты исследования

Рассмотрим основные жанровые параметры названного типа текстов.

1. Коммуникативная цель

Коммуникативная цель признается основополагающим признаком РЖ всеми исследователями, так как в процессе общения говорящий интуитивно выбирает тот или иной жанр в зависимости от цели своего высказывания. Однако следует заметить, что коммуникативная цель, во-первых, является хоть и важной, но только частью высказывания, и, во-вторых, она может быть общей у нескольких жанров, в таком случае ее дифференцирующая сила ослабляется. Таким образом, наряду с коммуникативной целью, необходимо выделять конкретное коммуникативное намерение говорящего, мотив речевого действия, составляющие завершенность высказывания и определяющие его принадлежность к тому или иному РЖ. Коммуникативная цель руководства по эксплуатации – регулирование деятельности как профессионалов, так и непрофессионалов по надлежащему использованию устройств. Обозначенная коммуникативная цель РЭ определяет его как императивный жанр. Однако коммуникативная цель некоторых разделов документа, на первый взгляд, отличается от основной коммуникативной цели руководства в целом. Следует отметить, что согласно требованиям ГОСТ 2.601–2013 и ГОСТ 2.105–95 по составлению инструкций и руководств по эксплуатации данный документ представлен последовательностью обязательных разделов, включающих общие сведения (или основные положения), технические характеристики, использование по назначению, техническое обслуживание, текущий ремонт, хранение, транспортирование, утилизацию, меры безопасности. И такие разделы, как «Общие сведения» и «Технические характеристики» лишь сообщают цель и область применения, а также информируют о количественных значениях технических параметров устройства, т. е. не вызывают осуществление или неосуществление необходимых событий [11] – правильной эксплуатации. Однако, несмотря на преимущественно информативный характер этих разделов, данные, представленные в них, налагают определённые ограничения на условия использования приборов и устройств, а значит, косвенно регламентируют эти условия, и данные разделы служат также достижению коммуникативной цели жанра РЭ в целом. Коммуникативная цель рассматриваемого жанра выражается при помощи следующих языковых средств:

– клишированных формулировок высокого уровня эксплицитности, характерных для документов с заранее определённой структурой: «В целях правильного и безопасного использования устройства, прежде чем приступить к работе с ним, изучите

руководство»; «Прочтение руководства по эксплуатации (далее – Руководства) даст возможность полного использования возможностей станка в соответствии с его назначением»; «Данное руководство по эксплуатации содержит важные указания по безопасной, целесообразной и рентабельной эксплуатации устройства»;

- пассивных конструкций, поскольку решающее значение имеет сама технология (а именно, ее надлежащая эксплуатация), а не субъект, эксплуатацию выполняющий: «ввод проводов питающей сети выполняется через штуцер, расположенный на левой боковой стенке электрошкафа», «первый пуск котла в эксплуатацию под нагрузкой производится по разрешению приемочной комиссии», «станок подключается к цеховому заземляющему устройству»;
- глаголов в повелительном наклонении, в том числе и в отрицательной форме: «Отпустите зажимной рычаг...», «Установите защитный кожух кулачком кодирования 29 в паз кодирования...», «Не работайте с этим электроинструментом во взрывоопасном помещении...», «Ни в коем случае не изменяйте штепсельную вилку...», «Не перегружайте проводки чрезмерным усилием прижатия...», что подчёркивает императивный характер жанра, когда указания принимаются к обязательному исполнению.

2. Адресант и адресат

Соотносимые между собою образ автора и образ адресата также являются жанрообразующими признаками. Отношения критериев «образ автора» и «образ адресата» проявляются в первую очередь в выборе жанра: говорящий (автор, адресант) выбирает жанр и способ его реализации в зависимости от адресата.

Адресант. Рассматриваемые в данной работе тексты РЭ создаются и вводятся в действие обобщенным адресантом-компанией-разработчиком соответствующей технологии или при её участии, т. е. профессионалами. В анализируемых текстах автор проявляется следующими способами:

- через непосредственное обозначение в самом РЭ: «Интерскол» (на титульном листе), «ОАО «Боринское», «Компания Энергомаш выражает Вам свою признательность за приобретение триммера», «Руководство разработано Макеевским инженерно-строительным институтом при участии компании «Металлург»»

либо обозначением представителей компании-разработчика в разделе «Сервис и консультирование», «Контакты» и под.;

- поскольку конкретная ситуация (регулирование инженерной деятельности) определяет образ адресанта и определяет его речевую роль, мы можем проследить сферу деятельности адресанта и его профессиональные компетенции (через сложность и объем профессиональной терминологии) вне зависимости от наличия наименования компании в РЭ:

«Кран-манипулятор предназначен для производства погрузо-разгрузочных, строительного-монтажных работ»: адресантом является компания-производитель погрузо-разгрузочного оборудования; «Котлы отопительные водогрейные предназначены для отопления и горячего водоснабжения квартир, жилых домов, коттеджей, зданий...»: адресант – производитель отопительного оборудования, «Рубанок ручной электрический (далее по тексту «рубанок») предназначен для строгания древесины в бытовых и производственных условиях»: адресант – производитель бытовых слесарных инструментов.

Адресат. РЭ предназначены, во-первых, для специалистов, отвечающих за надлежащие и безопасные установку, эксплуатацию, обслуживание, оценивание, транспортировку и утилизацию технологии. Во-вторых, – для потребителей (непрофессионалов), которые могут оказывать влияние на популярность/непопулярность технологии. Обращение к адресатам различной степени профессиональной подготовки заставляет адресанта выбирать разные языковые средства при реализации жанра. В таблице приведены примеры наиболее характерных обозначений адресата в руководствах по эксплуатации промышленных приборов и оборудования, а также в РЭ на приборы бытового использования.

Из приведенных в таблице отрывков текстов, определяющих адресатов рассматриваемого жанра, очевидны различия в выборе языковых средств в РЭ. Если жанр прогнозируется для профессионалов, наблюдается:

- использование существительных, обозначающие род деятельности и сферу применения технологии при полном отсутствии прямого обозначения адресата;
- использование существительных, именующих должность и профессию.

В случае, если жанр предназначен для непрофессионалов, адресант использует:

- формальное обращение к адресату, что отсутствует в РЭ для промышленных устройств. Прежде всего это служит маркетинговым ходом, открывающим общение

Образ адресата в руководстве по эксплуатации для профессионального оборудования и приборов бытового использования

Identification of Addressee in Operations Manual for Industrial Equipment and for Home Appliances

РЭ для промышленного оборудования	РЭ для приборов и устройств бытового назначения
<ul style="list-style-type: none"> • «Руководство должно быть обязательно прочитано перед пуском станка в работу операторами, ремонтниками и другими лицами, отвечающими за транспортировку станка, его установку, пуск в эксплуатацию, обслуживание и поддержание в рабочем состоянии» • «Данное руководство по эксплуатации сверлильных станков должно рассматриваться как неотъемлемая часть станка и всегда оставаться вместе со станком и находиться в распоряжении оператора, ремонтника-электрика и ремонтника-механика станка» • «Серия частотомеров “АСН-832Х” включает в себя приборы “АСН-8321”, “АСН-8322”... и применяется для наладки, ремонта, лабораторных исследований и испытаний приборов и систем, используемых в радиоэлектронике, связи, автоматике, вычислительной и измерительной технике, приборостроении» • «Настоящее руководство по эксплуатации содержит основные указания, соблюдение которых настоятельно необходимо при монтаже, эксплуатации и техобслуживании» 	<ul style="list-style-type: none"> • «Уважаемый потребитель! Перед началом работы с электрической машиной изучите руководство по эксплуатации и неукоснительно соблюдайте содержащиеся в них правила техники безопасности при работе» • «Уважаемый владелец котла “Патриот”! Теперь вы являетесь счастливым обладателем высокоэффективного котла, который при правильной установке, эксплуатации и уходе снизит затраты на отопление вашего жилья и прослужит вам долгие годы» • «Уважаемый покупатель! Благодарим Вас за выбор оборудования нашей компании. Мы делаем все возможное при разработке и производстве..., чтобы добиться удобства и безопасности в работе» • «Уважаемый покупатель! Благодарим за доверие, которое Вы оказали нам, выбрав дрель PD-530 Хобби (далее “дрель”») • «Уважаемый покупатель! Компания “Электро-маш” выражает Вам свою признательность за приобретение триммера – кустореза нашей марки»

с адресатом и сокращающим коммуникативную дистанцию. Во-вторых, обращение *уважаемый покупатель/потребитель* даёт непосредственное указание на то, что адресат не рассматривается в качестве специалиста-профессионала;

- выражения благодарности с целью повышения лояльности адресата. Данное языковое средство рассматривается автором жанра как эффективное, поскольку в случае бытового использования адресат жанра одновременно является лицом, принимающим решение о приобретении устройства и оборудования. Напротив, адресатом промышленных РЭ выступает специалист, отвечающий только за непосредственную эксплуатацию оборудования, но не за его приобретение. В связи с этим выражение благодарности за приобретение в РЭ для профессионалов отсутствует, поскольку не является уместным;
- менее формальные обращения оценочного характера («счастливый обладатель»), а также личные местоимения (*Вы Вас, Ваш*).

3. Отношения между адресантом и адресатом

Данный параметр регулируется в направлении от адресанта, который принимает и вводит

в действие определенные требования посредством этого жанра, к адресату, который должен гарантировать соответствие требованиям РЭ при соблюдении определенных условий. Адресат ориентирован на активацию предложенного сценария и включение соответствующей установки адресанта [9]. Говоря иначе, РЭ ориентировано на адресата значительной степени информированности, специалиста, способного воспринять технический документ. Эта характеристика в целом справедлива и для других жанров инженерной коммуникации. В отличие от некоторых научных жанров (например, научной статьи), где автор заинтересован в том, чтобы изложенная информация воспринималась адресатом адекватно, и поэтому раскрывает причинно-следственные связи при аргументации своих идей, в жанре РЭ адресант ориентирует адресата на четкое исполнение правильного алгоритма действий без указания причин следования этому алгоритму.

В связи с этим текст РЭ включает большое количество делимитирующих сигналов, выраженных в основном глаголами повелительного наклонения: «Снимите фиксацию выключателя», «Не прикасайтесь к шлифовальным и отрезным кругам, пока они не остынут» и существительными, обозначающими технологию или её часть: *угловая шлифовальная*

машина, дымоход наружный, саморезы, физические величины как характеристики представленной технологии: (полезная мощность, номинальное число оборотов, рабочее давление, вес согласно ЕРТА-Procedure 01/2003) и функции, которые предстоит выполнить адресату: правила эксплуатации, техническое обслуживание, сборка, утилизация, т. е. существительные, которые относятся к профессиональной терминологии. Нельзя не отметить нейтральный стиль как в представлении адресанта, так и в обращении его к адресату, а также полное отсутствие языковых средств, указывающих на субъективность.

4. Диктум

Этот параметр является обязательным отличительным признаком жанра. Для его анализа важны такие аспекты, как наличие/отсутствие события, оценочность события, включенность события в личную сферу говорящего, временная перспектива события, количественный аспект диктума [8]. В расширенном понимании анализ диктума жанра предполагает описание содержания в целом. В РЭ как в императивном жанре события относятся к сфере деятельности людей, их прошлым и будущим поступкам. Диктум в РЭ выражается в том, что автор ожидает от адресата использования результатов разработки в соответствии с представленным алгоритмом, о котором автор и сообщает. В языковом плане это находит выражение, прежде всего, в использовании существительных для обозначения композиционной структуры жанра: сферы применения, оценка состояния, хранение, транспортировка, обслуживание, возможные неисправности и способы их устранения и т. д. (т. е. названия разделов уже демонстрируют будущее применение той или иной технологии). Во-вторых, автор применяет профессиональную терминологию для заявления технических требований к устройству: ширина строгания за один проход, наибольшая глубина выборки четверти, класс безопасности машины, средний уровень звукового давления. В-третьих, в рассматриваемом жанре присутствуют конструкции, которые представляют собою рекомендации на основании проведенных испытаний описываемой технологии и включают:

- глаголы повелительного наклонения: «Для работ с резиновой шлифовальной тарелкой 14 ... устанавливайте защитный щиток для руки 12», «При экстремальных условиях работы всегда используйте по возможности отсасывающее устройство»;
- модальные глаголы: «Смонтированный котел может быть введен в эксплуатацию только после приема его специалистом

ми газового хозяйства», «Устройство должно быть установлено совместно с универсальной системой дымоудаления...»;

- глаголы настоящего времени в значении «следует сделать»: «Электроинструмент подключается только к однофазной сети переменного тока, напряжение которой соответствует напряжению, указанному в таблице характеристик», «Для обеспечения качественной и безопасной работы каждый раз после окончания работы машина и вентиляционные отверстия очищаются от пыли и грязи»;
- пассивный залог: «Котёл разработан для водяного отопления индивидуальных домов и зданий коммунально-бытового назначения», «Электроинструмент разработан и предназначен для резки, обдирки ... металлических и каменных материалов без использования воды».

Фактор прошлого, речевой акт, предшествующий жанру, в РЭ не представлен, поскольку данный жанр инициируется именно созданием устройства, а не наличием непосредственного запроса на РЭ. Фактор будущего, или последующий коммуникативный акт, в РЭ не предполагается, поскольку согласно ГОСТ 2.601–2013 на единую конструкторскую документацию «сведения об изделии, помещаемые в документ по эксплуатации, должны быть достаточными для обеспечения правильной и безопасной эксплуатации изделий в течение установленного срока службы. При необходимости в документе по эксплуатации приводят указания о требуемом уровне подготовки обслуживающего персонала» [10], т. е. создается с учётом максимального количества вопросов и ситуаций, которые могут возникнуть у адресата. Последующее общение может состояться в случае возникновения вопросов у адресата, не освещенных в руководстве автором, что автор предусматривает, включая в РЭ разделы «Сервисные службы» или «Техническая поддержка» с указанием контактов для связи. Однако подобные эпизоды общения происходят либо по причине каких-либо издержек РЭ, либо недостаточной компетенции адресата.

5. Композиция жанра

С точки зрения формальной организации РЖ делятся на клишированные и свободные. Рассматриваемый в данной работе жанр относится к клишированным. Композиционная структура руководства по эксплуатации достаточно устойчива и представляет собой последовательность разделов, которая регулируется положениями национальных стандартов

ГОСТ 2.601–2013 и ГОСТ 2.105–95 (описание и работа; использование по назначению; техническое обслуживание; текущий ремонт; хранение; транспортирование; утилизация, меры безопасности) с формулировками, характерными для документальных жанров: «Станок упаковочный мод. JP 730 предназначен для...», «Мероприятия, обеспечивающие безопасность эксплуатации электрооборудования, выполнены в соответствии с требованиями...», «Техническая характеристика электрооборудования приведена в таблице».

6. Языковое воплощение – все лексические, грамматические, стилистические средства, при помощи которых реализуется жанр, отчасти были представлены нами выше, при характеристике других параметров. Рассматривая жанр РЭ, необходимо отметить факт активного использования дискурсивных формул – особых слов и словосочетаний, характерных для употребления участниками в рамках рассматриваемого дискурса:

- терминов, преимущественно технических (*термостат биметаллический, тормоз выбега, аэродинамическое сопротивление*);
- аббревиатур и сокращений (*соединение с сетью EDGE, фиксатор GSH 16–30*);
- значительного количества предупреждающих сообщений типа *Предостережение!* (когда автор идентифицирует явную опасность для адресата, выполняющего те или иные действия, или риск повреждения изделия: *ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ! Раствор чрезвычайно опасен!*), *Внимание!* (если нужно привлечь внимание адресата к способам и приемам, которые следует точно выполнять во избежание ошибок при эксплуатации и ремонте изделия или когда требуется повышенная осторожность в обращении с изделием: *ВНИМАНИЕ! После*

слива масла рулями не работать!), *Запрещается!* (когда нарушения установленных ограничений или несоблюдение требований, касающихся способов и приемов обращения с изделием, могут привести к нарушению мер безопасности: *ЗАПРЕЩАЕТСЯ обрабатывать машину бензином!*).

Заключение

Таким образом, на основании модели РЖ Т. В. Шмелевой, руководство по эксплуатации как жанр инженерного дискурса можем охарактеризовать:

- 1) как императивный жанр с устойчивой композиционной организацией;
- 2) чётко выраженным образом адресанта, что представлено в его сфере деятельности и профессиональных компетенций, и потенциальными адресатами, которые могут быть профессионалами и непрофессионалами;
- 3) особенностями в использовании языковых средств: является нейтральным, в нём отсутствует субъективное начало, несмотря на факт наличия определенного автора и предполагаемого адресата;
- 4) преобладанием модальных глаголов и глаголов повелительного наклонения;
- 5) преобладанием профессиональной терминологии;
- 6) включением значительного количества разнообразных дискурсивных формул, что отвечает требованиям коммуникативной цели жанра – регулирование деятельности по целесообразному и безопасному использованию технологии как профессионалов, так и непрофессионалов – и отражает фрагменты действительности инженерной коммуникации, такие как решение производственных задач, введение технологий, обеспечение производственных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 32–35.
2. Рехтин Л. В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. 178 с.
3. Карабань Н. А. Речевой жанр инструкции // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та. 2008. Т. 7, № 5. С. 96–98.
4. Канацук С. А. Инструктивный дискурс ИТ корпораций: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 227 с.
5. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 63–87.

6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.

7. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 34–44.

8. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

9. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.

10. Единая система конструкторской документации (ЕСКД). ГОСТ 2.601–2013. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200106869> (дата обращения: 25.12.2019).

11. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика*. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

REFERENCES

1. Golovanova E. I. Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: interrelation of concepts. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology and Art History*, 2013, vol. 1 (292), iss. 73, pp. 32–35 (in Russian).
2. Rekhtin L. V. *Rechevoy zhanr instruksiyi: polevaya organizatsiya* [Instruction speech genre: field organisation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Gorno-Altaysk, 2005. 178 p. (in Russian).
3. Karabyan N. A. Instruction speech genre. *Izvestia Volgograd State Technical University*, 2008, vol. 7, no. 5, pp. 96–98 (in Russian).
4. Kanashtchuk S. A. *Instrutivny discours IT korporatsiy: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Instructive discourse of IT corporations: sociolinguistic aspect]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2012. 227 p. (in Russian).
5. Arutyunova N. D. Communication genres. In: *Che-lovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modalnost', deixis* [Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 63–87 (in Russian).
6. Bakhtin M. M. Problema retchevykh zhanrov [Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sotchineniy* [Collected works]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).
7. Dementyev V. V. Phatic and informative communication intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres. *Zanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh", 1997, iss. 1, pp. 34–44 (in Russian).
8. Fedosyuk M. Yu. Unstudied questions of the speech genres theory. *Voprosy yazykoznaniya*, 1997, vol. 5, pp. 102–120 (in Russian).
9. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).
10. *Yedinaya sistema konstruktorskoy dokumentatsii (ESKD). GOST 2.601-2013* [Unified system for design documentation (USDD). GOST 2.601-2013]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200106869> (accessed 25 December 2019) (in Russian).
11. Shmeleva T. V. Speech genre. Opportunities for description and language teaching. *Russistik*, Berlin, 1990, vol. 2, pp. 20–32 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.01.2020 / После рецензирования 20.01.2020 / Принята 23.01.2020

Received 12.01.2020 / Revised 20.01.2020 / Accepted 23.01.2020

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 57–65
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 57–65

Научная статья
УДК 811.161.1'42+811.111(73)'42+929[Путин+Обама]
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж»

Т. С. Боц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Боц Татьяна Сергеевна, старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра коммуникативного саботажа как одного из способов реакции на критику в ответных репликах президентов России и США, В. В. Путина и Б. Обамы. Внутрижанровые тактики коммуникативного саботажа рассматриваются в соотношении с принципами кооперации Г. П. Грайса. Оба подхода воспринимаются как комплементарные по отношению друг к другу, что позволяет получить целостное восприятие отступлений от эталонных норм межличностного общения. Принадлежность коммуникативного саботажа к не прямой коммуникации отражает специфику президентского дискурса, которая заключается в необходимости уклонения от неудобных тем и вуалирования информации в рамках публичного общения с представителями СМИ. Роль коммуникативного саботажа в решении прагматических задач коммуникации президента, таких как борьба за власть, позволяет отнести его к агональным жанрам.

Ключевые слова: коммуникативный саботаж, агональный речевой жанр, принцип кооперации, президентский дискурс

Для цитирования: Боц Т. С. Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 57–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Violation of the cooperative principle as the manifestation of “communicative sabotage” speech genre

Tatyana S. Bots, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article studies the “communicative sabotage” speech genre as a possible way of reacting to criticism in the response utterances of the presidents of Russia and the USA, V. V. Putin and B. Obama. The internal genre tactics of communicative sabotage are considered in relation to Grice’s Cooperative Principles. Both approaches are perceived as complementary in relation to each other, which allows to get a holistic perception of deviations from norms of interpersonal communication. The fact that communicative sabotage belongs to indirect communication reflects the specifics of the presidential discourse, which consists in the need to avoid inconvenient topics and to veil information in public communication with journalists. The role of communicative sabotage in solving pragmatic tasks of the president’s communication, such as the struggle for power, allows to attribute it to agonal speech genres.

Keywords: communicative sabotage, agonal speech genre, cooperative principle, presidential discourse

For citation: Bots T. S. Violation of the cooperative principle as the manifestation of “communicative sabotage” speech genre. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 57–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Нормы речевой коммуникации и соблюдение постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса в построении успешного диалога становились объектом исследования многих лингвистов (В. З. Демьянков, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Т. А. van Dijk, G. Leech, W. Turnbull и др.). В фокусе внимания других ученых (например, О. С. Иссерс, Е. В. Падучева, Е. О. Keenan, G. Lakoff, G. Senft) оказывается прагматический аспект нарушения этих постулатов и возникновение в речи новых имплицитных смыслов, или, по Г. П. Грайсу, коммуникативных имплицатур.

Как известно, в основе принципа кооперации лежит идея о том, что на каждом этапе диалога участники должны совершать коммуникативный вклад, соответствующий выбранной цели этого диалога. Для выполнения принципа кооперации необходимо руководствоваться конкретными постулатами (максимами). Г. П. Грайс разделяет постулаты на четыре категории по аналогии с кантовскими категориями рассудка, а именно: категории количества, качества, отношения и способа. Напомним содержание этих постулатов:

- 1) категория количества определяет объем передаваемой информации. Согласно постулатам, входящим в данную категорию, высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения цели диалога;
- 2) категория качества объединяет два постулата истинности, которые гласят, что высказывание не должно содержать ложной информации либо фактов без достаточных доказательств;
- 3) категория отношения включает лишь один постулат релевантности. Сам Г. П. Грайс испытывал затруднения в объяснении действия этого постулата на практике, а именно: при каких обстоятельствах «отклонение от темы» допустимо и какие типы релевантности возможно выделить;
- 4) категория способа указывает на то, как нужно формулировать свои мысли, чтобы выражаться ясно и быть понятным собеседнику. Сюда относятся постулаты о краткости, организованности, необходимости избегать неоднозначных и непонятных выражений.

Постулаты принципа кооперации были сформулированы с той позиции, что цель участников общения – максимально полный и эффективный обмен информацией. Однако, по признанию самого Г. П. Грайса, это слишком узкое определение. Приведенный комплекс постулатов, по мнению ученого, необходимо привести к общему виду, чтобы его можно было применить к различным целям, например, оказанию влияния или

управлению действиями людей [1: 45–47; 2: 222–224].

Иными словами, уже сам Г. П. Грайс понимал, что эти постулаты действуют не во всех ситуациях общения, а только при равенстве интересов собеседников. Некооперативная стратегия речевого поведения позднее была названа «коммуникативным саботажем».

Одно из наиболее ранних упоминаний коммуникативного саботажа в отечественной лингвистике находим в работе Т. М. Николаевой (1990). Примечательно, что, опубликованная в тематическом выпуске «Логический анализ языка», статья называется «Противоречивость и аномальность текста». Полагаем, что три десятилетия назад в лингвистике главенствовал такой подход в оценке эффективности коммуникации, когда в фокусе внимания исследователей оказывалась конвенциональность речевого поведения, отклонения от эталона считались речевой аномалией. Однако сам автор отмечает, что жесткое следование этим нормам «иллюзорно», а отклонения от них являются более естественными и реалистичными, чем «оптимистические предпосылки» принципа кооперации [3: 25]. Обращаясь к прагматическому аспекту явления, исследователь говорит о коммуникативном саботаже как о коммуникативной установке, направленной на «срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе» [3: 26]. Ученый выделяет четыре вида саботажа:

- 1) навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации,
- 2) нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос,
- 3) стремление уйти от ремо-предикативного аспекта беседы (от обмена новой, характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта),
- 4) желание задеть, обидеть собеседника [3: 26].

В исследовании В. Ю. Андреевой (Скобликовой) проявления некооперативной стратегии речевого поведения объединены и представлены как речевой жанр коммуникативного саботажа [4]. Коммуникативный саботаж понимается ученым как «реактивный жанр, выражающий скрытое противодействие говорящего, представляющий собой имплицитный отказ ответить на вопрос собеседника, выраженный в форме отказа от ответа, уклонения от ответа или смене темы обсуждения» [4: 31].

Таким образом, коммуникативный саботаж носит неявный характер и для его обнаружения требуется оценить «элементы речевой ситуации» [5: 51]: особенности изучаемого дискурса, контекста, социальные роли говорящих, «фактор адресата» [6], а также их лингвокультурную принадлежность. В этой связи мы счи-

таем возможным отнести коммуникативный саботаж (далее – КС) к жанрам непрямо́й коммуникации. Вслед за В. В. Дементьевым под непрямо́й коммуникацией мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [7: 3].

В рамках нашего исследования объектом изучения выступают способы и средства реагирования на критику в речи президентов России В. В. Путина и США Б. Обамы, выявленные в результате анализа стенограмм и аудиозаписей ежегодных итоговых пресс-конференций за период с 2012 по 2016 гг. За единицу исследования принято диалогическое единство, состоящее из вопроса, содержащего отрицательно-оценочное высказывание (реплика-стимул) и ответа президента (реплика-реакция). Было проанализировано 28 ответных фрагментов диалогических единств (141832 печатных символа) В. В. Путина и 23 ответных фрагмента диалогических единств (98077 печатных символов) Б. Обамы.

Анализ материала показал, что одним из возможных способов вербальной реакции на критику и является КС как показатель противостояния, обусловленного столкновением интересов представителей разных социальных ролей.

В диссертационном исследовании Е. Э. Яренчук КС рассматривается в рамках когнитивного подхода и определяется как тип имплицитного конфликта между собеседниками [8]. По мнению исследователя, причинами возникновения КС могут являться внешние и внутренние факторы. К внешним факторам, по мнению Е. С. Яренчук, относится нарушение коммуникативных норм и правил поведения, выделенные автором внутренние факторы можно свести в единый спектр эмоционально-ценностных установок личности говорящего [8: 9].

В исследовании К. Ф. Седова КС упоминается как негативная черта «конфликтно-агрессивной языковой личности» [9: 22]. Приводимый ученым пример коммуникативного саботажа (ответ вопросом на вопрос) иллюстрирует лишь один из возможных способов его актуализации в речи.

В приведенной ниже таблице представлены результаты нашего сопоставления категорий постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса (1985) с внутрижанровыми тактиками и языковым воплощением КС, изложенными в исследовании В. Ю. Андреевой (2009).

Приведенная таблица позволяет представить целостную картину явления коммуникативного саботажа и оценить его с позиции нарушения традиционных норм успешной коммуникации. Как видим из таблицы, жанр коммуникативного саботажа не предполагает нарушения постулатов категории способа (максима манеры). Следовательно, в рамках КС говорящий соблюдает ясность в выражении мыслей, не нарушая принципа кооперации, что вполне логично и оправданно, так как запутанность и неоднозначность в речи противоречит и основному принципу КС, т. е. имплицитности. Неразборчивая, сбивчивая речь спровоцирует повышенное внимание собеседника, в такой ситуации уход от ответа и смена темы не останутся незамеченными и будут оцениваться как коммуникативная неудача говорящего. Следовательно, как мы считаем, коммуникативный саботаж не предполагает нарушения постулатов категории способа, поэтому данная категория в рамках данной статьи при анализе материала нами не учитывалась.

В нашем материале КС, как один из способов вербальной реакции на критику, является показателем противостояния, обусловленного столкновением интересов представителей разных социальных ролей. И в этом отношении мы солидарны с мнением О. С. Иссерс в том, что для политического дискурса характерно нарушение принципа кооперации [10: 67–70]. Формат публичного диалога с президентом предполагает участников общения во многом с противоположными коммуникативными задачами. Задача представителя СМИ – получение как можно большего количества информации по сложным, часто провокационным вопросам. Задача президента продиктована его профессиональным статусом, что имеет следствием необходимость вуалирования некоторой информации и уклонения от ответа. Приём уклонения является типичным для ситуаций, когда информация, необходимая для ответа на вопрос, недоступна или доступна, но не подлежит разглашению при текущих обстоятельствах [11: 212; 12: 264–269]. Предполагаем, что нарушение принципа кооперации является необходимым условием для достижения коммуникативных задач главы государства.

Рассмотрим вербальные реакции президентов России и США на неудобные вопросы, заданные во время ежегодных пресс-конференций, с позиции внутрижанровых тактик КС. Мы выбрали именно этот вид публичного выступления, так как в нем находят отражение основные общественно-политические события, произошедшие в стране за год, подводятся итоги и дается оценка деятельности

президента и правительства, в этой оценке, безусловно, нередко звучит и критика.

Одним из наиболее часто нарушаемых постулатов в речи В. В. Путина и Б. Обамы является постулат категории количества «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [2: 222], однако мы не обнаружили отчетливого соотношения его нарушения во внутрижанровых тактиках КС. Думается, что нарушение данного постулата коррелирует с таким типом саботажа, как «навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации», представленным в классификации Т. М. Николаевой.

Количественные подсчеты показывают, что ответные реплики президентов значительно превышают по объему иницирующие реплики журналистов. В некоторых диалогических единствах (ДЕ) это соотношение достигает 1 : 14. Например, в рамках одного диалогического единства из пресс-конференции с В. В. Путиным объем иницирующей реплики равен 732 символам, а реагирующей – 4050 (соотношение 1 : 6). В диалогическом единстве из пресс-конференции с Б. Обамой иницирующая реплика равна 301 символу, реагирующая – 4173 (соотношение 1 : 14). С нашей точки зрения, подобная информационная избыточность объясняется тем, что главы государств используют диалогические жанры интервью как платформу для реализации стратегии удержания власти. Как следствие, в их речи находят отражение различные способы оказания воздействия на аудиторию, обладающие определенной протяженностью во времени.

Вернемся к таблице и проанализируем пример, который иллюстрирует нарушение

постулата количества (внутрижанровая тактика «отказ от продолжения коммуникации»). Приводимый ниже пример отнесен нами к иллюстрации нарушения постулата категории количества «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», потому что Б. Обама, ответив на вопрос журналиста по существу, эмоциональную часть вопроса про сожаления оставил без ответа и прервал разговор. Наша задача состоит в демонстрации повтора вопроса в репликах-стимулах, поэтому считаем целесообразным привести в качестве примера только часть ДЕ.

Journalist: You put it on your back. And so my question is do you have any personal regrets? You're not addressing the fact the public statements you've made to reassure the public – your Director of National Intelligence, James Clapper, months ago went up, got a question from a Democrat, not a Republican, about whether some of this was going on, and he denied it. Doesn't that undermine the public trust?(Вы взяли на себя ответственность. Итак, мой вопрос: есть ли у вас личные сожаления? Вы ничего не говорите о публичных заявлениях, которые вы сделали, чтобы успокоить публику. Несколько месяцев назад во время выступления вашего директора Национальной разведки Джеймса Клеппера ему был задан вопрос от демократа, а не республиканца, о том, происходит ли что-то подобное, и он отрицал это. Разве это не подрывает общественное доверие?)

B. Obama: <...> And that's exactly what we should be doing, is to evaluate all these things in a very clear, specific way, and moving forward on changes. And that's what I intend to do (И это именно то, чем мы должны заниматься –

Внутрижанровые тактики КС сквозь призму принципа кооперации

Intragenre tactics of communicative sabotage through the prism of the Cooperative Principle

Постулаты принципа кооперации	Тактики КС	Языковое воплощение тактик КС
Количество	Отказ от продолжения коммуникации	Лексические средства с семантикой прерывания разговора (например, фраза <i>Без комментариев</i>)
Качество	Уклонение от ответа	Переспрос (ответ вопросом на вопрос); ссылка на другое лицо; риторический вопрос
Отношение	Смена темы	На синтаксическом уровне – вопросительные и восклицательные предложения. На лексическом – разговорная, бранная лексика
Способ	–	–

четко и ясно оценить ситуацию и двигаться в направлении изменений. **И это именно то, что я намерен делать).**

Journalist: So you have no regrets? You have no regrets? (Значит, вы ни о чем не жалеете? Вы ни о чем не жалеете?).

B. Obama: That's what I intend to do (Это именно то, что я намерен делать) (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

В ответном фрагменте диалогического единства в речи американского президента отказ от продолжения коммуникации проявляется в игнорировании вопроса. До этого момента между собеседниками произошел обмен репликами, и тема общения развивалась в направлении, не выгодном для главы государства. Имплицированный отказ от ответа усиливается в данном фрагменте с помощью повтора фразы, произнесенной президентом перед вопросом (*That's what I intend to do*). Некооперативность проявляется здесь и в нарушении постулата качества, что приводит к созданию коммуникативной имплицатуры. Используя логику размышлений Г. П. Грайса, можно сделать вывод, что говорящий вкладывает в высказывание иной смысл, отличающийся от того, который можно передать конвенциональными средствами, и имплицитует его с помощью несоблюдения постулата [2: 222].

Следующий фрагмент диалогического единства из речи Б. Обамы является примером коммуникативного саботажа, который соотносится с нарушением постулатов качества и отношения. Темой обсуждения в данном фрагменте является произошедший в 2013 году случай разглашения разведывательной деятельности спецслужб США и связанные с этим обвинения в недостаточной открытости президента по отношению к гражданам страны.

Journalist: <...> Were you wrong then because you were not fully read in not just on these programs but on other programs outside of the ones you just talked about, where we were potentially listening in on the German leaders, the Brazilian leaders and others, that suggest there were abuses. Number one. And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"? On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not. (Вы ошиблись тогда, потому что не полностью ознакомились с содержанием не только этих программ, но и других,

о которых Вы сейчас не упоминали, где мы возможно прослушивали лидеров Германии, лидеров Бразилии и других, в которых говорится, что были нарушения? Это первый вопрос. И второй, если всё же Вы знали содержание этих программ, является ли это ещё одним примером того, о чем только что говорила Джули в вопросе о доверии американского народа, как в здравоохранении, «если вам нравится ваш план (медицинского страхования. – Т. Б.), вы можете сохранить его». По поводу слежки, полгода назад Вы, глядя в глаза американцам, сказали: «Мы соблюдаем разумный баланс», а полгода спустя говорите, что может и нет»).

B. Obama: Well, hold on a second, Ed. I think it's important to note that when it comes to the right balance on surveillance, these are a series of judgment calls that we're making every single day, because we've got a whole bunch of folks whose job it is to make sure that the American people are protected. And that's a hard job, because if something slips, then the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?" (Так, подожди-ка, Эд. Думаю, когда речь заходит о разумном балансе в слежке, важно отметить, что мы каждый день принимаем ряд решений по этому поводу, потому что есть множество людей, чья работа заключается в обеспечении безопасности американских граждан. Это тяжелый труд, потому что если что-нибудь вдруг пропустят, на следующий же день на пресс-конференции вы спросите меня: «Господин Президент, почему вы это не отследили? Почему люди из разведки пропустили это? Неужели не было способа определить, что произойдет террористическая атака?») (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

На основании рассматриваемого примера можно заключить, что у Б. Обамы коммуникативный саботаж проявляется в виде уклонения от ответа (нарушение постулата качества). Несмотря на то что вопрос журналиста содержит косвенное обвинение во лжи (*On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not*) и потере доверия со стороны граждан страны (*And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"*), президент создает положительный эмоциональный фон, акцентируя внимание адресата

на мысли, что действия спецслужб оправданы и главным приоритетом является *обеспечение безопасности американских граждан*.

Ярким средством воздействия на аудиторию в рассматриваемом примере является коммуникативный прием чужой речи. Б. Обама продуцирует прямую, вымышленную речь, моделируя тем самым в сознании адресата возможную коммуникативную ситуацию (<...> *the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?"*). Если в художественном тексте вымышленная прямая речь используется как стилистическое средство для придания образности и эмоциональности, то в деловой риторике она служит для реализации прагматических задач коммуникации. Как отмечает И. С. Попова, «прямая речь в лишь исключительно редких случаях является имитацией чужой речи, а в большинстве своих проявлений связана с реализацией определенных интенций коммуникантов» [13:67]. В президентском дискурсе вымышленная прямая речь позволяет достичь большей убедительности и является инструментом манипуляции массовым адресатом.

Речевые формы проявления коммуникативного саботажа могут различаться у президентов по степени полемичности. Так, в ответных репликах российского президента В. В. Путина уклонение от ответа реализуется в более экспрессивной, категоричной манере:

Журналист: <...> И о Фонде национально-благосостояния. Какова будет его роль в случае затяжных негативных явлений, если такие, конечно, будут? Сейчас его решено было вскрыть и инвестировать в долгосрочные инфраструктурные проекты, и с учётом Украины тоже, конечно, в ценные бумаги.

В. Путин: Что с учётом Украины?

Журналист: Что было решено потратить деньги на ценные бумаги.

В. Путин: Неправильно.

Журналист: Вложить (почти одновременно с В. Путиным. – Т. Б.).

В. Путин: Не потратить, а разместить.

Журналист: Разместить (Пресс-конференция В. Путина, 19.12.2013 г.)

Приведенный пример представляет собой яркую иллюстрацию саботажа, который проявляется в двух формах: в виде переспроса, «вопросом на вопрос» (*Что с учётом Украины?*) и ответной критики (*Неправильно*). В. Путин в диалоге берет на себя роль наставника, указывая оппоненту на неудачный выбор слова (*потратить*). Можно предположить,

что в представлении президента выражение *потратить деньги* имеет отрицательную коннотацию и создает у массового адресата негативный образ государства. Подтверждение находим в Словаре сочетаемости слов русского языка под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Согласно данному словарю, лексема *тратить* сочетается с такими адвербиальными лексемами как «*расчетливо, щедро, бездумно, зря (разг.), напрасно, впустую (разг.), попусту (разг.)*» [14: 597]. Вместо выражения *потратить деньги* В. В. Путин предлагает использовать *разместить деньги*, что позволяет снизить отрицательный эффект, вызванный вопросом журналиста, и уже в вопросе смягчить критический пафос.

Важно отметить, что представитель СМИ соглашается с возражением президента, что является в данной ситуации единственно верным коммуникативным решением. Хотя вначале журналист пытается исправить себя и предлагает синоним (*вложить*), а затем уже принимает предложенный президентом вариант и повторяет его (*разместить*).

Следуя разработанным О. С. Иссерс моделям имиджа политика, можно сказать, что в приведенном примере В. В. Путин реализует доминанту *Хозяин* или *Сильная рука* [15: 72]. Статус лидера страны обуславливает главенствующую роль в диалоге, что позволяет президенту влиять на сам подбор слов в вопросе и смещать внимание адресата на менее опасные образы (не *потратить*, а *разместить деньги*).

Нарушение постулата релевантности категории отношения, например в речи В. В. Путина, проявляется в уклонении от прямого ответа на неудобный вопрос и построении ответного высказывания вокруг тем, положительно воспринимаемых аудиторией. В данном случае мы можем наблюдать проявление нескольких тактик КС. Рассмотрим это на примере следующего фрагмента пресс-конференции:

Журналист: <...>И при этом когда, например, мы – журналисты – делаем какие-то расследования или выдвигаются общественные обвинения, как против генпрокурора Чайки и его окружения, власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы, или начинает, наоборот, проверять, как прокуратура пришла на телеканал «Дождь», который помогал в расследовании. Если дальнбойщики, например, тоже выходят на акции протеста, то их обвиняют, что это некий заказ и так далее, вместо того чтобы с ними поговорить. Владимир Владимирович, вопрос простой. Когда

Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали? И, может быть, что-то стоит поправить, может быть, ещё не поздно? Спасибо.

В. В. Путин: По поводу итогов. Думаю, что если мы хотим быть объективными, мы должны признать, что итоги не только в этом. Итоги прежде всего в значительном увеличении доходов населения, в укреплении экономики, которая почти в два раза выросла. Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги <...> (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 17.12.2015).

В рассматриваемом фрагменте инициирующая реплика журналиста содержит критику, которая проявляется в обвинительном высказывании (*власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы<...>*). Желание журналиста подчеркнуть необоснованное, по его мнению, поведение власти обуславливает выбор нарочито упрощенной, разговорной лексики (*кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы*), а манипулятивный эффект усиливается с помощью синтаксического параллелизма (*вместо того, чтобы на самом деле разобраться; вместо того чтобы с ними поговорить*). Заключительные фразы высказывания журналиста содержат завуалированный упрек (*Когда Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали?*). Истинным намерением представителя СМИ является, вероятно, передать мысль, что вместо благ, обещанных президентом в начале его президентского срока, в стране царит чиновничий беспредел и безнаказанность.

Ответная реакция В. В. Путина строится на нарушении принципа релевантности. При этом у адресата не возникает ощущения отклонения от темы, так как в своем ответе президент продолжает говорить об итогах, однако вместо тактики разъяснения и оправдания президент использует тактику актуализации положительной информации, перенаправляя тему итогов в иное русло и указывая на положительные результаты развития России (*увеличение доходов населения, укрепление экономики, укрепление обороноспособности страны и т. д.*). Позитивный эффект от сказанного достигается в речи президента посредством повтора (*Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособ-*

ности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги). Три последовательно идущих друг за другом предложения В. В. Путин завершает акцентирующей фразой *вот в чём итоги*.

Нарушение постулата релевантности можем наблюдать и в более ранних публичных выступлениях президента.

Рассмотрим фрагмент диалогического единства из пресс-конференции 2007 г.:

Журналист: <...> И одно уточнение, связанное со строительством нефтепровода. Я понял, что Вы до конца Вашего срока не собираетесь уходить, но... (Оживление в зале.) Нет, вы поймете, вы поймете. Но я прочитал такое резкое мнение, что Вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать. Это мнение, по-моему, шахматиста Каспарова. Так ли? Будет ли этот нефтепровод построен при Вашем присутствии в России или нет?

В. В. Путин: Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь. (Смех.) (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 01.02.2007).

В ответном фрагменте диалогического единства В. В. Путин уклоняется от обсуждения темы преждевременного ухода с поста президента, обращая сказанное в шутку. Несоблюдение постулата релевантности осуществляется за счет намеренной подмены семантического наполнения глагола *убежать*. В речи журналиста данная лексема употребляется в значении «покинуть кого-, что-л., незаметно, тайком; сбежать» [16: 1362], В. В. Путин использует глагол *бежать* в значении «быстро продвигаться вперед в определенном направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли» [15: 64] для построения высказывания, комический эффект которого достигается посредством неожиданной и кардинальной смены темы разговора (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*). Таким образом президент пытается создать впечатление несостоятельности критики и нивелировать негативный эффект от неё. По мнению В. Ю. Андреевой, для институциональных типов дискурса в целом характерна манипулятивная роль говорящего, в речи которого реализуется намерение «незаметно для собеседника изменить ход диалога, повлиять на направление беседы» [17: 13].

Анализируемые речевые действия президента указывают на такую внутрижанровую

тактику КС, как смена темы, что коррелирует с нарушением постулата релевантности. В начале статьи мы упоминали, что Г. П. Грайс предвидел затруднения в аргументации смещения акцента релевантности в процессе коммуникации. Думается, подобная неоднозначность вызвана разной степенью допущения отклонений от основной темы в разных типах и жанрах дискурса. Так, невозможно представить полное отсутствие взаимосвязи между вопросом представителя СМИ и ответом президента, так как это противоречило бы статусу элитарной языковой личности (в терминологии О. Б. Сиротининой). Отклонение от темы в президентском дискурсе смягчается, например, посредством вспомогательных языковых средств. В рассматриваемом фрагменте смещение смыслового акцента достигается с помощью метонимического переноса с темы бегства от ответственности (*Вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать*) в тему спортивных увлечений (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*), что создает комический эффект и вызывает смех в аудитории. Роль шутки в данном случае заключается в сглаживании конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями. В этой связи представляется возможным считать языковую игру (например, на основе метонимии), язы-

ковым воплощением поджанра КС «смена темы».

По нашему мнению, анализируемые выше речевые действия президента относятся к типу психологической амортизации, когда говорящий намеренно смещает смысловой акцент высказывания в сторону тем, положительно воспринимаемых аудиторией. Эти действия направлены на сглаживание конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями.

Подводя итог размышлениям о коммуникативном саботаже как одном из способов реагирования на критику в речи глав государств, считаем возможным отнести КС к агональным жанрам. Вслед за Е. И. Шейгал под агональностью мы понимаем базовую функцию политического дискурса, которая сочетается в себе два аспекта проявления – борьбу за сохранение своего статуса и борьбу против политического противника [18: 393]. Агональность КС проявляется в том, что его «триггером» становится конфликтная ситуация, вследствие которой говорящий направляет речевые усилия на противодействие собеседнику. Отступление от эталонных норм межличностного общения отражает специфику президентского дискурса, которая заключается, например, в необходимости уклонения от неудобных тем и вуалирования информации в рамках публичного общения с представителями СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grice H. P. Logics and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts / eds. P. Cole and J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–238.
3. Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. 280 с.
4. Андреева В. Ю. Речевой жанр коммуникативного саботажа // Вестн. Том. гос. ун-та Сер. Филология. 2009. № 2. С. 30–32.
5. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 460 с.
6. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
7. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
8. Яренчук Е. Э. Коммуникативный саботаж в интерактивно-аналитическом дискурсе (на материале шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2013. 19 с.
9. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч.

ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 13–26.

10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
11. Chilton P., Schaffner C. Discourse and politics // Discourse as social interaction. Discourse studies: Multidisciplinary introduction / ed. T. A. van Dijk. Sage Publications, 1997. P. 206–230.
12. Clayman S., Heritage J. The news interview: journalists and public figures on the air. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 375 p.
13. Понова И. С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопорождаемой речи // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. 2009. № 3. С. 65–69.
14. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 686 с.
15. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестн. Омск. ун-та. 1996. Вып. 1. С. 71–74.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
17. Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 22 с.
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

REFERENCES

1. Grice H. P. Logics and conversation. In: P. Cole and J. L. Morgan, eds. *Syntax and Semantics*, vol. 3, Speech Acts. New York, Academic Press, 1975, pp. 41–58.
2. Grice H. P. Logic and Conversation. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1985, iss. 16, pp. 217–237 (in Russian).
3. Nikolaeva T. N. About “non-cooperative” principle and/or categories of sociolinguistic influence. In: *Logicheskii analiz iazyka. Protivorechivost’ i anomal’nost’ teksta, otv. red. N. D. Arutyunova* [N. D. Arutyunova, ed. Logical analysis of language : inconsistency and anomalous text]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 225–235 (in Russian).
4. Andreeva V. Iu. The speech genre of communicative sabotage. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 2, pp. 30–32 (in Russian).
5. Mikhail’skaya A. K. *Osnovy ritoriki. Mysl’ i slovo* [Basics of rhetoric. The thought and word]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1996. 460 p. (in Russian).
6. Arutyunova N. D. Addressee factor. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367 (in Russian).
7. Dementyev V. V. *Nepriamaia kommunikatsiia* [Indirect communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
8. Iarenchuk E. E. *Kommunikativnyi sabotazh v interaktivno-analiticheskom diskurse (na materiale shou)* [Communicative sabotage in interactive analytical discourse (based on the show material)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kursk, 2013. 19 p. (in Russian).
9. Sedov K. F. On the genre nature of the discursive thinking of the language personality. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 13–26 (in Russian).
10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics in the Russian speech. 5th ed.]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (in Russian).
11. Chilton P., Schaffner C. Discourse and politics. In: T. A. van Dijk, ed. *Discourse as social interaction. Discourse studies : Multidisciplinary introduction*. Sage Publications, 1997, pp. 206–230.
12. Clayman S., Heritage J. *The news interview : journalists and public figures on the air*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 375 p.
13. Popova I. S. Direct speech and citation as ways of transmitting someone else’s word in speech. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, ser. Filologiya*, 2009, no. 3, pp. 65–69 (in Russian).
14. *Slovar’ sochetaemosti slov russkogo iazyka, pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina* [P. N. Denisov, V. V. Morkovkin, eds. Dictionary of Russian word combinations. 2nd ed.]. Moscow, Russkii yazuk Publ., 1983. 686 p. (in Russian).
15. Issers O. S. What politicians say to please their people. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1996, iss. 1, pp. 71–74 (in Russian).
16. *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo iazyka, pod red. S. A. Kuznetsov* [S. A. Kuznetsov, ed. Big explanatory dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
17. Andreeva V. Iu. *Strategii i taktiki kommunikativnogo sabotazha* [Strategies and tactics of communicative sabotage]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kursk, 2009. 22 p. (in Russian).
18. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2020 / После рецензирования 18.05.2020 / Принята 25.06.2020

Received 10.03.2020 / Revised 18.05.2020 / Accepted 25.06.2020

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 66–77
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 66–77

Научная статья
УДК 81'27'42:342.6
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>

Форматы и жанры медиакommunikации исполнительной власти

М. А. Ширинкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614990,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Аннотация. Статья нацелена на общее описание системы медиаресурсов исполнительной власти в жанровом аспекте. Произведён обзор литературы о специфике компьютерно-опосредованной коммуникации и сферы связей с общественностью. Дано определение жанра применительно к интернет-среде, утверждается, что значимой характеристикой медиажанра является формат как совокупность дискурсивных и медийных особенностей, обусловленных техническими возможностями различных служб Интернета.

На материале официальных сайтов органов исполнительной власти, пабликов ее пресс-служб и аккаунтов отдельных должностных лиц в социальных сетях и сервисах микроблоггинга (ВК, Instagram, Twitter), а также каналов в мессенджерах (Telegram) выделены жанровые разновидности медиасообщений. Утверждается, что медиакommunikации исполнительной власти образуют единую систему средств и способов ее связи с обществом на базе различных интернет-сервисов и платформ. Комплекс разнокодовых медиасообщений составляет сценарий коммуникации со всеми возможными целевыми группами государства с целью создания в массовом сознании позитивного имиджа исполнительной власти в целом и отдельных должностных лиц в частности. Автор приходит к выводу о том, что при размещении в Сети коммуникативного продукта его основные жанровые признаки остаются узнаваемыми (объем, тема, композиция, стилистические особенности), варьирует только форма представления информации, которая предлагается адресату в знаках разных семиотических систем: текст, видео, фото, анимация, музыка, графика и ее частная форма инфографика и др. Перспективным представляется категориально-текстовый подход к медиажанрам, который позволит детально описать их типологические свойства.

Ключевые слова: дискурс исполнительной власти, диалог власти с гражданами, медиакommunikации, сайт органа власти, социальные сети, мессенджер, PR-текст, формат, жанр

Для цитирования: Ширинкина М. А. Форматы и жанры медиакommunikации исполнительной власти // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 66–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>

Formats and genres of media communication of the executive power

Mariya A. Shirinkina, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614990, Russia

Abstract. The article presents a general description of the system of the executive power media resources from the point of view of its genre organization. The author offers a literature review on computer-mediated communication and the sphere of public relations and gives a definition of a genre in connection with the Internet. It is argued that an important characteristic of a media genre is its format regarded as a sum total of discourse and media aspects determined by the technical capacity of various Internet services.

On the basis of executive power official websites, their press service publics and accounts of individual officials in social networks and microblogging services (VK, Instagram, Twitter), as well as messenger channels

(Telegram) the author singles out genre varieties of media messages. The author argues that the executive power media communications form an integrated system of communication means and methods of communicating with the society through various Internet services and platforms. The complex of multi-code media messages constitutes a scenario of communication with all possible target groups of the state with a view to create in the collective consciousness a positive image of the executive branch in general and that of the individual officials in particular. The author comes to the conclusion that, when a communication product is posted on the Web, its principal genre features (volume, theme, composition, stylistic peculiarities) remain recognizable, and only the form of presenting the information offered to the addressee with the help of different semiotic systems varies: text, video, photo, animation, music, graphics and infographics as its particular mode, etc. The research of categorical and textual approach to media genres, which allows to describe their typological characteristics in detail may be regarded as a promising continuation of this study.

Keywords: executive branch discourse, dialogue between authorities and citizens, media communication, authority website, social networks, messenger, PR text, format, genre

For citation: Shirinkina M. A. Formats and genres of media communication of the executive power. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 66–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире коммуникация власти с обществом преобразуется, поскольку изменяются каналы связи между ними. Традиционные собственно вербальные жанры (отчет, биография, имиджевая статья и др.) трансформируются, в опоре на возможности компьютерных технологий и Интернета развиваются новые – креолизованные (интернет-релиз, видеоотчет, твитт, фоторепортаж, пресс-подход и др.). Медийные формы диалога власти с активными гражданами получают широкое распространение, что отмечено политологами [1, 2], специалистами по теории PR [3, 4], социологами [5, 6] и др.

Под воздействием интенсивно меняющихся информационных технологий и сети Интернет кардинально меняется структура процесса коммуникации, более активно используются аудиовизуальные (поликодовые и гипертекстовые) способы передачи информации. Актуальным становится изучение жанрового репертуара этих форм общения [7–13]. Однако четкой, целостной жанровой классификации медиапродуктов пока нет.

Дискурсивная практика одной из ветвей власти – исполнительной – обозначена нами как дискурс исполнительной власти, который мы определяем как речевую реализацию когнитивно-коммуникативной деятельности должностных лиц органов исполнительной власти при осуществлении ее функций (государственного управления, контроля и надзора за исполнением законов, информирования о собственной деятельности и др.). Данный дискурс выражается в целостной системе жанров (с делением их на предписательные, эпистолярные, информационные) и варьирует в зависимости от условий взаимодействия исполнительной власти с различными типами адресатов [14]. Дискурс исполнительной власти носит институциональный характер

и оформляется преимущественно в письменной / печатной форме. Целостное описание жанровой системы дискурса исполнительной власти требует учета новой – электронной – формы коммуникации, в частности, таких медиаресурсов, как официальный сайт органа власти, социальные сети и мессенджеры.

Подчеркнем, что в России есть установленные законом требования к официальному сайту органа власти [15], однако законодательно никак не урегулированы официальные паблики государственных органов в социальных сетях и блоги отдельных должностных лиц, а также каналы в мессенджерах.

Цель статьи – охарактеризовать медийные средства, которые использует сегодня исполнительная власть для коммуникации с обществом, в аспекте их жанрового многообразия.

1. Теоретические основания

Сложность и многоплановость проблемы дифференциации сетевых жанров обусловлена главным образом многообразием подходов к понятию жанра и использованием соответствующего термина лингвистами разных научных направлений, прежде всего интернет-лингвистами, виртуального жанроведения (и так называемой лингвистики 2.0), пиарологии (в том числе пиаргенристики) и др. Охарактеризуем эти подходы.

Комплексный лингвистический анализ новой коммуникационной среды проводит Л. Ю. Шипицина, которая определяет предмет своего исследования как компьютерно-опосредованную коммуникацию (КОК), задаваясь вопросом о том, что является основной единицей КОК: «Словоформа? лексема? речевой жанр? тип текста? формат? дискурсивная практика?» [12: 5]. Текст как продукт в новой коммуникационной среде понимается Л. Ю. Шипициной как «сложное семиотическое произведение, объективированное в виде

электронного документа, границы которого определяются доменным адресом в Интернете или передаваемой за один акт общения информацией, содержательным и стилистическим единством и прагматической направленностью» [там же: 12], обладающее связностью, целостностью, членимостью, интенциональностью, завершенностью и другими свойствами, присущими феномену текста, но видоизмененными «под действием средства и канала коммуникации» [Там же]. В свою очередь, *жанр компьютерно-опосредованной коммуникации* Л. Ю. Шипицина определяет «как типовую форму речевой деятельности в коммуникации со специфическими содержательными и формальными характеристиками, опосредованной компьютером и телекоммуникационными сетями» [там же: 11. Выделено нами. – М. Ш.], а модель описания жанра компьютерно-опосредованной коммуникации конструирует как совокупность целого ряда факторов: медийных (*В каком формате?*), прагматических (*Кто? Кому? Зачем? Где?*), структурно-семантических (*Что?*) и стилистико-языковых (*Как?*). В опоре на медийные, функциональные и структурные признаки исследователь производит классификацию жанров КОК, выделяя следующие их функциональные группы: 1) информативные (институциональные веб-страницы, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и архивы); 2) социальные (чат, электронное письмо, новостная группа, форум, социальная сеть); 3) директивные (веб-баннеры, веб-страницы объявлений, интернет-магазины, аукционы); 4) презентационные (личные веб-страницы, веблоги); 5) эстетические (сетевые романы, фанфикшн); 6) развлекательные (мультипользовательские миры и игры) [12: 21–22]. Подчеркивая сложную структуру интернет-коммуникации, в более поздних работах исследователь предлагает рассматривать несамостоятельное жанровое образование, бытующее в составе более сложного жанрового образования, например комментарий к исходной публикации, как субжанр [16: 529], а целостный сайт – как «полифункциональный гипержанр», «комплексное жанровое образование», включающее в свой состав несколько жанров [17: 175].

Ценным для нашего исследования является выявленная Л. Ю. Шипициной зависимость категорий текста от технических параметров компьютерно-опосредованной коммуникации, например, электронная форма существования текста влияет на такую категорию, как членимость, технический параметр гипертекстуальности обуславливает специфику выражения категорий связности, целостности, за-

вершенности и членимости, интерактивность определяет особенности выражения категорий адресованности и субъектности.

Е. И. Горошко, подчеркивая коммуникативное многообразие / полифонию всемирной Сети, метко называет ее «своеобразной жанро-порождающей средой» [8: 370] и с соавторами определяет теоретические основания новой научной области – виртуального жанроведения [18, 19]. Представив широкий обзор зарубежных исследований дигитальных жанров, Е. И. Горошко делает вывод о том, что в большинстве из них говорится о функционировании в Интернете трех типов жанров: 1) погруженных в веб бумажных жанров, 2) их модификаций в связи с особыми условиями существования и 3) собственно дигитальных – цифровых, – возникших в цифровой среде, среди которых называют электронную почту, чаты, блоги, социальные сети, видеохостинги, мессенджеры типа Viber, WhatsApp, Telegram и др. [8, 20]. При этом, указывая на синонимичное употребление в исследовательских работах по интернет-лингвистике терминов *виртуальный жанр / дигитальный жанр / интернет-жанр и интернет-сервис / коммуникативный сервис Интернета*, исследователь настаивает на разграничении сфер их употребления, а именно: термин *виртуальный жанр*, по ее мнению, – «это скорее понятие для описания различных видов и аспектов коммуникации в сети Интернет, в то время как *коммуникативный сервис* – термин скорее технический, использующийся для описания программного обеспечения, технологических платформ, на которых базируется существование различных электронных жанров» [19: 226]. Иными словами, для лингвистического описания типичных форм коммуникации даже в новых информационных условиях уместно использование устоявшегося термина *жанр*. Однако классификация жанров, как представляется, должна базироваться на коммуникативных и собственно лингвистических признаках, а не технических критериях, которые взяты за основу классификации в процитированных работах.

Поскольку коммуникации власти в медиасреде относятся к ведению теории PR (связей с общественностью), обратимся к описанию типов и жанров коммуникативных продуктов в работах этого научного направления. Один из основателей петербургской школы пиарологии А. Д. Кривоносов указывает несколько оснований для классификации PR-текстов: 1) по степени подготовленности он делит PR-тексты на первичные (собственно тексты) и вторичные (готовые к публикации журналистские материалы); 2) по сложности – на простые и сложные, представляющие собой «набор»

простых текстов, объединенных общей тематикой; 3) по сегментированию потребительской группы – на тексты, предназначенные для внешней и внутренней коммуникации; 4) по способу доведения текста до общественности – на директ-тексты, то есть те, которые распространяются посредством прямой рассылки, и тексты, распространяемые через СМИ; 5) по структурно-семантическим признакам (вслед за Л. Е. Кройчиком) – оперативно-новостные, оперативно-исследовательские, исследовательско-новостные, исследовательские и исследовательско-образные [21: 21–25]. От классификации PR-текстов А. Д. Кривоносов отличает их жанровую типологию, выделяя 1) оперативно-новостные жанры (пресс-релиз, приглашение); 2) исследовательско-новостные жанры (бэкграундер, лист вопросов-ответов, имиджевое интервью); 3) фактологические жанры (факт-лист, биография); 4) исследовательские жанры (заявление для СМИ, имиджевая статья, кейс-стори); 5) образно-новостные жанры (байлайнер, поздравление) [там же: 25]. Хотя все указанные классы и жанровые типы относятся к бумажной PR-продукции, в более поздних работах исследователь уточняет, что сегодня они распространены и в сети Интернет и находятся в постоянном развитии – подвергаются модификации и гибридизации [22].

В целом соглашаясь с определением PR-текста А. Д. Кривоносовым и с его классификациями, Л. В. Балахонская отмечает, что в Интернете PR-текст всё чаще строится на невербальных компонентах, поэтому среди них выделяются вербальные, вербально-визуальные, визуальные, мультимедийные и даже – гипотетически – собственно аудиальные PR-тексты [23: 38]. Подчеркивая конвергентность (сближение генетически разнородных элементов в структуре текста) медиажанров PR, исследователь делит их на два вида: функционально нагруженные – «представляющие собой синтез текстов трех коммуникационных сфер (журналистского, рекламного и PR-текста) и способные выполнять целый ряд функций» [24: 216] – и жанрово полиморфные, «в которых наблюдается совмещение признаков разных жанров одного текстового феномена – PR-текста» [там же: 217].

Итак, с одной стороны, власть использует для коммуникации с обществом множество медиаресурсов (сайты, социальные сети, видеохостинги, мессенджеры и др.), каждый из которых представлен разветвленной системой присущих ему жанровых типов и подтипов, с другой – исследователи, замечая это многообразие, выстраивают типологии и классификации медиатекстов на разных основаниях, зачастую называя одни и те же жанровые формы внутри разных классов и типов, едино-

гласно указывают на присущие медиатекстам жанровое смешение и трансформацию жанров, а также появление и активизацию новых форм подачи информации.

Л. В. Балахонская предлагает решение существующей исследовательской задачи: «Возможно, имеет смысл говорить не о новых жанрах, а о новых форматах PR-текстов в Интернете, различающихся такими дискурсивными характеристиками, как поликодовость, гипертекстуальность, интертекстуальность, наличие ключевых слов, полиадресатность, многоканальность распространения, полифункциональность, конвергентность и др.» [24: 220]. Подчеркнем, что идея внедрения термина *формат* в связи с изучением медиажанров развивается в работах многих исследователей [8, 11, 12, 25, 26]. Г. В. Лазутина отмечает, что понятие «формат» «в большинстве случаев используется для того, чтобы обозначить совокупность признаков какого-либо предмета коммуникации, если понимать таковой как направляемый аудитории информационный продукт» [25: 17]. Л. Ю. Шипицина предлагает обозначать термином «формат» совокупность медийных параметров жанра (среди которых электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность, количество и эксплицированность коммуникантов). Формат, по ее мнению, «перекликается со специфическими особенностями той или иной службы Интернета (электронной почты, чата, Всемирной паутины и др.)» [12: 19]. О. Ю. Усачева указывает медийные параметры, входящие в понятие формата: 1) характер доступа к электронному ресурсу: ограниченный либо неограниченный; 2) направленность коммуникации (интерактивный потенциал формата): однонаправленная или двунаправленная; 3) характер адресации: персональная или имперсональная; 4) открытый / закрытый характер сферы общения; 5) временной режим коммуникации: синхронный, асинхронный режимы общения, либо их совмещение (по выбору пользователя); 6) особенности визуальной структуры формата, – и диктуемые техническим регламентом веб-программирования [11: 35]. На базе каждого интернет-формата возникает полижанровое образование (веб-сайт, электронная почта, чат, телеконференция (форум), сетевой дневник (интернет-дневник, веб-блог), гостевая книга, формат мгновенных сообщений), которое О. Ю. Усачева обозначает термином *гипержанр Интернета* с присущим ему репертуаром частных речевых жанров.

Безусловно, формат – очень широкое по семантике понятие, на что указывают многие исследователи [11, 24, 26]. При этом термин *формат* очень удобен для использования при

характеристике перечисленных медиасредств. Об этом свидетельствуют, в частности, и широко распространенные в Сети популярные статьи с рекомендациями о том, как эффективнее использовать эти форматы (см., например: Руководство по форматам публикаций в Instagram – <https://smmplanner.com/blog/rukovodstvo-po-formatam-publikacij-v-instagram/>; Креативные форматы подачи контента в соцсетях – <https://blog.ingate.ru/detail/etoj-lente-nuzhen-novyy-geroy-o-podache-kontenta-v-sotssetyakh/> и др.).

К. В. Киуру и А. Д. Кривоносов вводят для медиасферы термин *поликодовый коммуникационный продукт*, определяя его как «результат профессиональной деятельности в сфере публичных и массовых коммуникаций по производству медиа-продукта, ивент-продукта, рекламного и PR-продукта, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами» [27: 43]. Применительно к интересующему нас дискурсу полагаем, что поликодовым коммуникационным продуктом можно считать любой готовый медиатекст (в широком смысле), подготовленный от имени исполнительной власти, идентифицируемый в жанровом аспекте, с присущими ему техническими возможностями (форматом), характерными для интернет-сервиса, на котором он размещается.

Думается, что система интернет-жанров характеризуется разветвленностью в связи с тем, что один и тот же жанр приобретает дополнительные форматные характеристики, обусловленные техническими возможностями и типом адресата (целевой общественностью – в теории PR) той или иной технологической платформы.

Таковыми платформами мы считаем официальные сайты органов исполнительной власти в Интернете, социальные сети и сервисы микроблоггинга (в рамках которых существуют официальные паблики этих органов и официальные аккаунты должностных лиц), мессенджеры (позволяющие организовать каналы, т. е. тематические группы органов власти). Как правило, один и тот же жанр, размещенный на той или иной платформе, приобретает дополнительные технические характеристики – «транслируется» в определенном формате.

В определении понятия *жанр* мы опираемся на дефиницию К. Ф. Седова, который утверждает, что речевой жанр – это «модель вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей» [28: 26]. Рассуждая о жанрах современной медиасферы в виртуальном диалоге с К. Ф. Седовым, Т. В. Шмелева пишет: «Медиатекст воплощается не только на естественном языке, что характерно для речевых жанров, но и

аудиально, визуально, экранно – в рамках таких институций, как радио, телевидение, интернет. Это означает, что для медиажанра существенна **фактурная парадигма**, а кроме того, один текст может соединять различные коды» [13: 35. Выделено автором. – М. Ш.]. Исходя из этого, считаем возможным расширить приведённое выше определение речевого жанра – в некотором смысле универсализировать его следующим образом: **жанр** (в том числе литературный, музыкальный, видео-, медиа-, журналистский, пиар и т. д.) – модель оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей с помощью знаков всех существующих сегодня семиотических систем. Примерами медиажанров исполнительной власти могут служить медиарелиз, пост в соцсети, твитт (как особая разновидность поста), инфографика, фоторепортаж, интервью, видеопоздравление, прямой эфир, пресс-подход, комментарий.

Средствами какой бы семиотической системы ни пользовался создатель жанра, все они служат одному – общению, суть которого в передаче информации, а различия заключаются только в способах передачи информации. Опишем эти способы.

2. Анализ материала

2.1. Официальный сайт государственного органа или органа местного самоуправления – «сайт в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" <...>, содержащий информацию о деятельности государственного органа или органа местного самоуправления...» [15: ст. 1], ориентированный на обеспечение доступа к информации о деятельности названных органов различным типам пользователей: другим органам власти, гражданам, организациям, общественным объединениям. Отправителем информации является исполнительная власть государства. Темой всех материалов официальных сайтов органов власти является деятельность органов власти. В целом этому ресурсу присуща тональность информирования.

Композицию сайта можно охарактеризовать как подвижную. Контент организован по принципу гипертекста: пользователь имеет возможность изучать размещенные здесь материалы в любой последовательности, переходя по гиперссылкам от одного документа к другому. Сайт характеризуется открытой структурой, его содержимое постоянно пополняется, имеются сервисы для обратной связи с пользователем.

На официальном сайте органов исполнительной власти представлен весь ассортимент возможностей для передачи информации пользователям: фото-, видеоматериалы, он-

лайн / интернет-приемная, возможности копирования вербальных материалов – собственно текстов, системный поиск по заданным критериям, интуитивно понятный интерфейс.

В отличие от других медийных способов связи с пользователями, сайт характеризуется широким жанровым ассортиментом: здесь воспроизводятся все традиционные бумажные официальные документы исполнительной власти (постановления, указы, распоряжения и др.), представлены трансформированные бумажные жанры (обращение гражданина и официальный ответ на него преобразованы в модельный текст типа «вопрос – ответ», пресс-релиз, видеопоздравление от имени должностного лица, видеоинтервью и т. д.) и собственно медиажанры (видеоинструкция, например, «Как записать ребенка в садик» на сайте администрации города Перми по адресу: <https://www.gorodperm.ru/upload/pages/595/Sadik.mp4>, фоторепортаж, прямой эфир).

Установлено, что соответствующие вербальные материалы, например, пресс-релизы, представлены на сайте текстами большего объема, нежели в социальных сетях, но в обоих источниках, как правило, сопровождаются визуальными компонентами.

2.2. Официальный паблик и личная страница во «ВКонтакте». «ВКонтакте» – это, как известно, российская социальная сеть, которая позволяет пользователям размещать информацию в разных форматах (текстовом, графическом, видео- и аудио-) и обмениваться личными сообщениями. Органы власти представлены в «ВК» как личными страницами должностных лиц, так и официальными аккаунтами – пабликами, на которых размещается актуальная информация. Пабликом называется официальная группа органа власти, пресс-службы органа власти. Информация передается средствами нескольких семиотических систем: языковыми, графическими, видео, аудио. Доступ к информации имеют все пользователи социальной сети.

Гипертема паблика – исполнительная власть, она разворачивается в отдельных сообщениях о деятельности власти, мероприятиях и событиях, связанных с ней. Информацией для очередного поста может стать отдельная деталь целого мероприятия или события как во время подготовки к нему, так и в процессе проведения. Приведем для примера совокупность постов, посвященных Первой городской онлайн-спартакиаде «PRO Качаем Пермь». Всего с 8 июня по 2 июля 2020 г. этому мероприятию посвящено 11 постов и видеороликов в официальном паблике пресс-службы администрации города Перми. В них мы наблюдаем последовательное развитие темы: 8 июня размещено первое со-

общение о начале спартакиады: вербальный текст с основной информацией, сопровождаемой гиперссылкой на сайт Спартакиады, а также видеоролик-приглашение к участию в мероприятии от заместителя главы города. Затем в течение месяца среди сообщений на другие темы размещаются посты об идущей Спартакиаде. В них содержатся варианты (расширенные или сокращенные) исходного текста, гиперссылка на официальный сайт мероприятия, а также новые видеоролики разных жанров (приглашения от известных людей города Перми, инструкции известного тренера и др.). Заключительное сообщение содержит информацию о победителях и видеоролики – нарезку материалов об участниках Спартакиады. Видеоролики ориентированы на разные группы адресатов и направлены на привлечение пермяков к здоровому образу жизни и занятиям спортом. Для маркировки темы в сообщениях «ВК», как и в других социальных сетях, используются хэштеги (например, *#PROКачаемПермь*), с помощью которых весь контент паблика группируется в подтемы в рамках общей гипертемы. Подача информации происходит в тональности констатации и позитивного воздействия.

Жанровый ассортимент официальных аккаунтов пресс-службы органов исполнительной власти и местного самоуправления (администраций городов РФ и их территориальных и функциональных подразделений) включает 1) текстовые анонс-релизы, пресс-релизы, сопровождаемые элементами графики, инфографикой и видео, ответы на комментарии; 2) разнообразные видеожанры: пресс-подход, интервью, комментарий, рейд, публичные слушания, видеоотчет, поздравление, оперативное совещание; 3) графические сообщения: фотоальбом, фоторепортаж; 4) аудиозаписи (песни патриотической и краеведческой направленности) и мн.др.

Личные страницы должностных лиц, как правило, содержат сообщения на стене (посты), видеозаписи, фотоальбомы, статьи. Информация подается констатирующим тоном, иногда сопровождается субъективной оценкой описываемых событий.

2.3. Блоги в Instagram. Instagram – социальная сеть, ориентированная на обмен фотографиями и видеороликами, поэтому здесь преобладают визуальные формы общения, в качестве основного элемента выступает фото или видео, к которому прилагаются небольшие текстовые титры. Как правило, они направлены на сообщение о знаковых государственных или региональных событиях, выражение мнения должностного лица об этих событиях и, в конечном итоге, на формирование его позитивного имиджа в глазах граждан.

Доступ к информации открыт для любого пользователя Сети. В Instagram представлены как органы власти, так и отдельные должностные лица.

Во всех коммуникативных продуктах преобладает констатирующая тональность, но в индивидуальных блогах хорошо заметны личностные проявления, приемы интимизации и индивидуализации. Продемонстрируем это на примере блога мэра города Перми Д. И. Самойлова в Instagram. Так, в сообщениях-отчетах о проделанной работе используется персонификация (я-высказывания) и опора на формы прошедшего времени глаголов совершенного вида с результативным значением: *В воскресенье вместе с коллегами провели разбор ситуации с уборкой снега на улицах города с выездом по «болевым точкам». Маршрут был максимально комфортным для профильных чиновников – я составил его сам на основе жалоб пермяков в соцсетях и на портале «Управляем вместе»... В ходе объезда еще раз убедился, что основные дороги в большинстве районов содержатся нормально, чего не скажешь про дворы и проезды... Поручил отработать взаимодействие с ГИБДД. С помощью лексем оценочной семантики эксплицируется отношение к ситуации в городе. В анонсирующих сообщениях также используются я-высказывания с глаголами в форме будущего времени, побудительные формы глагола: **Я обещал лично проверить, как проходит уборка города, в том числе и дезинфицирующими средствами. Завтра перед Пасхой объеду город. Пишите в комментариях, на какие места надо обратить особое внимание, буду воспитывать подрядчиков и районы. Всем здоровья!** В таких постах, как правило, звучит выстроенное от первого лица и адресованное горожанам приглашение к общению и сотрудничеству*

Жанровый состав постов Instagram включает посты-отчеты, посты-анонсы, посты-поздравления, посты-предупреждения, прямые эфиры, комментарии на резонансную тему.

2.4. Блог или группа в Twitter. Twitter был задуман как микроблоггинг, а не социальная сеть, поэтому он более всего ориентирован на выражение своего отношения к происходящему, на сообщение подписчикам о событиях своей жизни (в нашем случае – о событиях в городе / государстве / иногда в мире) или того, что особенно волнует адресанта – представителя исполнительной власти. В Twitter размещается только очень короткая (лимит до 140 символов при запуске сервиса, до 280 символов – сейчас) новостная заметка констатирующего (безоценочного) характера (но емкая по смыслу) со ссылкой

на основной объемный текст, например, пресс-релиз на официальном сайте органа власти.

Подчеркнем любопытный факт, обнаруженный нами при обследовании официального аккаунта президента РФ в Twitter: посты в аккаунте написаны от третьего, а не от первого лица (*Президент подписал Указ о проведении парадов и салюта в честь 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне*).

По сути, в блоге появляется новый жанр, которого нет в письменной коммуникации в виде документов, как нет и на официальном сайте, – **ТВИТТ** – очень короткий текст констатирующего и / или оценочного характера (в зависимости от того, какую коммуникативную цель ставит перед собой автор блога). Твитт аналогичен пресс-релизу, который используется на официальных сайтах органов власти, но отличается от него краткостью и возможной оценочностью. На официальном сайте такого жанра нет, либо он используется как цитата в контексте пресс-релизов.

Относительно всех социальных сетей и микроблогов (VK, Instagram, Twitter) можно отметить следующее: все представленные на них коммуникативные продукты преследуют функцию информирования, директивные жанры представлены в основном приглашениями, а также памятками разной тематической направленности или видеоинструкциями. Эпистолярные жанры (обращения граждан и официальные ответы на них) в социальных сетях не выкладываются, функция оперативного диалога с представителями власти реализуется посредством комментариев к постам. Активно используются эпидейктические жанры: поздравление, благодарность, приветствие, обращение и заявление (в кризисных ситуациях), – целью которых является воздействие на эмоциональную сферу адресата, изменение его настроения. Эти жанры проникают в электронную коммуникацию из устной формы общения и отличаются, как правило, особой тональностью торжественности, искренности, открытости. Собственно текстовых сообщений не встречается, текст всегда сопровождается графическими или видеоматериалами.

2.5. Канал в Telegram. Telegram – мессенджер, т. е. система мгновенного обмена сообщениями и медиафайлами. Длина сообщений в мессенджере не ограничена. Программа отличается оперативностью передачи данных и удобством в подаче материала, а также широким охватом аудитории, именно поэтому с помощью сервиса часто проводятся опросы пользователей. Форматные особенности мессенджера, в отличие от социальной сети, таковы: в нем используется иной способ представления новых сообщений – новые

публикации появляются ниже в ленте событий. Кроме того, у получателя отсутствует возможность комментирования исходных сообщений.

Как правило, специалисты PR-службы органов исполнительной власти дублируют релизы с официального сайта в канал мессенджера. Если текст релиза велик по объему, оставляют только заголовок и первый абзац (лид), заголовок служит в этом случае гиперссылкой на веб-страницу официального сайта органа власти с соответствующим материалом. Новые сообщения, например, в официальном канале Министерства образования и науки РФ появляются от 2 до 8 раз в день, в выходные дни новости не выкладываются.

3. Медиаатексты в составе дискурса исполнительной власти

Исходно выявленные нами по коммуникативной цели жанровые типы документов исполнительной власти (предписательные, эпистолярные, информационно-справочные) сохраняются в интернет-пространстве, но к ним добавляется еще один жанровый тип – PR-текст, который понимаем, вслед за А. Д. Кривоносовым, как «вербальный, визуальный, аудиальный и мультимедийный текст: содержащий PR-информацию; функционирующий в пространстве публичных коммуникаций; инициированный базисным субъектом PR; направленный определенной из групп целевой общественности; распространяемый посред-

ством Интернета, СМИ, прямой почтовой или личной доставки; обладающий скрытым или мнимым авторством» [22: 157]. PR-текст составляется специалистом по связям с общественностью, однако субъектом коммуникации в данном случае является государственный орган, представляющий исполнительную власть в целом. С помощью PR-текстов происходит передача информации о деятельности этого субъекта, направленная на формирование или поддержание его публичного – имиджевого – капитала [21: 28]. Иными словами, целью PR-текстов как особого типа является создание и укрепление позитивного образа исполнительной власти и отдельных должностных лиц в сознании общественности.

Учитывая этот факт, представленная нами ранее таблица жанровых типов исполнительной власти [29: 114] может быть уточнена и дополнена новым типом (таблица).

Медиакоммуникации исполнительной власти представляют собой целостную систему, включающую, во-первых, официальные ресурсы – сайты, во-вторых, неформальные средства связи с обществом (аккаунты в соцсетях и группы в мессенджерах). Развитие неформальных средств обусловлено такими их особенностями, как оперативность размещения информации (пост появляется сразу, как только автор его размещает), возможность разместить большие объемы сведений и данных, широкий охват аудитории (причем разных

Жанры дискурса исполнительной власти

Executive discourse genres

Предписательные		Эпистолярные	Информационно-справочные	PR-тексты
Директивные	Регламентирующие			
– указ – приказ – постановление – решение – распоряжение – директива	– положение – правила – порядок – регламент – инструкция	– письмо-ответ на обращение гражданина – служебное письмо	– отчет – официальная информация – административное объявление – памятка – информационные материалы – заключение – извещение	– публичный отчет – пресс-релиз (релиз-анонс и ньюс-релиз) – пост в соцсетях и мессенджерах (пост в ВК, Twitter, Instagram, сообщение в Telegram-канале, Viber, WhatsApp) – онлайн-репортаж (текстовый) – графические продукты: инфографика, анимированная инфографика, фоторепортаж, фотоальбом, фотогалерея, фотолента... – видеопродукты: инструкция, памятка, поздравление, пресс-подход, видеинтервью, онлайн-встреча, онлайн-репортаж... – аудиопродукты: песня, интервью...

социальных групп), удобство использования (как автором, так и адресатом).

Выбранный пресс-службой органа власти определенный формат подачи информации (официальный сайт, группа или индивидуальный аккаунт в ВК, блог в Twitter или Instagram, канал в Telegram) диктует медиастратегию коммуникации с адресатом и подачи той или иной темы (ср. мысли А. С. Пастухова об этом в: [10: 150]). При этом жанровые формы и содержательное наполнение сообщений в Интернете обусловлено социально-демографическими характеристиками и интересами пользователей соцсетей, а также техническими возможностями соответствующих интернет-платформ. Так, на сайте, в ВК и Telegram выкладываются в основном новости или комментарии на резонансные темы. В Instagram посты носят более личный характер, в них отражаются темы и события города глазами представителя исполнительной власти.

Использование комплекса медиаресурсов формирует некий целостный сценарий коммуникации исполнительной власти с гражданами и подчиняется ему. Сотни лаконичных сообщений в нескольких ресурсах одновременно позволяют донести информацию до разных целевых групп адресатов и повлиять на формирование общественного мнения, а следовательно, создание имиджа властных органов и отдельных должностных лиц.

Внутреннее строение, структура текстов, предусмотренных для дисплейного общения, специфична: их отличает, помимо разнокодовых элементов, «блочный синтаксис и расчленение на удобовоспринимаемые клипы (по образцу монтажа кадров в кинофильмах)» [30: 141].

Выводы

Коммуникации исполнительной власти с обществом осуществляются как вне Интернета, так и с помощью web-технологий, которые оказываются важным техническим инструментарием, позволяющим реализовать различные коммуникативные цели, создать множество разнокодовых форм передачи информации гражданам и реализовать обратную связь с ними, представить весь состав документов исполнительной власти.

Примечательная особенность современного коммуникативного пространства, в котором «нынешнее поколение людей оказывается приученным к “тексту трех измерений”, к получению информации в слиянии звука, речи, изображения...» [31: 118] обуславливает широкое распространение в Сети специфичных для сферы власти поликодовых коммуникационных продуктов, как-то: пост, прямая

линия, брифинг, пресс-конференция, встреча, поздравление и т. д.

При этом исходные жанровые модели коммуникативного взаимодействия сохраняются: остаются неизменными тематика, композиция и стилистические особенности речевого произведения, поскольку они напрямую связаны с коммуникативной целью, лежащей в основе жанрообразования, – изменяется только фактура жанра (его обработка, оформление) (см., например, соответствующие текстовые и видео- или аудио-жанры поздравления, репортажа и др.).

Все коммуникационные продукты медиасферы (текстовые, графические, звуковые, видео-) структурированы – разделены на небольшие фрагменты для удобства восприятия их адресатом. Одной из основных примет текстовых электронных сообщений оказывается отмеченный О. А. Евтушенко, «экономичный стиль», проявляющийся как «редукция на всех уровнях» [32: 33]. Действительно, и пресс-релизы на сайтах, и посты в социальных сетях, как правило, отличаются небольшим объемом. Чаще всего в них используются лаконичные фразы констатирующего характера с небольшим количеством слов. При этом «краткость текста компенсируется гипертекстуальностью – наличием ссылок на другие ресурсы» [24: 219].

В целом можно заключить, что официальные аккаунты федеральных органов исполнительной власти ориентированы на взаимодействие со СМИ (в частности, передачу им информации об основных событиях) и на аналитику (обобщение), а аккаунты региональных органов и отдельных должностных лиц – на поддержание контакта с гражданами, формирование доверия и положительной репутации государственных и муниципальных служб. С этим связаны снижение официальности, формальности общения, а также приемы индивидуализации и особые эпидейктические жанры, распространенные в блогах должностных лиц.

И в индивидуальных аккаунтах должностных лиц, и на официальных сайтах органов власти развиваются субъектная и предметная темы: посты рассказывают о субъекте (органе исполнительной власти или должностном лице), предметом описания становится его деятельность.

Каждый пост в социальных сетях потенциально является инициальной репликой в диалоге с гражданами и предполагает возможность его комментирования подписчиками, которые, как правило, выражают в этих комментариях свое отношение к событию или должностному лицу.

Можно заключить, что официальный сайт является первичным источником медиаинформации органов исполнительной власти, все остальные интернет-средства (социальные сети и мессенджеры) вторичны по отношению к нему и часто содержат гиперссылки на различные страницы сайта. На сайте форма изложения характеризуется большей офици-

альностью, в блогах, как правило, дополнительно проявляется личностное отношение. При этом сообщениям на каждом медиаресурсе присущи специфические медийные параметры – формат.

В дальнейшем планируется описание медиажанров исполнительной власти с точки зрения текстовых категорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Официальный сайт Администрации города Перми. URL: <https://www.gorodperm.ru/> (дата обращения: 17.08.2020).

Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 17.08.2020).

Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 17.08.2020).

Паблик «Пермь первая» пресс-службы города Перми в «ВК». URL: <https://vk.com/gorodpermru/> (дата обращения: 17.08.2020).

Глава города Перми в Инстаграм. URL: <https://www.instagram.com/samoilovperm/> (дата обращения: 17.08.2020).

Блог Президента РФ в Твиттере. URL: <https://twitter.com/kremlinrussia> (дата обращения: 17.08.2020).

Канал Министерства науки и высшего образования РФ в Telegram. URL: <https://t.me/minobrnaukiofficial> (дата обращения: 17.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев Н. С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 24 с.

2. Войнов Д. А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической жизни России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.

3. Кривоносов А. Д., Данилова Н. И. История рекламы и связей с общественностью. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 82 с.

4. Пономарев Н. Ф. Теории и стратегии медиатизации публичных коммуникаций. М.: Русайнс, 2018. 222 с. [Текст: электронный]. URL: <https://book.ru/book/931281> (дата обращения: 18.08.2020).

5. Антипов К. А. Местные сообщества как основа местного самоуправления. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 160 с.

6. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях / под общ. ред. Л. А. Василенко, Е. В. Тарасовой. М.: Проспект, 2015. 112 с.

7. Балахонская Л. В., Быков И. А. Специфика PR-текстов в сети Интернет: коммуникативно-прагматический аспект // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 2. С. 41–59.

8. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 370–389.

9. Куру К. В. Digital-жанры современного медиатекста: Pin, Insta, Twit // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 1 (18). С. 39–42.

10. Пастухов А. Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Учен. зап. Орл. гос. ун-та. 2015. № 5 (68). С. 148–153.

11. Усачева О. Ю. Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2013. 53 с.

12. Шипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с.

13. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. Вып. 8. С. 26–37.

14. Ширилкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Изв. УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 2(163). С. 134–146.

15. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 15.09.2020).

16. Шипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 2. С. 528–532.

17. Шипицина Л. Ю. Интерактивный и традиционный каталоги как жанры туристического дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2018. Вып. 15. С. 172–184.

18. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.

19. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 225–237.

20. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 92–100. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100>

21. Кривоносов А. Д. Жанры PR-текста. СПб.: СПбГУ, 2001. 135 с.

22. Кривоносов А. Д. Актуальные проблемы современной теории PR-текстов // Актуальные вопросы речевого взаимодействия. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. С. 156–161.

23. Балахонская Л. В. Современные подходы к определению PR-текста // Российская школа связей с общественностью. 2016. № 8. С. 30–41.

24. Балахонская Л. В. Жанровый полиморфизм PR-текстов в социальных сетях // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2018 г.) /

отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2018. Вып. 4. С. 213–222.

25. Лазутина Г. В. Жанр и формат в терминологии современной журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 14–21.

26. Солганик Г. Я. Формат и жанр как термины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 22–24.

27. Киуру К. В., Кривоносов А. Д. Поликодовый коммуникационный продукт: проблемы терминологии // Коммуникативные исследования. 2018. № 3(17). С. 37–46. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.37-46>

28. Седов К. Ф. Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. С. 25–47.

29. Ширинкина М. А. Жанры письменного дискурса исполнительной власти // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 110–118. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>

30. Костомаров В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. 2010. Vol. 60. С. 141–147.

31. Костомаров В. Г. Невербальные носители смысла и стилистика // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Перм ун-т, 2005. Вып. 9. С. 116–120.

32. Евтушенко О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2019. 39 с.

SOURCES

Ofitsial'nyi sait Administratsii goroda Permi [Official website of the Administration of the city of Perm]. Available at: <https://www.gorodperm.ru/> (accessed 17 August 2020).

Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva RF [Official website of the Government of the Russian Federation]. Available at: <http://government.ru/> (accessed 17 August 2020).

Ofitsial'nyi sait Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia RF [Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/> (accessed 17 August 2020).

Publik "Perm' pervaiia" press-sluzhby goroda Permi v "VK" [Public "Perm First" of the press service of the city of Perm in "VK"]. Available at: <https://vk.com/gorodpermru/> (accessed 17 August 2020).

Glava goroda Permi v Instagram [Mayor of Perm on Instagram]. Available at: <https://www.instagram.com/samoilovperm/> (accessed 17 August 2020).

Blog Prezidenta RF v Tviitere [Blog of the President of the Russian Federation on Twitter]. Available at: <https://twitter.com/kremlinrussia> (accessed 17 August 2020).

Kanal Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia RF v Telegram [Telegram channel of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. Available at: <https://t.me/minobrnaukiofficial> (accessed 17 August 2020).

REFERENCES

1. Bondarev N. S. *Social'nye media v sovremennykh politicheskikh processah: tehnologii i resursy vliianiia* [Social media in modern political processes: technologies and resources of influence]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Polit.). Moscow, 2014. 24 p. (in Russian).

2. Vojnov D. A. *Stanovlenie internet-dialoga kak formy uchastija grazhdan v politicheskoi zhizni Rossii* [Formation of Internet Dialogue as a Form of Citizens' Participation in the Political Life of Russia]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Polit.). Moscow, 2007. 22 p. (in Russian).

3. Krivonosov A. D., Danilova N. I. *Istorija reklamy i svyazei s obshchestvennost'ju* [History of advertising and public relations]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGJeU, 2020. 82 p. (in Russian).

4. Ponomarev N. F. *Teorii i strategii mediatizatsii publichnykh kommunikatsii* [Theories and strategies of mediation of public communications]. Moscow, Rusajns Publ., 2018. 222 p. Available at: <https://book.ru/book/931281> (accessed 18 August 2020) (in Russian).

5. Antip'ev K. A. *Mestnye soobshhestva kak osnova mestnogo samoupravlenija* [Local communities as the basis of local self-government]. Perm', Izd-vo Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta, 2013. 160 p. (in Russian).

6. *Modeli dialoga vlasti i obshhestva v internet-kommunikatsii*, pod red. L. A. Vasilenko, E. V. Tarasova [L. A. Vasilenko, E. V. Tarasova, eds. Models of dialogue between the authorities and society in Internet communications]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 112 p. (in Russian).

7. Balahonskaja L. V., Bykov I. A. Particularities of PR-texts in the internet: Communicative-pragmatic aspect. *Scientific Journal "Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches"*, 2014, no. 2, pp. 41–59 (in Russian).

8. Goroshko E. I. *Teoreticheskij analiz Internet-zhanrov: k opisaniju problemnoj oblasti* [Theoretical analysis of Internet genres: towards the description of the problem area]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, iss. 5, pp. 370–389 (in Russian).

9. Kiuru K. V. Digital genres of contemporary media text: Pin, Insta, Twit. *SIGN: problematic field of media education*, 2016, no. 1 (18), pp. 39–42 (in Russian).

10. Pastuhov A. G. Media genres and media formats: distinguishing concepts. *Scientific notes of Orel State University*, 2015, vol. 5, no. 68, pp. 148–153 (in Russian).

11. Usacheva O. Ju. *Diskursnyj analiz tekstov dialogicheskoi internet-kommunikatsii* [Discourse analysis of texts of dialogical Internet communication]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Elets, 2013. 53 p. (in Russian).

12. Shipicina L. Ju. *Kompleksnaja lingvisticheskaja harakteristika komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii (na materiale nemeckogo jazyka)* [Comprehensive linguistic characteristics of computer-mediated communication (based on the material of the German language)]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Voronezh, 2011. 40 p. (in Russian).

13. Shmeleva T. V. Genre in contemporary media sphere. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2012, iss. 8, pp. 26–37 (in Russian).

14. Shirinkina M. A. Executive Documents in the Functional Styles System of the Russian Language. *Izvestia of the Ural Federal University, Series 2. Humanities and Arts*, 2017, vol. 19, no. 2 (163), pp. 134–146 (in Russian).

15. *Federal'nyj zakon 09.02.2009 no. 8 «Ob obespechenii dostupa k informatsii o dejatel'nosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravlenija* [Federal Law "On Providing Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed 15 October 2017) (in Russian).

16. Shipicina L. Ju. Genre status of an online comment. *Bulletin of the Bashkir University*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 528–532 (in Russian).
17. Shipicina L. Ju. Interaktive and traditional catalogues as genres of tourism discourse. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse Vyp. 15* [Genre and types of text in scientific and media discourse]. Orel, 2018, iss. 15, pp. 172–184 (in Russian).
18. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre study: fixed and disputable. *Questions of Psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 105–123 (in Russian).
19. Goroshko E. I., Zemljakova E. A. Virtual genre study: Paradigm Development. *Scientific notes of the Tauride national University named after V. I. Vernadsky. Ser. Philology. Social communications*, 2011, vol. 24 (63), no. 1, pt. 1, pp. 225–237 (in Russian).
20. Goroshko E. I., Zemljakova E. A. Polyformat messenger Telegram as a genre 2.0 (on the example of messenger of instantaneous report Telegram). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 92–100 <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100> (in Russian).
21. Krivososov A. D. *Zhanry PR-teksta* [PR-text genres]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2001. 135 p. (in Russian).
22. Krivososov A. D. Current problems of modern theory of PR-texts. In: *Aktual'nye voprosy rechevogo vzaimodejstvija* [Topical issues of speech interaction]. Cheljabinsk, Izd-vo Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, pp. 156–161 (in Russian).
23. Balahonskaja L. V. Modern approaches to defining PR-texts. *Russian School of Public Relations*, 2016, no. 8, pp. 30–41 (in Russian).
24. Balahonskaja L. V. Genre polymorphism of PR texts in social networks. *Strategicheskie kommunikacii v biznese i politike, otv. red.-sost. D. P. Gavra* [D. P. Gavra, ed. Strategic communications in business and politics: international academic conference materials (Saint Petersburg 2–23th of November 2018)]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2018, iss. 4, pp. 213–222 (in Russian).
25. Lazutina G. V. Genre and format in modern journalism terminology. *Moscow University Bulletin. Ser. 10. Journalism*, 2010, no. 6, pp. 14–21 (in Russian).
26. Solganik G. Ja. Format and genre as terms. *Moscow University Bulletin. Ser. 10. Journalism*, 2010, no. 6, pp. 22–24 (in Russian).
27. Kiuru K. V., Krivososov A. D. Polycode communication product: problems of terminology. *Communication Studies*, 2018, no. 3, pp. 37–46 (in Russian). <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.37-46>
28. Sedov K. F. Speech genre identity as a component of the communicative competence of the individual. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7*. [Speech Genres: col. of sci. arts]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2011, iss. 7, pp. 25–47 (in Russian).
29. Shirinkina M. A. Genres of written discourse of the executive branch. *Speech Genres*, 2019, no. 2(22), pp. 110–118 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>
30. Kostomarov V. G. Display text as a form of network communication. *Russian Language Journal*, 2010, vol. 60, pp. 141–147 (in Russian).
31. Kostomarov V. G. Non-Verbal Vehicles of Meaning and Stylistics. *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste, otv. red. M. P. Kotjurova* [M. P. Kotjurova, ed. Stereotype and Creativity in a Text]. Perm', Perm' un-t Publ., 2005, vol. 9, pp. 116–120 (in Russian).
32. Evtushenko O. A. *Administrativnyj diskurs: tipy, subyekty, dinamika* [Administrative discourse: types, subjects, dynamics]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Majkop, 2019. 39 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.09.2020 / После рецензирования 15.10.2020 / Принята 26.10.2020

Received 16.09.2020 / Revised 15.10.2020 / Accepted 26.10.2020

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 78–83
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 78–83

Научная статья

УДК 81'27'42

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-78-83>

Трансформация жанра «воспоминание» в социальной сети Instagram

А. В. Угро

Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Угро Анна Владимировна, ассистент кафедры русского языка как иностранного, ugroann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2305-4613>

Аннотация. Активное развитие сферы интернет-коммуникации и расширение технических возможностей стали причиной трансформации существующих жанров и определили появление новых. В статье рассматриваются особенности реализации речевого жанра «воспоминание» в социальной сети Instagram. Критерием для сбора записей было выбрано наличие хэштега #воспоминание, так как, по нашему мнению, с помощью данного хэштега пользователи могут маркировать жанр публикации.

Цель работы – установить, как жанровые характеристики воспоминания находят отражение в поликодовом пространстве. В результате исследования было выявлено, что в социальной сети Instagram обращение к прошлому фиксируется следующим образом: 1) нарратив как традиционная форма жанра сохраняется, в то же время фотография, обязательный элемент данной сферы коммуникации, выполняет иллюстративную функцию; 2) возникает особый тип репрезентации опыта говорящего с помощью креолизованного текста, в котором текст, изображение и хэштеги находятся в отношениях взаимного дополнения. Появление нового способа представления воспоминаний, в котором сообщаемая информация распределяется между несколькими семиотическими системами, объясняется, с одной стороны, стремлением пользователей к экономии речевых усилий, с другой стороны, техническими особенностями социальной сети. Под влиянием указанных обстоятельств происходит утрата языковых показателей значимых характеристик жанра и его модификация. Кроме того, автором поднимается проблема, связанная с трудностями восприятия записей, определяемых пользователями как #воспоминание. При информативной недостаточности вербальных компонентов и отсутствии общей апперцепционной базы у адресата и адресанта понимание может достигаться декодированием изображения.

Ключевые слова: речевые жанры, интернет-коммуникация, социальные сети, воспоминание, креолизованный текст

Для цитирования: Угро А. В. Трансформация жанра «воспоминание» в социальной сети Instagram // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 78–83. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-78-83>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-78-83>

Transformation of the genre “Memoirs” in social network instagram

Anna V. Ugro, ugroann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2305-4613>

Far Eastern Federal University, Campus 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

Abstract. Active development of the Internet communication and the expansion of technical capacities caused the transformation of existing genres and determined the emergence of new ones. The article discusses the features of the implementation of the speech genre “memoirs” in the social network Instagram. The hashtag #воспоминание was chosen as the criterion for collecting entries, since, in our opinion, users can use this hashtag to mark the genre of a post.

The aim of the work is to establish how genre characteristics of memoirs are reflected in the polycode space. The study revealed that in the social network Instagram, the appeal to the past is recorded as follows: 1) the narrative as a traditional form of the genre is preserved, while the photo, an obligatory element of this sphere of communication, performs an illustrative function; 2) there is a special type of representation of the speaker's experience using a creolized text, in which the text, image and hashtags are in a relationship of mutual complement. The emergence of a new way of presenting memoirs, in which the reported information is distributed among several semiotic systems, is explained, on the one hand, by the desire of users to save speech effort, on the other hand, by the technical features of the social network. Under the influence of these circumstances, there is a loss of language indicators of significant characteristics of the genre and its modification. In addition, the author focuses on the difficulties of perception of records defined by users as #воспоминание. Given informative insufficiency of verbal components and the absence of a common apperception base for the addressee and addressee, understanding can be achieved by decoding the image.

Keywords: speech genres, Internet-communication, social network, memoirs, creolized text

For citation: Ugro A. V. Transformation of the genre "Memoirs" in social network instagram. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 78–83 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-78-83>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В последнее десятилетие электронный канал коммуникации занимает все более значительное место в повседневных практиках. Мессенджеры, социальные сети используются не только для расширения круга знакомств, но и для поддержания уже имеющихся связей: неформальных бесед и деловой переписки. Кроме того, появляются и новые способы обмена информацией: используется не только текстовый, но и визуальный код. Так, например, в социальной сети Instagram изображение выступает основным и обязательным элементом коммуникации, а текст и хэштег являются вариативными. Возможность выразить свои коммуникативные интенции с помощью разных семиотических средств нашла отклик у широкой аудитории интернет-пользователей: «в России приложением пользуется каждый десятый – то есть, около 10% населения» [1: 526].

Популярность и активное использование платформы данного типа ведёт к трансформации традиционных речевых жанров и к появлению новых вследствие специфики формата коммуникации.

Как показывает опыт нашего наблюдения, формы речевого поведения пользователей в рамках анализируемого сервиса оказываются бесконечно разнообразными. Они определяются не только техническими возможностями, но и коммуникативными целями авторов, поэтому в записи может содержаться речевой жанр или совокупность жанров – гипержанр. В связи с этим в условиях высокого уровня вариативности постов классифицировать социальную сеть как интернет-жанр, в котором функционируют субжанры, представляется затруднительным [2: 302]. На наш взгляд, предпочтительнее говорить о социальной сети как об особом коммуникативном пространстве, в рамках которого функционируют различные речевые жанры и гипержанры.

Цель данной статьи – проанализировать влияние интернет-коммуникации, в частности, социальной сети Instagram на реализацию и возможную трансформацию речевого жанра «воспоминание».

При описании характеристик социальной сети Instagram как макроструктуры Е. И. Горошко отмечается «высокий уровень интерактивности, оперативности, мультимедийности, наличие удобной поисковой системы по имени пользователей; возможность общения как в синхронном, так и в асинхронном режиме» [2: 306]. Одним из средств обеспечения интерактивности и удобства поиска является хэштег – элемент, который начинается с символа «#», связывает гиперссылки разных пользователей в одну группу по теме или по типу [3: 161]. При помощи компьютерного кода, написанного на языке программирования Python, методом сплошной выборки было получено 500 постов, размещенных пользователями в социальной сети Instagram с июня по октябрь 2019 г. Скачанные записи являются анонимными, так как никнеймы владельцев аккаунтов отсутствуют; каждый пост сохраняется в виде фотографии и текста отдельными файлами. Для сбора данных нами использовался пакет *Instaload*, который позволяет осуществлять поиск и автоматически загружать записи на основании таких параметров, как время и хэштег, в данном случае это хэштег #воспоминание. Так как первичной функцией хэштега является номинация, то возможно предположить, что, указывая данный хэштег, пользователи маркируют определенный тип текста.

Понятие воспоминания в психологической науке рассматривается как 1) восстановление информации, хранящейся в памяти [4: 56]; 2) воспроизведение образов прошлого, локализуемых во времени и пространстве [5: 106]. В первом случае – это общие знания о мире, во втором – личный опыт индивида.

Именно персонализированный опыт переживания и процесс воспроизведения прошлого становятся объектом изучения в языкознании. Воспоминание рассматривается преимущественно на материале устной речи с точки зрения жанрового подхода в составе таких гипержанров, как «разговор с собирателем» (О. П. Кормазина), «непринужденная беседа» (О. П. Кормазина), «юбилей» (И. В. Бородина). В письменной речи обращение к прошлому составляет особый жанр «мемуары» (Е. Ф. Дмитриева, Т. П. Сухотерина).

В социальной сети запись (пост) пользователя выступает самостоятельной коммуникативной единицей, и её содержание, как правило, не связано с предыдущей или последующей записью. Ввиду того что социальная сеть Instagram выполняет как коммуникативную, так и информационную, развлекательную, коммерческую функции, записи не могут быть объединены в один жанр из-за отсутствия тематической и смысловой общности. Кроме того, с технической точки зрения каждая запись имеет свой электронный адрес, что также указывает на её автономию.

Основной единицей коммуникации в данной социальной сети выступает креолизованный текст – текст, «основанный на сочетании двух и более единиц различных семиотических систем, которые вступают в отношения связи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [6: 22].

К традиционным характеристикам речевого жанра воспоминания относятся глаголы, существительные, основным метакомпонентом которых является память, т.н. «имя жанра», (помнить, поминать, вспоминать, на моей памяти и т. п.), а собственно нарратив создается при помощи аористивных, реже перфективных и имперфективных форм глагола [7: 102–103]. Лингвистом О. П. Кормазиной как инвариантные признаки отмечаются средства пространственно-временной локализации: топони́мы, наречия времени, сложные предложения с пространственными, временными отношениями, конструкции возраста [8: 176–177]. Кроме того, исследователями указывается, что в процессе рассказа о произошедшем несомненную важность представляют категории авторизации и персуазивности, с помощью которых говорящим выражается отношение причастности к описываемым событиям и степени их достоверности.

Следует отметить, что размещение записей в социальной сети Instagram имеет асинхронный характер; указание при помощи хэштега на ретроспективность позволяет говорить об отсутствии спонтанности при создании

сообщения: «на ходу, в суете воспоминание осуществить невозможно» [9: 102].

В результате анализа постов, которые были маркированы пользователями хэштегом «воспоминание», нами были выделены 3 базовых типа:

- 1) воспоминание реализуется посредством нарратива, который обладает высоким уровнем автономности, а фотография является дополнительным элементом, выполняющим иллюстративную функцию: *«Моё детство прошло на велосипеде, на гаражах, на деревьях и заборах. Я залазила так высоко 📌, что могла упасть и ничего не оставить после себя. Помню мама идет и кричит: – «Таня,домой!!!». А я ей с самой высокой ветки «сейчас!!!». Мама в ужасе, я счастлива! Бывает уйду далеко от дома, приходишь уже темно,а тебе говорят – тебя мама искала! И все... думаешь трындец тебе сегодня ☹» (на фотографии изображены 2 девочки на дереве);*
- 2) текстовый и визуальные компоненты образуют единый креолизованный текст – воспоминание, в котором каждый элемент зависим от другого: *Лето. #солнечныйдень #прогулка #море #владивосток #набережная #воспоминание #август #лето #амурскийзалив #японскоеморе #россия #любимыйгородвладивосток (на фотографии изображен катер, плывущий по морю).* Замещение нарратива происходит с помощью фотографии, сообщения, которое отражает определенный параметр воспоминания, в данном случае – время, и хэштегов, также включающих показатели репрезентации прошлого;
- 3) полное отсутствие вербализации ментально воспроизводимых событий, переживаний, замещение нарратива визуальным кодом: #воспоминание #старыефотографии (на фотографии изображена девушка). В данном типе воспоминание не является формой передачи своего опыта, а определенным переживанием, которое не находит языкового воплощения.

В данной статье мы подробно рассмотрим записи, маркируемые пользователями как воспоминание, где текст, фотография и хэштег не отделимы друг от друга и составляют коммуникативно-смысловое единство: *Крестины нашей Ангелины 📌❤️ #воспоминание #крещение #иркутск (на фотографии представлено изображение мамы с ребенком на руках в церкви).*

Текстовый компонент реализуется посредством номинативных предложений, нарратив как форма организации текста отсутствует, что

сти при восприятии записи, если он не обладает общей с адресантом апперцепционной базой. Например, запись, состоящая из фотографии, где запечатлены молодые девушки в вечерних платьях на фоне надписи «2018», и сообщения, содержащего только оценку «Молоды и прекрасны ♥ ??», вызывает определенные трудности при интерпретации ввиду отсутствия дополнительной информации в хэштегах. Адресат должен использовать свои знания и представления для реконструирования иных параметров воспоминания. В данном случае возможно предположить, что, так как дата публикации этой записи – 1 июля, объектом воспоминания является выпускной. Таким образом, в социальной сети Instagram при декодировании воспоминания как креолизованного текста оказываются задействованными текстовый и визуальный код.

Возникающие у адресата трудности при попытке представить образ вспоминаемого события объясняются тем, что «домашняя фотография сохраняет очевидную (для владельца альбома) связь с референтом» и не нуждается в пояснении [10: 15].

В результате анализа записей, содержащих хэштег #воспоминание, мы можем говорить о возможности особой реализации жанра, обусловленного спецификой социальной сети Instagram. Цель пользователя – представить вспоминаемое событие или определённый период жизни выражается при помощи раз-

ных семиотических систем. Так как в данном коммуникативном пространстве обязательной единицей передачи информации является изображение, то образ прошлого создаётся, прежде всего, с помощью визуального компонента, обязательное присутствие которого влияет на текстовую форму воспоминания. Нарратив способен трансформироваться в номинативное предложение, которое отображает наиболее значимый для пользователя аспект воспоминания, а другие компоненты жанра содержатся в хэштегах. Такая языковая свернутость также проявляется в отсутствии метакомпонента жанра (глаголов ментальной деятельности), сложных предложений с пространственными и временными отношениями, организующих повествование. Модусные категории персуазивности и авторизации замещаются фотографией, достоверным источником информации, автором которого является пользователь, опубликовавший воспоминание.

Под влиянием особенностей социальной сети Instagram (обязательное присутствие изображения, возможность размещать хэштеги) происходит как бы разложение воспоминания на отдельные характеристики, выраженные разными семиотическими системами, поэтому для понимания коммуникативной цели адресат оказывается вынужденным учитывать одновременно все смысловые компоненты: фотографию, хэштег, текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапутина В. А. Дискурс моды в социальной сети Instagram // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 526–530.
2. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 300–314. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-314>
3. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 156–168. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
4. Кордуэлл М. Психология. А–Я. Словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.
5. Психология: полный энциклопедический справочник / под ред. Б. Мещерякова, В. Зенченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 896 с.
6. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
7. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
8. Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016. 249 с.
9. Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы: избранные работы по русскому языку. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 334 с.

10. Лишаев С. А. Помнить фотографией (к анализу фотографической конструкции памяти) // Вестн. Самар. гуманитар. академии. Сер. Философия. Филология. 2009. № 1. С. 12–36.

REFERENCES

1. Gaputina V. A. Discourse of fashion in the social network Instagram. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, no. 2 (69), pp. 526–530 (in Russian).
2. Goroshko E. I., Poljakova T. L. Instagram as a genre 2.0 (on the example of political communication). *Speech Genres*, 2019, no. 4(24), pp. 300–314 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-314>
3. Shhurina Y. V. Genre features of social network Instagram. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 156–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
4. Kordujell M. *Psihologija. A–Ja. Slovar'-spravochnik* [Psychology. A–Ya. Dictionary-referenc]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2000. 448 p. (in Russian).
5. *Psihologija: polnyj jenciklopedicheskij spravochnik, pod red. B. Meshherjakov, V. Zinchenko* [B. Meshherjakov, V. Zinchenko, eds. Psychology: a complete encyclopedia]. Saint Petersburg, Prajm-EVROZNAK Publ., 2007. 896 p. (in Russian).
6. Voroshilova M. B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to read-

ing]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ., 2013. 194 p. (in Russian).

7. Demeshkina T. A. *Teorija dialektного высказывания. Aspekty semantiki* [Theory of dialect utterance. Aspects of semantics]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 190 p. (in Russian).

8. Kormazina O. P. *Vospominanie kak zhanr razgovornoj rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov)* [Memoir as a genre of oral speech (based on Far East-

ern speech)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vladivostok, 2016. 249 p. (in Russian).

9. Kapanadze L. A. *Golosa i smysly: izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Voices and Meanings: selected works on the Russian language]. Moscow, Institut Russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2005. 334 p. (in Russian).

10. Lishaev S. A. To remember by photography (to the analysis of the photographic construction of memory). *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 2009, no. 1, pp. 12–36 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.02.2020 / После рецензирования 11.05.2020 / Принята 20.06.2020

Received 21.02.2020 / Revised 11.05.2020 / Accepted 20.06.2020

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *И. А. Каргин*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 24.03.2021. Подписано в свет 31.03.2021.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.8 (10.5). Тираж 500. Заказ 24-Т. Цена свободная

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.